
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2022. Том 20, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Шевченко А. А.* Эпистемический патернализм и акрасия 5
- Прись И. Е.* Философия науки Томаса Куна с точки зрения контекстуального реализма 14

Социальная философия

- Слепцова А. О.* Метаморфозы морали как ответы на вызовы истории 33
- Гомес К.-Д.* Парадокс отрицательных эмоций в искусстве: анализ теоретических и эмпирических исследований 43
- Бояркина С. И.* Стигмы болезни и бедности: историческое априори современного дискурса 57
- Зазулина М. Р.* Формы осуществления местного самоуправления и динамика их развития на разных этапах муниципальной реформы 73

История философии

- Каулин А. Л.* Принцип диалогичности М. М. Бахтина как осознанное преодоление монологизации сознания 89
- Стрельцов А. М.* Гамановский Сократ в истории философии 101

Научная жизнь, полемика и дискуссия

- Терентьев В. И.* Дмитрий Викторович Ушаков: доброта в действии (к 50-летию друга и наставника) 114
- Информация для авторов 123

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2022. Volume 20, issue 3

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Shevchenko A. A.* Epistemic paternalism and akrasia 5
- Pris I. E.* Thomas Kuhn's philosophy of science from the point of view of a contextual realism 14

Social Philosophy

- Sleptsova A. O.* Metamorphoses of morality as "answers" to the "challenges" of history 33
- Gomes K.-D.* Paradox of negative emotions in art: analysis of theoretical and empirical studies 43
- Boyarkina S. I.* Stigmas of disease and poverty: A Historical a priori of Modern Discourse 57
- Zazulina M. R.* Forms of implementation of local self-government and dynamics of their development at different stages of municipal reform 73

History of Philosophy

- Kaulin A. L.* The principle of Bakhtin's dialogicity as a conscious overcoming of the monologization of consciousness 89
- Streltsov A. M.* Hamannian Socrates within History of Philosophy 101

Scientific Life, Polemic and Discussions

- Terentyev V. I.* Dmitry V. Ushakov: kindness in action (on the 50th anniversary of a friend and mentor) 114
- Instructions to Contributors 123

Научная статья

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-5-13

Эпистемический патернализм и акрасия

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

Эпистемический патернализм обычно понимается как вмешательство в познавательную деятельность другого лица без его согласия, но ради его блага. Говоря об благе эпистемическом, чаще всего имеют в виду традицию «веритизма», т. е. стремления к истине. В статье обосновывается тезис о том, что одним из вариантов оправдания эпистемического патернализма может быть эпистемическая акрасия, интеллектуальный дефект, который выражается либо в принятии противоположных мнений, либо в неспособности сделать выводы из уже принятых положений, либо в отказе придерживаться эпистемических установок более высокого порядка. Коррекция такого поведения требует расширительного толкования эпистемического патернализма при соблюдении страховочных механизмов, защищающих такие личные ценности, как свобода и автономия.

Ключевые слова

субъект познания, автономия, эпистемическая акрасия, эпистемическое благо, убеждение, истина, рациональность

Для цитирования

Шевченко А. А. Эпистемический патернализм и акрасия // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 5–13. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-5-13

Epistemic paternalism and akrasia

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

Epistemic paternalism is usually understood as interference in the inquiry of another person without their consent, but for their own good. The epistemic good is often treated in the tradition of “veritism” which means the pursuit of truth. The article argues that one of the options for justifying epistemic paternalism

© Шевченко А. А., 2022

can be epistemic akrasia, that manifests itself either in the acceptance of opposing views, or the inability to draw conclusions from already accepted premises, or the refusal to adhere to higher-order epistemic attitudes. Correcting such behavior requires an expansive interpretation of epistemic paternalism while respecting safeguards that protect such personal values as freedom and autonomy.

Keywords

epistemic subject, autonomy, epistemic akrasia, epistemic good, belief, truth, rationality

For citation

Shevchenko A.A. Epistemic paternalism and akrasia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 5–13. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-5-13

Эпистемический патернализм – относительно новая тема в социальной эпистемологии. Одним из ее пионеров был Элвин Голдман, который выделил следующие признаки эпистемического патернализма: во-первых, это вмешательство в познавательную деятельность (*inquiry*) других людей, при этом такое вмешательство обычно осуществляется посредством тех или иных ограничений на доступную информацию. Во-вторых, вмешательство происходит без согласия тех людей, на которых распространяются ограничения, хотя это не всегда является обязательным условием. В-третьих, вмешательство и ограничения должны быть направлены на благо того, чья познавательная свобода ограничивается, хотя и это условие может пониматься весьма расширенно [Goldman, 1991]. Ряд последователей сформулировали его в более строгой форме, а также начали разрабатывать не только аргументы в защиту познавательной свободы и автономии, но и возможности такого использования эпистемического патернализма, который бы в конечном итоге шел на пользу тем, в чью деятельность осуществляется вмешательство.

Исходно, по значению слова, патернализм – форма контроля, который имеет родитель над ребенком, но с философской точки зрения интерес представляют ситуации, в которых этот контроль принадлежит социальным институтам и, в первую очередь, государству. Вообще говоря, забота государства в виде патерналистского вмешательства вполне понятна и привычна. Она включает такие стандартные действия, обеспеченные законом, как обязательное использование ремней безопасности, ограничения на продажу алкоголя или рецептурных лекарств, избирательную подачу учебного материала в образовательных учреждениях и т. д. Представителями профессий, наиболее часто практикующих эпистемический патернализм, помимо учителей являются также врачи и представители юридической практики (судьи, присяжные) [Jackson, 2020]. Сам Э. Голдман в качестве одного из примеров эпистемического патернализма приводит сокрытие части информации о прошлом подсудимого от жюри присяжных ради достижения большей объективности. При этом, по мнению Э. Голдмана, такие практики служат не только общему благу, способствуя объективности результата, но именно благу тех, от кого скрывается часть информации, так как такой патернализм защищает их от собственных предрассудков, «...аналогично тому как родитель может прятать опасные игрушки или другие предметы от детей или не сообщать им некоторые факты» [Goldman, 1991. P. 118]. Таким образом, выполняется третье

условие, содержащееся в общих определениях патернализма, – ограничение свободы (в данном случае в плане доступа к информации) происходит в интересах того лица, чья свобода ограничивается.

Но, конечно, субъектом контроля может быть не только государство. Так, все большую озабоченность вызывают ограничения и модерация пользовательской информации со стороны социальных сетей. Делается это обычно под предлогом борьбы с фейковыми новостями или «вредоносным контентом» и соответствует стандартному трехчастному определению патернализма: 1) ограничение информации 2) без ведома или согласия опекаемых 3) ради их собственного блага. Кроме прямого ограничения есть менее явные примеры такого патернализма, например автоматическая подстройка ленты новостей под вкусы и интересы пользователя, фильтрующая контент, который он, возможно, не всегда осознанно, предпочел бы не видеть [Castro, Pham, Rubel, 2020. Ch. 2]. Здесь уже встает вопрос об ответственности не только владельцев сетей, но и разработчиков программного обеспечения в плане того, какие изменения в функционал они могут вносить в тех случаях, когда это напрямую влияет на доступ к информации. Прагматическим основанием для эпистемического патернализма часто служит то, что ограничение доступа к той или иной информации может способствовать достижению поставленных целей: например, «слепой эксперимент» или «слепое рецензирование», когда часть информации скрывается либо ради уменьшения количества погрешностей в эксперименте, либо для обеспечения объективности и беспристрастности профессиональной оценки.

Сформулированные Э. Голдманом признаки эпистемического патернализма сразу же вызвали множество комментариев и критики. Прежде всего, если даже признать, что наиболее распространенная форма вмешательства в познавательную деятельность – это сокрытие информации, то эта форма не единственная. Возможны и ситуации нежеланного (против воли человека) раскрытия информации – варьирующиеся от разного рода спойлеров до сообщения медицинских диагнозов в тех случаях, когда пациент предпочел бы их не знать. В этом случае эпистемические ценности, ради которых осуществлялось это вмешательство, вступают в конфликт с ценностями более общего порядка. Если эпистемический патернализм в отношении детей понять легче, ссылаясь на их ограниченную способность к полному или адекватному пониманию, то как оправдать ограничения в отношении взрослых дееспособных людей, осознающих, в чем состоит их благо, и полностью отвечающих за свои поступки? Ценой за такое вмешательство неизбежно становится частичное ущемление таких важных ценностей, как личная свобода и автономия. Ключевой вопрос поэтому состоит в том, насколько и в каких случаях такое ущемление может быть оправдано.

Прежде всего нужно попытаться понять, что следует считать благом, которое должен обеспечить эпистемический патернализм. Благо может пониматься как в узком смысле – как благо эпистемическое или в широком – как любое благо, которого можно достигнуть таким патерналистским вмешательством. В последнем случае возникают сомнения в возможности различить патернализм эпистемический и «общий», поэтому обычно обсуждается благо эпистемическое,

которое может пониматься как любое улучшение или совершенствование познавательной деятельности или познавательных возможностей субъекта познания.

Эпистемическое благо индивида, как правило, трактуется либо в терминах более полного приближения к истине (традиция «веритизма»), либо лучшего понимания ситуации (современная тенденция в эпистемологии добродетелей). В первом случае «эпистемическое совершенствование» напрямую коррелирует с увеличением числа истинных убеждений, которыми обладает либо индивид, либо сообщество. В качестве альтернативы в теории добродетелей эпистемическое совершенствование отождествляется не только со способностью субъекта делать истинные утверждения, но и иным образом совершенствовать свои интеллектуальные возможности, такие, например, как способность к правильным умозаключениям или способность к пониманию. С этой точки зрения эпистемические улучшения возможны и без увеличения количества истинных убеждений, если, например, совершенствуется процедура вывода или достигается понимание более обширных контекстов.

Итак, эпистемический патернализм – это форма контроля за знанием других людей ради их собственного блага. При этом контролирующий субъект не обязан быть экспертом в той области знания, которую он контролирует, хотя Э. Голдман как раз полагал, что наличие экспертного знания может придать легитимность эпистемическим ограничениям. В пример он приводит образовательный процесс, в котором ученикам никогда не предоставляется вся полнота информации и все точки зрения по всем вопросам. При этом ограничения вводятся на двух уровнях: во-первых, отбирается точная информация, соответствующая истине, а на втором этапе уже из этого содержания отбирается только часть, которая может быть изучена по причине практических ограничений. Среди примеров, которые могут быть исключены из школьной программы, Голдман упоминает представления о том, что земля плоская, астрономию Птолемея, астрологию, а также креационизм [Goldman, 1991]. При этом последний, например, не должен изучаться в школах, если, по его мнению, ученые-эксперты вынесут решение о том, что креационизм – не научная теория. Конечно, проблема здесь в том, что экспертами себя считают оба противоборствующих лагеря – как противники, так и сторонники креационизма, приводя различные свидетельства в свою пользу, так что в данном случае имеет место, прежде всего, борьба идеологий. Понятно и то, что одного только экспертного знания явно недостаточно для определения содержания учебных программ и, в более общем плане, для предпочтения одного массива данных в ущерб другому. Эксперты имеются во всех областях, но это не значит, что они могут решать, какой объём информации будет нам доступен.

Кроме того, необходимо различать цели познания и средства. Безусловно, есть случаи, когда эксперт может помочь нам в средствах достижения цели, которую мы явно или неявно обозначили как желаемую. Но если эксперт определяет наши познавательные цели за нас, это уже является недопустимым нарушением нашей познавательной свободы и автономии. Нужно учитывать и то, что цели человека динамичны, они могут изменяться в самую неожиданную сторону. Такие перемены могут являться следствием не вполне «прямого» познавательного пути, результатом случайных знакомств с плохо обоснованными или ложными теори-

ями. Следует иметь в виду, что прокрустово ложе жесткого экспертного вмешательства может заранее лишит человека столь необходимой ему познавательной свободы и экспериментов в области познания и самопознания.

Значительная часть современных дискуссий об эпистемическом патернализме посвящена вопросам о том, в каких случаях такое поведение оправдано при том, что здесь имеет место явное нарушение или ограничение таких важнейших ценностей, как личная свобода и автономия. Самый общий аргумент пользы эпистемического патернализма тот же, что служит обоснованием патернализма в целом. Это прагматический аргумент, суть которого в том, что такое вмешательство возможно, если благо того лица, чья свобода ограничивается, перевешивает издержки, связанные с таким вмешательством. Здесь можно вспомнить известный пример Дж. Милля: «Если должностное или даже частное лицо усмотрит, что кто-нибудь намеревается перейти через мост, через который нельзя пройти без опасности для жизни, и при этом не будет иметь времени предупредить о существовании этой опасности, то может схватить или попятить назад идущего, и это нисколько не будет нарушением индивидуальной свободы, так как свобода состоит в том, чтоб мне не препятствовали делать то, что я желаю, а я не имею желания свалиться с моста в реку» [Милль, 1995. С. 374]. Легко заметить, что этот аргумент напоминает доводы Сократа о том, что никто в здравом уме не может желать себе зла. В диалоге «Протагор» он утверждает, что «...никто – если он знает или предполагает, что нечто иное, и притом выполнимое, лучше, чем то, что он совершает, – не станет делать того же, что раньше, коль скоро возможно нечто лучшее [Платон, 1990. С. 471]. Конечно, как мы теперь понимаем, такой вывод следует из идеализированного представления о человеке как полностью рациональном, всегда нормативно ориентированном существе, не подверженном никаким когнитивным ограничениям.

Главным, но уже специфическим аргументом в пользу эпистемического вмешательства служит опять же прагматический тезис о том, что оно допустимо в тех случаях, когда ведет к совершенствованию эпистемического поведения или какому-то «улучшению» наших познавательных возможностей. Как уже отмечалось, здесь имеется в виду не только содержательная помощь в отборе информации, но и совершенствование операций вывода или же минимизация возможного ущерба. Так, один из известных защитников эпистемического патернализма Алстром-Вий полагает, что, к примеру, в сфере образования учителя могут скрывать правильные и истинные теории в том случае, если такие теории могут сбивать с толку студентов и способствовать неверным выводам [Ahlstrom-Vij, 2013. P. 31].

Важной исходной предпосылкой защитников эпистемического патернализма является утверждение о том, что та среда, в которой мы осуществляем свою познавательную деятельность, не является нейтральной. Бездействие в этой сфере может привести к тому, что субъектам познания будет нанесен ущерб теми, кто находится во властных позициях в информационной экономике, что также ограничит интеллектуальную автономию тех, о ком мы заботимся, но ограничит ее уже представители противоположного лагеря [Godden, 2020. P. 185]. Следуя такой логике, эпистемический патернализм – это ответные действия, целью ко-

торых является выравнивание эпистемического пространства с целью создания справедливых условий для познавательной деятельности.

Главным аргументом, по мнению одного из основных защитников эпистемического патернализма, служит то, что наши когнитивные ограничения и склонности «...делают маловероятным, что мы можем полагаться сами на себя в плане эпистемического совершенствования» [Ahlstrom-Vij, 2013. Р. 177]. Другими словами, нам необходима помощь, в том числе и для защиты нашей интеллектуальной свободы и автономии.

Улучшение познавательных возможностей может пониматься и как минимизация когнитивных недостатков, присущих эпистемическим субъектам. Как представляется, акцент на потенциальных дефектах мышления может стать значимым аргументом в поддержку эпистемического патернализма, серьезным основанием для патерналистских действий, особенно если такие дефекты распространены и имеют фундаментальный характер. Одним из них является эпистемическая акрасия, которую мы и рассмотрим подробнее.

Акрасией обычно называют разрыв между убеждением и действием, когда человек сознательно и намеренно поступает вопреки собственному суждению о том, что считает правильным или должным. Типичным примером такого поведения считается следование вредным привычкам. Одной из первых тем о существовании не только практической, но и «интеллектуальной» акрасии подняла Амели Рорти. Она характеризует интеллектуальную акрасию как ситуацию, когда некоторое верование (*belief*) вступает в конфликт либо с другими продуманными и принятыми им убеждениями и принципами, либо с фактическим свидетельствами. «Человек убежден акратически, если он убежден, что *p*, хотя он имплицитно знает, что *p* противоречит весомым доказательствам или ряду принципов, которые он сам исповедует» [Rorty, 1983. Р. 175].

Примеры расхождения между одновременно принятыми убеждениями весьма разнообразны. Так, Л. Загзебски в качестве примера интеллектуальной акрасии приводит ситуацию, в которой можно «...знать то, что слову конкретного человека нельзя доверять, но все равно верить его авторитету, если он совпадает с твоей позицией» [Zagzebski, 1996. Р. 155]. Д. Дэвидсон примерами эпистемической акрасии считает принятие желаемого за действительное (*wishful thinking*), самообман, а также веру в то, что, как полагает сам субъект, не подтверждается или опровергается имеющимися свидетельствами [Davidson, 2004. Р. 191]. А. Каримов называет эпистемическую акрасию формой интеллектуальной «обломовщины»: «Как Обломов не мог набраться решимости встать с дивана и воплотить свои замыслы, так же и человек может иметь определенные убеждения, но не иметь решимости сделать из них выводы» [Каримов, 2019. С. 257]. Если мы порицаем обломовщину, то эпистемический патернализм здесь можно понимать как ненасильственное принуждение к правильной работе мысли.

Иррациональной же ситуация эпистемической акрасии кажется в силу явного противоречия, когда некто убежден в *p*, при этом полагает также, что имеющиеся у него свидетельства не поддерживают *p*. Примером здесь может служить «парадокс Мура» – «идет дождь, но я в это не верю». Если в случае практической акрасии человек поступает так, как, по его мнению, он не должен поступать, то в случае

эпистемической акрасии человек верит в то, во что он верить не должен, или в то, для чего, по его мнению, у него нет достаточных оснований. Таким образом, с точки зрения идеальной или нормативной эпистемической рациональности эпистемическая акрасия если в каком-то виде и возможна, то иррациональна.

Как и в случае с практической акрасией, говорить о существовании эпистемической акрасии можно только в случае выполнения двух условий – «условие контроля» субъекта над своими мнениями и убеждениями и «условие понимания». Первое условие предполагает, что мы формируем наши убеждения в определенной степени осознанно, на основании некоторой рефлексии. Произвольность акрасии – это первое из ее «условий возможности». Если в области практического поведения предпосылка о произвольности (т.е. о свободе воли) не вызывает особых сомнений, то в отношении эпистемических установок ситуация другая. «Доксастический волюнтаризм», степень произвольности наших эпистемических установок, представляет собой отдельную проблему, где бремя доказательства обычно лежит на тех, кто обосновывает возможность такой свободы в той или иной степени.

Второе условие требует осознанного выбора в пользу того или иного мнения или убеждения при полном понимании альтернативной возможности и понимании того, что совершаемый выбор может быть не лучшим. «Акрасия, в двух словах, – это признак определённого рода свободы, и мы сможем понять её лучше, если глубже исследуем эту свободу» [Серль, 2004. С. 259].

Представляется, что эпистемическая акрасия является вполне законной целью для эпистемического патернализма, то есть для коррекционного вмешательства с целью поспособствовать упорядочению и интеграции когнитивных установок тех, о чьем когнитивном благе идет речь. Подчеркнем, что последствия такого патерналистского вмешательства могут оказаться благоприятными и в других сферах, однако здесь мы намеренно ограничились обсуждением только эпистемических следствий.

Эпистемический патернализм подвергается критике во многих отношениях, прежде всего потому, что он создает серьезную угрозу так называемой «эпистемической автономии», но, как напоминает Алстром-Вий, «...мы зависим от наших коллег в получении информации и результатов, на создание или воспроизведение которых у нас нет ни времени, ни опыта. Поэтому в подавляющем большинстве случаев ценой эпистемической автономии будет неспособность расширить наши эпистемические горизонты за пределы наших индивидуальных и зачастую узких эпистемических перспектив» [Ahlstrom-Vij, 2013. Р. 94]. Оправданы же эпистемические патерналистские вмешательства в том случае, если они предназначены не для того, чтобы говорить людям, во что им следует верить, а помочь понять, как это лучше делать.

Список литературы

- Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетея, 2019.
- Милль Дж. О свободе // Абрамов М.А., Габитова Р.М., Фёдорова М.М. (сост.). О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 288–392.

- Платон.** Протагор. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 418–476.
- Серль Дж.** Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Ahlstrom-Vij K.** Epistemic Paternalism: A Defence. Palgrave Macmillan, 2013.
- Castro C., Pham A., Rubel A.** Epistemic Paternalism Online // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications. L.: Rowman & Littlefield, 2020. P. 29–44.
- Davidson D.** Problems of Rationality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Godden D.** Epistemic Autonomy, Epistemic Paternalism, and Blindspots of Reason // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020. P. 181–197.
- Goldman A.** Epistemic Paternalism: Communication Control in Law and Society // The Journal of Philosophy. 1991. vol. 88. № 3. P. 113–131.
- Jackson L.** Epistemic Paternalism, Epistemic Permissivism, and Standpoint Epistemology // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020. Ch. 13. P. 201–215.
- Rorty A.** Akratic Believers // American Philosophical Quarterly. 1983. vol. 20. № 2. P. 175–183.
- Zagzebski L.** Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

References

- Ahlstrom-Vij K.** Epistemic Paternalism: A Defence. Palgrave Macmillan, 2013.
- Castro C., Pham A., Rubel A.** Epistemic Paternalism Online // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020, pp. 29–44.
- Davidson D.** Problems of Rationality. Oxford, Oxford University Press, 2004.
- Godden D.** Epistemic Autonomy, Epistemic Paternalism, and Blindspots of Reason // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020, pp. 181–197.
- Goldman A.** Epistemic Paternalism: Communication Control in Law and Society // *The Journal of Philosophy*, 1991, vol 88, no. 3, pp. 113–131.
- Jackson L.** Epistemic Paternalism, Epistemic Permissivism, and Standpoint Epistemology // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020, ch. 13, pp. 201–215.
- Karimov A.R.** Epistemologiya dobrodeteli. [Virtue Epistemology]. Spb., Aleteiya, 2019. (in Russ.).
- Mill J.S.** O svobode [On Liberty] // O svobode. Antologiya zapadnoevropeyskoi klassicheskoi liberalnoi mysli [Anthology of western classical liberal thought]. M., Nauka, 1995, s. 288–392. (in Russ.).
- Platon.** Protagor [Protagoras]. Soch.: v 4 t. T.1. M., Mysl', 1990, s. 79–420. (in Russ.).
- Rorty A.** Akratic Believers. *American Philosophical Quarterly*, 1983, vol. 20., no. 2, pp. 175–183.
- Searle, J.** Ratsionalnost' v deistvii [Rationality in Action]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2004. (in Russ.).

Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge University Press, 1996.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022.
The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022.*

Научная статья

УДК 111.1; 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-14-32

Философия науки Томаса Куна с точки зрения контекстуального реализма

Игорь Евгеньевич Прись

Институт философии НАН Беларусь
Минск, Беларусь

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Аннотация

Мы устанавливаем связь между философией науки Т. Куна и витгенштейновским контекстуальным реализмом, как мы его понимаем, а также трактуем в терминах последнего основные понятия первой. В частности, понятие научной парадигмы мы трактуем в терминах понятия формы жизни. Например, мы говорим о ньютоновской и квантовой механиках как грамматиках соответствующих форм жизни. Несоизмеримость парадигм обусловлена принятием различных норм (грамматик). Она не абсолютна, так как грамматические утверждения могут менять свой статус и превращаться в фактические. Сами нормы эволюционируют. Мы подкрепляем аргумент Куна против принципа фальсификации Поппера нашей трактовкой устоявшейся научной теории как витгенштейновской нормы (правила) для измерения реальности. Норма ни истинна, ни ложна; её фальсификация не имеет смысла. Мы трактуем витгенштейновское понятие семейного сходства, употребляемое Куном, как наличие общего эксплицитного или имплицитного витгенштейновского правила (нормы). Исторические примеры Куна и, в частности, пример с системами Птолемея и Коперника, примеры из теории относительности и квантовой механики, а также точку зрения Куна, что участники разных парадигм видят мир по-разному и что наблюдение зависит от теории, мы трактуем с точки зрения тезиса, что онтология чувствительна к контексту. Мы, таким образом, сопротивляемся релятивистской и конструктивистской трактовкам позиции Куна и показываем, почему она не противоречит идее научного прогресса и принципу соответствия между научными теориями. Мы также вкратце сравниваем позицию Куна с позициями И. Лакатоса, Х. Чанга (прагматический реализм) и Дж. МакФарлэйна (оценочный релятивизм), а также сравниваем нашу интерпретацию Куна с его интерпретацией в терминах натурализованного трансцендентализма, предложенной М. Масими.

Ключевые слова

Кун, Витгенштейн, контекстуальный реализм, парадигма, несоизмеримость, научная революция, форма жизни, языковая игра, витгенштейновское правило

Благодарности

Исследование выполнено при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г22МС-001 «Квантовый реализм – контекстуальный реализм. (Кьюбизм и другие интерпретации квантовой механики с точки зрения контекстуального реализма.)».

© Прись И. Е., 2022

Для цитирования

Прись И. Е. Философия науки Томаса Куна с точки зрения контекстуального реализма // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 14–32. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-14-32

Thomas Kuhn's philosophy of science from the point of view of a contextual realism

Igor E. Pris

Institute of philosophy of Nacional Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

frigpr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1721-6388>

Abstract

We establish a connection between T. Kuhn's philosophy of science and a Wittgensteinian contextual realism, as we understand it, and interpret the basic concepts of the former in terms of the latter. In particular, we interpret the notion of a scientific paradigm in terms of the notion of a form of life. For instance, we speak of Newtonian and quantum mechanics as grammars of the corresponding forms of life. The incommensurability of paradigms is due to the adoption of different norms (grammars). It is not absolute, as grammatical statements can change their status and become factual, and vice versa. Norms themselves evolve. We support Kuhn's argument against Popper's falsification principle with our interpretation of an established scientific theory as a Wittgensteinian norm (rule) for measuring reality. The norm is neither true nor false; its falsification makes no sense. We interpret Wittgenstein's notion of a family resemblance, used by Kuhn, as the presence of a shared explicit or implicit Wittgensteinian rule (norm). We interpret Kuhn's historical examples, in particular those with the systems of Ptolemy and Copernicus, relativity theory and quantum mechanics, and Kuhn's view that participants in different paradigms see the world differently and that observation depends on theory, in terms of our thesis that ontology is sensitive to context. We thus resist the relativistic and constructivist interpretations of Kuhn's position and show why it does not contradict the idea of scientific progress and the principle of correspondence between scientific theories. We also briefly compare Kuhn's position with those of I. Lakatos, H. Chang (pragmatic realism) and J. MacFarlane (evaluative relativism), and compare our interpretation of Kuhn with his interpretation in terms of a naturalized transcendentalism proposed by M. Massimi.

Keywords

Kuhn, Wittgenstein, contextual realism, paradigm, incommensurability, scientific revolution, form of life, language game, Wittgensteinian rule

Acknowledgements

The reported study was partially funded by BRFFR according to the research project № Г22MC-001 «Quantum realism – contextual realism. (QBism and other interpretations of quantum mechanics from the point of view of a contextual realism.)»

For citation

Pris I. E. Thomas Kuhn's philosophy of science from the point of view of a contextual realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 14–32. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-14-32

1. Введение

Считается, что связь между Т. Куном и Л. Витгенштейном известна. (См., например, [Read, 2003; Condé, 2020; Pirozelli, 2020; De Oliveira, 2021].) Тем не менее, спустя 60 лет после выхода в свет «Структуры научных революций» продолжают дискуссии о том, как интерпретировать философскую позицию автора (см., например, [Devlin, Bokulich, 2015]). С одной стороны, против неё были выдвинуты обвинения в субъективизме, психологизме, иррационализме и релятивизме.

С другой стороны, признано, что позиция Куна имеет натуралистическое измерение. Позицию также интерпретировали как неокантианскую или как особую разновидность реализма: «перспективного», «адаптивного», «умеренного». Кун, очевидно, отвергает так называемый «научный реализм» как разновидность метафизического реализма, утверждающего существование предопределённого внешнего мира и предопределённой Истины как соответствия этому миру, к которой наука в своём развитии приближается.

В статье мы устанавливаем структурный изоморфизм между философской позицией Куна и нашей интерпретацией философии позднего Витгенштейна и контекстуального реализма (далее: к-реализма) Ж. Бенуа, имеющего витгенштейновское происхождение и полностью выходящего из парадигмы философии модерна. Другими словами, мы утверждаем, что философия науки Куна – витгенштейновский к-реализм применительно к языку науки и научной практике¹. В частности, мы утверждаем, что для Куна онтология чувствительна к контексту – тезис, имеющий, на наш взгляд, важное эвристическое значение для развития современной философии. Разнообразие существующих интерпретаций Куна, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки, обусловлено именно тем, что все они располагаются в рамках философии модерна, вместо того чтобы отказаться от её основных предпосылок.

В разд. 2, 3 и 4 мы формулируем позиции Куна, позднего Витгенштейна и к-реализма. Две последние мы формулируем в нашей собственной интерпретации. Перечитывая Куна, нас поразило, насколько она проливает свет на позицию автора «Структуры», что в то же время свидетельствует и в пользу самой интерпретации. Соответствие между позицией Куна и витгенштейновским к-реализмом устанавливается в разд. 5. В разд. 6 позиция Куна вкратце сравнивается с позициями И. Лакатоса, Х. Чанга (прагматический реализм) и Дж. МакФарлэйна (оценочный релятивизм), рассматривается её (нео)кантианская и перспективистская трактовки, а также наша интерпретация Куна сравнивается с его интерпретацией в терминах натурализованного трансцендентализма, предложенной М. Масими. В качестве иллюстрации мы иногда обращаемся к примеру квантовой революции.

Наше внимание в основном, хотя и не исключительно, фокусируется на «Структуре» и «Дополнении» 1969 года [Кун, 2020]. Более поздние работы, в частности, «После “Структуры”», хотя и уточняют, развивают первоначальную позицию Куна и, быть может, менее радикальны, на наш взгляд, не вносят в неё принципиальных изменений [Кун, 2014]².

¹ Отметим, что уже после написания этой статьи мы узнали о работе Р. Рэда, в которой ставится вопрос о том, не является ли Кун Витгенштейном наук [Read, 2003]. Однако наш подход с точки зрения к-реализма принципиально отличается от подхода Рэда, акцентирующего внимание на проблеме нонсенса.

² Многие авторы полагают, что позиция позднего Куна, в частности относительно несоизмеримости парадигм, менее радикальна (см., например, [Pirozelli, 2020; Condé, 2020; De Oliveira, 2021]).

2. Позиция Т. Куна

В «Структуре научных революций» Кун предлагает новое, революционное, как он по праву считает, понимание науки, основанное на внимательном изучении её подлинной истории и практики (натуралистическое измерение), в то же время, как он сам пишет, интерпретируя свои наблюдения и анализ в виде тезисов, в том числе и нормативных. Согласно Куну, наука в своём развитии, которое он сравнивает с естественной эволюцией, не имеющей предустановленной цели (антителеологизм), проходит несколько стадий, которые циклически повторяются: допарадигмальная стадия, возникновение и развитие парадигмы (нормальной науки), (как правило) кризис и научная революция, переход к новой парадигме (экстраординарной науке). На допарадигмальной стадии существует множество различных школ. В результате их конкуренции друг с другом возникает, как правило, одна доминирующая школа и происходит формирование парадигмы, то есть нормативной практики, имеющей общие имплицитные и эксплицитные предписания, успешные и устоявшиеся образцы научных достижений, систему понятий, язык и методы исследования, формализованную теорию, измерительные инструменты и так далее. Если на исходном этапе формирования парадигмы внешние, например, социальные факторы, могут играть определённую (например, стимулирующую) роль (экстернализм), то в последующем парадигма в соответствии с самой логикой своего развития самоизолируется от внешних факторов, и на её развитие оказывают влияние только внутренние факторы (интернализм). Внешние факторы могут играть существенную роль также в период научных революций. Нормальная наука – наука, развивающаяся в рамках парадигмы кумулятивным образом: уточняются и усложняются понятия, совершенствуется формализм и измерительные инструменты, всё более точными становятся измерения, расширяется область применимости теории, очерчиваются её границы, накапливается знание о мире и так далее. О знании и истине имеет смысл говорить только в рамках парадигмы. При этом, с точки зрения Куна, целью нормальной науки является не установление истины как таковой, а решение возникающих в рамках парадигмы конкретных проблем, что и ведёт к накоплению знания, а, следовательно, и увеличению числа познанных истин. Кун избегает употреблять термин «истина» потому, что он отрицает, что существует «некоторое полное, объективное, истинное представление о природе и что надлежащей мерой научного достижения является степень, с которой оно приближает нас к этой цели» [Кун, 2020. С. 254]. Трудные проблемы, возникающие в рамках нормальной науки, Кун называет «головоломками». Некоторые из них решаются, тогда как другие не поддаются решению. Так возникают аномалии, мотивирующие революционное преобразование парадигмы, то есть отказ от старых правил, предписаний, теории, методов, понятий, языка и переход к новой парадигме. Парадигма холистична и более фундаментальна, чем эксплицитные правила. Переход от одной парадигмы к другой Кун сравнивает с гештальт-скачком. Этот скачок скорее логический – он наблюдается при сравнении уже готовых парадигм: старой и новой, – чем временной, так как в период научных революций обычно существует промежуточная стадия, на которой элементы старой и новой парадигмы противоречивым образом смешиваются. Кун говорит, что учёные в результате научной революции как бы ока-

зываются в другом мире. Разные парадигмы несоизмеримы между собой. Это разные миры, населённые разными (несовместимыми) природными объектами и имеющие разные законы. Изменение парадигмы, языка, мира означает, таким образом, изменение знания. Однако новая парадигма не опровергает старую, не делает её ложной. Кун считает, что нет смысла утверждать, что более поздняя теория является лучшим приближением к истине [Кун, 2014. С. 223–224]. В своих собственных рамках любая парадигма осмысленна и даёт знание. Новая парадигма никогда не может полностью заменить старую: некоторые явления, объекты, объяснения, знания возможны только в рамках старой парадигмы (это так называемые «куновские потери» для новой парадигмы). Не существует «архимедовой», то есть нейтральной, точки зрения (парадигмы), позволяющей однозначно (абсолютно) сравнивать парадигмы. Всякое сравнение само возможно лишь в рамках парадигмы.

Кун не отрицает прогресс науки, признаёт, что сложность и точность решаемых проблем возрастает, отвергает релятивизм. В частности, он пишет «(...) Научное развитие, подобно развитию биологического мира, представляет собой односторонний и необратимый процесс. Более поздние научные теории лучше, чем ранние, приспособлены для решения головоломок в тех, часто совершенно иных условиях, в которых они применяются. Это не релятивистская позиция, и она раскрывает тот смысл, который определяет мою веру в научный прогресс» [Кун, 2020. С. 307–308] (см. также [Кун, 2014. С. 222–223]). В терминах современной аналитической эпистемологии, обсуждающей вопрос о том, что является фундаментальным эпистемическим благом и, соответственно, целью исследования, истина, знание или что-то ещё, по-видимому, можно сказать, что для Куна это знание, а не истина. Все члены сообщества, принимающего одну и ту же парадигму, разделяют некоторое общее (парадигматическое) знание.

3. Поздний Л. Витгенштейн

К основным понятиям философии позднего Витгенштейна мы относим понятия языковой игры, формы жизни, грамматики, правила (нормы), семейного сходства и петлевого предложения. Это холистическая система неразделимо связанных между собой понятий, каждое из которых может рассматриваться как ипостась любого другого. Связь между ними устанавливает известная витгенштейновская проблема следования правилу [Витгенштейн, 2019. § 198–202, 217–219; Прись, 2020; 2022].

Мы интерпретируем витгенштейновские понятия следующим образом [Прись, 2020; 2022]. Языковая игра – интенциональное действие, или элементарная нормативная практика, управляемая правилом (нормой), которое укоренено в опыте, реальности, форме жизни и которое мы называем витгенштейновским правилом (далее: в-правилом), или просто правилом [Витгенштейн, 2019. § 21]. Мы не делаем различия между эксплицитным правилом и (имплицитной) нормой, а просто говорим о правиле, которое может быть эксплицитным или имплицитным. Когнитивная языковая игра возникает в результате «измерения» реальности, идентификации того, что есть, при помощи в-правила (нормы) в кон-

тексте. Семейное сходство – сходство между различными употреблениями одного и того же правила (нормы, концепта), от которых его нельзя отделить (витгенштейновские тождества и сходства нормативны (контекстуальны). Витгенштейн, например, пишет: «Употребление слов “правило” и “то же самое” переплетаются» [Там же. § 225]). Таким образом, понятие семейного сходства эквивалентно понятию в-правила³. Форма жизни состоит из языковых игр, между которыми имеются семейные сходства. Она определяется своей «грамматикой» – совокупностью правил, управляющих её языковыми играми. Формулировки наиболее общих правил грамматики – «петлевые предложения». Достоверность правила, грамматики и петлевых предложений логическая [Витгенштейн, 1991. § 341–343]. В то же время петлевые (нормативные) предложения могут менять свой статус: они могут из нормативных превращаться в фактические (даже ложные) предложения. И наоборот: фактическое может превращаться в нормативное [Там же. § 98, 309]. В рамках формы жизни устоявшиеся языковые игры играют роль парадигматических образцов и воспроизводятся механически, предопределены. Новые языковые игры не предопределены, контекстуальны. «Языковая игра есть, так сказать, нечто непредсказуемое» [Там же. § 559].

Проблема следования правилу – проблема нового применения правила, которое чувствительно к контексту. Область применимости правила (нормы, концепта) ограничена, но не предопределена. В рамках формы жизни применение в-правила (нормы, концепта) истинно (корректно) или ложно. Вне формы жизни, то есть за пределами своей применимости, его применение бессмысленно. Такие радикально новые применения правила требуют изменения самого правила (нормы), грамматики (концепта, языка), формы жизни. Переход от одной формы жизни к другой может быть рассмотрен в эволюционных терминах, но в конечном итоге трактуется как скачкообразное изменение правила/нормы (логический переход от одного правила к другому не может не быть скачкообразным). Ретроспективно новое правило может быть понято как (рациональное) обобщение старого правила. С точки зрения сравнения двух форм жизни, онтологий, переход от одной к другой представляется как гештальт-переключение, изменение аспекта [Витгенштейн, 2019. С. 309–315]. Онтологические различия обусловлены различием в нормах (грамматиках): объекты, наблюдаемые с точки зрения одной нормы, необязательно наблюдаемы с точки зрения другой [Там же. § 371, 373]. Различные нормы по определению несовместимы и поначалу несоизмеримы (поскольку нет абсолютной (нейтральной) нормы для их сравнения) между собой [Прись, 2020; 2022].

4. К-реализм

Некоторые интерпретаторы Витгенштейна считают, что его поздняя философия – разновидность антиреализма (например, говорят о лингвистическом идеализме). На наш взгляд, это ошибочная точка зрения, обусловленная тем,

³ С одной стороны, это не противоречит тому, что семейное сходство не предполагает наличие общего свойства или набора свойств, а с другой, объясняет, почему вообще существует сходство [Там же. § 67].

что они, в отличие от самого Витгенштейна, всё ещё продолжают располагаться в рамках философской парадигмы модерна.

К-реализм Ж. Бенуа, как мы его понимаем, выходит из парадигмы модерна и представляет собой развитие философии позднего Витгенштейна. Это терапевтический подход к рассмотрению философских проблем, принимающий в качестве исходного пункта различные формы нашей восприимчивости к реальному, к действительным различиям [Benoist, 2011; 2017; 2021]. Мы выделяем два основных положения к-реализма.

1) Концепт реальности первичен. «Грамматика» концепта имеет следующий вид: реальность такова, какова она есть; это то, что есть. Нормы (правила, концепты) вторичны; они вырабатываются в реальности. Реальность – это то, к чему они применяются, что они измеряют. Между первичным неконцептуализированным опытом и реальностью нет никакой дистанции.

2) Нормы (правила, концепты) относятся к категории идеального, но не в смысле платоновского идеального мира, то есть не в субстанциальном смысле. Другими словами, идеальное не часть реальности ни в каком смысле, включая метафизический платонизм.

Бенуа пишет: «Провал между фактическим – реальным: тем, что всегда лишь то, что он есть – и нормой, которая предназначена (*is intended*) его определить, корректно или некорректно, как мне кажется, составляет фундаментальную структуру того, что я называю (...) ‘реализмом’» [Benoist, 2017. Р. 99]. Мы, таким образом, утверждаем, что структура к-реализма – структура витгенштейновской проблемы следования правилу, то есть проблемы провала между идеальным правилом / нормой и его реальным применением.

Элементы реальности идентифицируются как реальные объекты, сами вещи при помощи выработанных и укоренённых в реальности в-правил (норм, концептов). Они идентифицируются в контексте языковых игр и форм жизни, грамматика которых определяет онтологию. В этом смысле последняя вторична и чувствительна к контексту.

Отметим, что зависимость от «точки зрения», контекста и, в частности, контекстуальность мышления, подчеркивалась многими философами. Но эта зависимость рассматривалась как ограничение, которое согласно трансцендентальным философам невозможно преодолеть, а согласно неометафизикам, стремящимся познать Абсолют, должно быть преодолено. На самом деле, как утверждает к-реализм, это ограничение воображаемое. Контекстуальность не означает конечность мысли, не ограничивает её универсальность. Контекст не принцип релятивизации мысли, а условие её существования. При фиксированном контексте мысль абсолютна, способна схватить сами вещи [Benoist, 2021; 2023].

Научную теорию, например, классическую механику, специальную теорию относительности или квантовую механику, мы трактуем как в-правило (норму) для измерения реальности в рамках языковых игр своих применений, имеющее логическую достоверность и свою область применимости. В этом смысле подтверждённая на опыте и устоявшаяся научная теория универсальна (в своей области применимости) и не фальсифицируема. Её можно фальсифицировать с точки зрения некоторой другой нормы и только в том случае, если она теряет

свой нормативный статус и, соответственно, приобретает статус фактического. Провал между (идеальной) теорией и реальностью (наблюдением) закрывается на практике [Прись, 2020; 2022].

5. Кун как витгенштейновский контекстуальный реалист

Мы утверждаем, что философские позиции Куна и к-реализма имеют одну и ту же структуру – структуру витгенштейновской проблемы следования правилу. На наш взгляд, это обусловлено не столько прямым влиянием философии Витгенштейна на Куна (степень которого точно не установлена⁴), сколько сходством в методах исследования. Витгенштейн – философ языка (и сознания), а Кун – философ науки. Тем не менее, оба внимательно анализируют реальную языковую/научную практику. Именно наличие глубинного структурного сходства в их подходах, несмотря на различие в предметных областях исследования, делает сравнение интересным.

5.1. Соответствия

Вследствие ограниченности объёма статьи мы укажем лишь на самые важные соответствия между позициями Куна, Витгенштейна и к-реализма.

Прежде всего констатируем, что, несмотря на то что Кун почти не ссылается на Витгенштейна, он употребляет основные витгенштейновские термины – «форма жизни», «языковая игра», «правило (норма)», «семейное сходство», «практика», «гештальт-скачок» и другие. Понятие парадигмы у него играет ту же роль, что и понятие формы жизни [Кун, 2020. С. 259–260], а общие обязательства группы и лексикон, о которых пишет Кун, – аналог витгенштейновской грамматики формы жизни.

Для Куна парадигма – совокупность применений научной теории, связанных между собой семейным сходством. Для Витгенштейна форма жизни – совокупность языковых игр (употреблений языка), связанных между собой семейным сходством. Кун пишет о формирующейся способности «видеть во всем многообразии ситуаций нечто сходное между ними» [Там же. С. 282]. Речь идёт о семейном сходстве между применениями одного и того же в-правила (концепта, грамматики). Логическое знание о природе, о котором говорит Кун [Там же. С. 284] – знание в-правила, которое имплицитно в семейном сходстве.

Витгенштейновские двойники, очевидно, имеют куновские «образцы», «модели», «признанные примеры научной практики», «беспрецедентные научные достижения». У обоих философов правила и их применения (образцы), в которых они укоренены, неотделимы друг от друга, суть два аспекта одного и того же понятия («глобальное» и «локальное» определения парадигмы у Куна [Там же. С. 259–260]). И куновская парадигма, и витгенштейновская грамматика, в частности, петлевые предложения, могут также трактоваться как общее (имплицитное, практическое или логическое) знание [Там же. С. 265]. Для обоих парадигма

⁴ О влиянии Витгенштейна на Куна см., например, статью П. Хойнингена-Хюне [Devlin, Bokulich, 2015. С. 185].

(форма жизни, языковые игры) более первична, чем эксплицитные (формальные) правила, в которых, тем не менее, нуждается зрелая наука. Для обоих язык укоренён в мире (опыте, реальности), его изучение невозможно отделить от познания мира [Кун, 2014. С. 43–45].

Кун и Витгенштейн одинаково представляют себе динамику научной и языковой практик. Нормальной науке соответствует устоявшаяся форма жизни вместе со своими правилами / нормами (грамматикой). Научная революция – изменение формы жизни и, соответственно, правил / норм, словаря, грамматики, языка, лексикона, таксономии, онтологии, мира. Три черты научных революций – холизм, изменение таксономии, «изменение в понимании того, что сходно, а что различно» (с точки зрения Куна, это главное изменение) [Там же. С. 43], – на которые указывает Кун, могут быть поняты в терминах в-правила и перехода от одного в-правила к другому: холизм в-правила / нормы (грамматики, языковой игры, формы жизни) и его изменения, изменение в-правила / нормы (грамматики, онтологии) означает изменение в семейном сходстве, в понимании сходства и различия.

И для Куна, и для Витгенштейна революционный переход к другой парадигме / форме жизни возможен только в результате «опыта (акта) обращения», «обращения в новую веру» [Кун, 2020. С. 226–227; Витгенштейн, 1991. § 92]. Простого понимания другой парадигмы (формы жизни, языковой игры) недостаточно. Обращение следует понимать как принятие других норм. В частности, петлевые предложения Витгенштейна выражают «необоснованную веру» в форму жизни [Витгенштейн, 1991. § 253].

Для Куна и витгенштейновского к-реализма переход от одной парадигмы / формы жизни к другой – переход в другой «мир», к другой таксономии / грамматике, онтологии, гештальт-скачок (для Куна «гештальт» – сердцевина революционного процесса [Кун, 2020. С. 305]), который не есть интерпретация. Кун, например, пишет: «(...) Когда Аристотель и Галилей рассматривали колебания камней, то первый видел сдерживаемое цепочкой падение, а второй – маятник» [Там же. С. 185]. К-реализм утверждает, что они видели разные срезы реальности.

При этом для Куна и Витгенштейна старое знание, если это действительно знание, не становится ложным, не исчезает. Просто появляется новое знание. То есть знание объективно, но не абсолютно в смысле независимости от контекста (языковой игры, формы жизни). Витгенштейн пишет: «И понятие знания сопряжено с понятием языковой игры» [Витгенштейн, 1991. § 560].

Для обоих философов несоизмеримость (парадигм, форм жизни, языковых игр) означает отсутствие общей нормы (правил, грамматики и, соответственно, онтологии). Для обоих несоизмеримость относительна. Сравнение двух норм имеет смысл с точки зрения третьей нормы при условии, что первые перестают быть нормами и превращаются в фактические утверждения. (Фактическое для обоих трудно отделить от нормативного, и одно может превращаться в другое [Кун, 2020. С. 310].)

5.2. Чувствительность онтологии к контексту

Позиция Куна, как раннего, так и позднего, вписывается в точку зрения нашего к-реализма, утверждающего чувствительность онтологии к контексту, её «зависимость» (не в смысле релятивизма) от грамматики, формы жизни (парадигмы) и трактуемого семейное сходство как наличие имплицитного правила/нормы. В последовательной смене теорий Кун не видит «связного и направленного онтологического развития» [Кун, 2020. С. 309]. Это не значит, что он отрицает существование индивидуальных объектов. Нельзя, например, сказать, что он структурный реалист. Для Куна источниками «ощущений», то есть концептуализированных восприятий, являются объекты, которые и образуют мир [Там же. С. 287]. В рамках новой парадигмы (формы жизни) мы имеем дело с новыми объектами [Кун, 2014. С. 42]. При этом «в революционном переходе естественное семейство перестает быть естественным» [Там же. С. 42]. Это означает, что меняется само в-правило/норма (выяснение вопроса о сходстве, пишет Кун, «требует определённого правила» [Кун, 2020. С. 286]). Старые убеждения не просто отбрасываются, а реконструируются [Кун, 2014. С. 201]. Благодаря этому, несмотря на куновские «потери», избежать которых можно только вернувшись к старой парадигме, ньютоновская механика улучшает механику Аристотеля, а теория Эйнштейна улучшает теорию Ньютона [Кун, 2020. С. 308–309].

5.3. Позиция Куна в «После “Структуры”»

Некоторые авторы считают, что понятие несоизмеримости у позднего Куна, после его «лингвистического поворота», менее радикально, что Кун больше не говорит об изменении мира в период научной революции и гештальт-скачке от одной парадигмы к другой. На наш взгляд, поздний Кун, скорее, уточняет различные аспекты понятия несоизмеримости, особенно с привлечением философии языка. Несοизмеримость он понимает в смысле непереводимости, отсутствия у двух теорий (словарей) общего языка (словаря) [Кун, 2014. С. 82–84]. Новый «мир» может быть описан и понят только при помощи нового словаря (языка, теории) [Там же. С. 91]. Периодам научных революций соответствует холистическое изменение языка (таксономий, лексиконов, словарей, концептуальных схем) и, соответственно, референтов научных терминов [Там же. С. 80–81]. Разные языки (таксономии, лексиконы, словари) отсылают к разным мирам, онтологиям, областям реальности. Попадая в один мир, мы автоматически оказываемся вне других миров [Там же. С. 107]. Несοизмеримость, таким образом, не только семантическая, но и онтологическая [Там же. С. 129]. Возможны и более сложные случаи, когда мы не только не знаем, как ответить на поставленный вопрос, но даже не знаем, как подойти к нему, поскольку у нас вообще отсутствуют подходящие язык, концепты, правила/нормы [Там же. С. 101–102], [Там же. С. 129–130]. Некоторые примеры Куна очень напоминают те, которые анализируют витгенштейнианец Ч. Трэвис и контекстуальный реалист Ж. Бенуа (см., например, [Benoist, 2011. P. 180–181]).

Поздний Кун продолжает отвергать теорию истины как соответствия. Он считает, что «это понятие – в абсолютной или вероятностной форме – долж-

но исчезнуть вместе с фундаментализмом. Ему на смену должна прийти более строгая концепция истины» [Кун, 2014. С. 134]. На самом деле Кун принимает минимальную теорию истины. Его позиция близка к витгенштейновской. Для Витгенштейна говорить об истинности или ложности высказывания имеет смысл только в рамках языковой игры и формы жизни [Витгенштейн, 2019. § 241]; для Куна – только в рамках парадигмы и языковой игры. Сама форма жизни (парадигма) ни истинна, ни ложна [Кун, 2014. С. 139–141].

Эксплицитно отвергая метафизический реализм Патнэма и тесно связанную с ним теорию истины как соответствия, Кун в то же время отвергает и разновидности антиреализма (идеализм, конструктивизм и др.) [Там же. С. 142]. Куновские миры и их восприятие структурируются языками. В то же время для Куна миры устойчивы и реальны. Мы их не создаём, не изобретаем, а оказываемся в них; мир сам по себе мы не можем изменить [Там же. С. 142–143]. Наш витгенштейновский к-реализм делает различие между понятиями реальности и мира. Реальность такова, какова она есть [Benoist, 2021]. Мир – концептуализированная (в смысле идентифицированная, концептуально освоенная) часть реальности [Прись, 2022; 2022]. Поэтому он реален – таков, каков он есть. Это и есть куновский мир.

6. Критика, интерпретации и развитие идей Куна

Принимая во внимание близкое сходство между позициями Куна и Витгенштейна, неудивительно, что они также разделяли сходные интерпретации и упрёки. В частности, против обоих философов были выдвинуты несправедливые обвинения в идеализме, антиреализме, иррационализме, релятивизме. И Куна, и Витгенштейна (в том числе позднего) также интерпретировали с трансцендентальной и перспективистской точек зрения. На наш взгляд, оба философа – к-реалисты. Оба отвергают понятие «внешней реальности», «реальности самой по себе» (но не реальности как таковой) и репрезентационализм. Для Куна, как и для Витгенштейна, понятие истины не проблематично, если дело касается одного сообщества (парадигмы, формы жизни, языковой игры), одной теории. Проблема возникает при сравнении теорий. Прошлые теории когда-то считались истинными, но впоследствии стали рассматриваться как ложные. Тем не менее, Кун полагает, что нет смысла утверждать, что «более поздняя теория является лучшим приближением к истине» [Кун, 2014. С. 223–224]. В то же время он признаёт научный прогресс, который имеет сходства с биологической эволюцией [Там же. С. 222–223]⁵.

6.1. Кун и Кант

Существуют (нео)кантианские интерпретации (особенно позднего) Куна (см., например, статью П. Гойнингена-Гюне [Devlin, Bokulich, 2015. Р. 185]). П. Липтон назвал Куна «Кантом на колёсах» [Lipton, 2001]. И сам Кун обращается к кантовским понятиям, говорит о «лексических категориях», называет свою позицию

⁵ Рэд считает, что терапевтический подход Витгенштейна и подход Куна расходятся в том, что последний хочет построить теорию развития науки и применить её к самой философии науки [Read, 2003].

«разновидностью постдарвиновского кантианства» [Кун, 2014. С. 146]. На наш взгляд, и ранний, и поздний Кун ближе к позднему Витгенштейну. «Лексические категории» – зависящие от времени и сообщества витгенштейновские петлевые предложения или, в более общем случае, грамматика «формы жизни» – витгенштейновский термин, который Кун употребляет [Там же. С. 147]. Различные миры, или «формы жизни», возникают в результате различных концептуализаций реальности.

6.2. Натурализованные кантианские естественные виды М. Масими

Для Т. Куна термины естественных видов не являются жёсткими десигнаторами в смысле Х. Патнэма. Например, Кун считает, что до революции в химии, совершённой Лавуазье, тот же самый термин «вода», который употребляется в настоящее время, не обозначал H_2O . Некоторые интерпретаторы, с учётом того, что философские взгляды Куна имеют как натуралистическое, так и феноменологическое измерения, задаются вопросом о том, понимать ли это изменение естественных видов и вообще куновских миров, к которым они относятся, как изменение ноуменальных миров или как изменение феноменальных миров. Кантианская интерпретация делает акцент на феноменах и интерпретирует куновские парадигмы как феноменальные миры, тогда как, например, перспективный реализм позволяет принять в расчёт натуралистическое измерение взглядов Куна, его интерес к психологии и когнитивным исследованиям и интерпретирует куновские таксономии (парадигмы) как перспективы. Проблема в том, что комбинации (нео)кантианства и перспективного реализма страдают от концептуального или алетического релятивизма.

Подход М. Масими к философии Куна, комбинирующий куайновскую натуралистическую и кантианскую интуиции, позволяет избавиться от релятивизма. Она определяет научные виды как «кластеры эмпирических свойств, которые оказались адаптивными к выживанию и удовлетворяют нашим условиям возможности опыта» [Devlin, Bokulich, 2015. P. 147]. В рамках такого натурализованного трансцендентализма концептуальные схемы (лексиконы, таксономии) – условия возможности опыта. Они вариабельны, зависят от культуры, теории и так далее.

Наша трактовка Куна как к-реалиста имеет сходство с позицией Масими, но делает следующий дополнительный шаг: концептуальные схемы (таксономии, лексиконы) – не условия возможности опыта (явлений), а зависящие от контекста условия и средства идентификации самих реальных вещей в рамках опыта. Мы также по-другому, нежели Масими, – по-витгенштейновски – понимаем понятие явления, не как имеющее условия возможности, а в терминах языковых игр как практики применения концептов (норм, правил), как измерение реальности при помощи норм. Явления имеют свою грамматику. Вопрос о том, следует ли понимать утверждение Куна об изменении мира как утверждение об изменении феноменального или ноуменального мира, предполагает трансцендентальную парадигму, которую к-реализм полностью покидает. Для нас утверждение об изменении мира ни феноменальное, ни ноуменальное, а контекстуальное.

6.3. И. Лакатос vs Т. Кун

И. Лакатос обвиняет Т. Куна в иррационализме и социальном психологизме. Кун якобы исключает возможность рациональной реконструкции науки, отрицает существование рациональных (супер-парадигматических) стандартов, позволяющих сравнивать парадигмы, рассматривает не объективный научный рост знания, а изменения, которые происходят во время научных революций в умах учёных (индивидуумов или сообществ). Лакатос считает, что для Куна не существует рациональной причины для кризиса в науке, критикует куновские понятие несоизмеримости и немотивированные, как он считает, переходы от одной парадигмы к другой, при которых меняется и сама рациональность, аномалии и кризисы разрешаются не в результате размышлений и интерпретаций, а благодаря «озарению», переключению гештальта. В частности, он пишет: «По Куну, рост науки не индуктивен и иррационален. С точки зрения Куна, не может быть никакой логики открытия – существует только психология открытия» [Лакатос, 1995. С. 154]. Сам Лакатос рационалист и платонист. Для него *«рост науки, каким он предстаёт в рациональной реконструкции, имеет место, по существу, в мире идей, в платоновском или попперовском “третьем мире”, в мире знания, ясность и чистота которого не зависит от познающего субъекта»* [Там же. С. 158].

На наш взгляд, критика Лакатоса с позиций идеалистического рационализма во многом несправедлива. Кун признаёт существование научного прогресса, который, согласно ему, осуществляется в результате решения научных проблем [Кун, 2020. С. 251]. Верно, что для Куна «в спорах по поводу выбора теории ни одна из сторон не имеет аргументов, похожих на доказательство в логике или в формальной математике» [Кун, 2014. С. 217]. Но это не иррационализм, а, скорее, понимание того, что, как показал Витгенштейн в «О достоверности», операциональная рациональность не может быть глобальной (петлевые предложения не обосновываются) [Витгенштейн, 1991. § 343; Pritchard, 2015]. Кун пишет, что «существующие теории рациональности не вполне верны», «мы должны скорректировать или изменить их, чтобы объяснить функционирование науки» [Кун, 2014. С. 222]. Упрёк в отсутствии рациональных (предопределённых сверхпарадигмальных) стандартов для сравнения парадигм, каждая из которых имеет свои стандарты, – идеалистический. Переход от одной парадигмы к другой (научная революция) для Куна не иррационален, а подчиняется (ретроспективной) логике обобщения понятий (правил). Кун, например, пишет о том, что «последующие практики реструктурируют работу своих предшественников посредством концептуального словаря, который сами используют» [Там же. С. 124]. В то же время для Куна единство науки «может оказаться в принципе недостижимым, а стремление к нему способно подвергнуть опасности рост знания» [Там же. С. 138]. Ретроспективная реконструкция развития науки, которая приводится в учебниках, выглядит как непрерывный прогресс, что искажает реальную историю развития науки. Напротив, историк, изучая прошлое, переживает открытие как смену гештальта [Там же. С. 125].

В отличие от Поппера и Лакатоса, Кун полагает, что «в развитых науках нет оснований для критицизма, и большая часть ученых не должна заниматься кри-

тикой» [Там же. С. 195]. Как уже было сказано выше, устоявшаяся научная теория для Куна играет роль витгенштейновского правила/нормы; она имеет логическую достоверность и в этом смысле не фальсифицируема.

6.4. Онтологический плюрализм и контекстуализм Х. Чанга

Наш тезис, что у Куна онтология чувствительна к контексту, подтверждается развитием его идей у Х. Чанга. Понятие «система практики» Чанга имеет сходство с понятием парадигмы как дисциплинарной матрицы. Но британский философ вместо куновского монизма Чанг предлагает идеал плюрализма («не-соизмеримых» теорий, методов, парадигм, исследовательских программ и т. д.). Конкурирующие теории не должны исключаться, даже если есть основания полагать, что одна из них лучше других. Плюрализм свойствен и должен быть свойствен (нормативное утверждение) также и нормальным периодам развития науки. В то же время Чанг критически относится и к позиции Лакатоса: «Лакатос не делает эмпирического предсказания о том, закончится ли соревнование и как скоро. (...) Почему мы так готовы отдавать предпочтение моментам явной победы, а не продолжающемуся соревнованию?» [Chang, 2012. Р. 288]. Плюрализм Чанга – эпистемический и онтологический. Все практики фундаментальны, нельзя отдать абсолютное предпочтение ни одной из них. Например, Чанг считает, что не было явных причин для предпочтения теории кислорода теории флогистона [Ibid. Р. 10, 29]. Для Чанга «вода есть H_2O , но также и другие вещи, в действительности» [Ibid. Р. 203]. Аналогичным образом для Куна, как уже было сказано выше, H_2O не жёсткий десигнатор. Чанг и Кун разделяют понятие «мира» как концептуализированной части реальности («ноумена»). «Прагматический реализм» Х. Чанга – экспликация и радикализация перспективизма и контекстуализма Куна [Chang, 2016].

6.5. Несоизмеримость и релятивизм

Эпистемологи признают существование различных эпистемических систем, в рамках которых по-разному оценивается эпистемический статус утверждений и, в частности, их истинность. Некоторые считают, что существуют несоизмеримые эпистемические системы (например, эпистемическую систему Галилея можно считать несоизмеримой с эпистемической системой кардинала Беллармина). Отсюда делают вывод о их равноправии и, как следствие, вывод о справедливости эпистемического релятивизма. Другие (например, Д. Притчард) считают, что несоизмеримость лишь кажущаяся. Среди тех, кто признаёт существование подлинной несоизмеримости, есть те, кто апеллирует к витгенштейновской петлевой эпистемологии⁶. Мы согласны с Д. Притчардом, что для Витгенштейна «О достоверности» всякая рациональная эпистемическая оценка локальна, то есть пред-

⁶ Куновский период нормальной науки, когда принципы и концепты принятой парадигмы под вопрос не ставятся, сравнивает с витгенштейновским исследованием относительно «бэкграунда достоверностей», то есть бэкграунда, который под вопрос не ставится, А. Картер [Carter, 2016. Р. 257].

полагает принятие так называемых «петлевых предложений», которые не имеют обоснования [Pritchard, 2011; 2015]. Если принять, что эпистемические системы, основывающиеся на разных петлевых предложениях, несоизмеримы (сам Пritchard это отвергает), плюрализм эпистемических систем, как считают некоторые, ведёт к эпистемическому релятивизму. Согласно А. Картеру и некоторым другим авторам, принятие эпистемического плюрализма систем и их несоизмеримости ещё не означает принятие позиции релятивизма, а может трактоваться как позиция контекстуализма [Carter, 2017]. В рамках несоизмеримых друг с другом эпистемических систем оцениваются разные по содержанию утверждения, а понятие истины абсолютно. Именно эта позиция согласуется с нашей трактовкой Куна в рамках к-реализма (см. также ссылку на Куна в [Carter, 2016. Р. 257]). В этом смысле, например, Галилей и кардинал Беллармин просто говорили о разных вещах, и утверждения обоих были истинны относительно употребляемых ими норм. Аналогичным образом теории Аристотеля, Ньютона, Эйнштейна и Гейзенберга сами по себе истинны. Но они «истинны» и достоверны, скорее, в логическом смысле, как «конвенции», или грамматики. Последние сформировались в процессе научной практики, подобно тому как сформировался обыденный язык и его правила. Понятия «конвенционального лексикона»⁷ и «формы жизни» Куна [Кун, 2014. С. 337] однозначно отсылают к витгенштейновским понятиям грамматики и формы жизни. С точки зрения позиции Куна Аристотель и Ньютон имели дело с разными онтологиями.

В то же время, как нам представляется, можно утверждать, что для Куна ретроспективное сравнение (первоначально) несоизмеримых парадигм возможно, но только в рамках той или иной парадигмы. Например, с точки зрения квантовой механики второй закон Ньютона (или ньютоновскую парадигму в целом) можно оценить как приближённый или даже ложный, тогда как с точки зрения ньютоновской парадигмы он будет истинным. Такой оценочный «релятивизм» имеет сходство с оценочным релятивизмом Дж. Макфарлэйна. В рамках последнего одно и то же высказывание, например, касательно некоторого вкусового качества, может быть оценено как истинное или ложное в зависимости от контекста оценки, имеющего свою норму [MacFarlane, 2007]. Несоизмеримость в этом случае – следствие существования различных оценочных норм. Релятивизм МакФарлэйна считается спорной позицией. Более того, например, М. Баграмян и А. Колива считают, что это, скорее, усложнённая разновидность контекстуализма, а не релятивизм [Baghramian, Coliva, 2020].

Согласно нашему к-реализму, – и мы утверждаем, что это и позиция Куна, – существует подлинная несоизмеримость парадигм (эпистемических систем, языковых игр, форм жизни) в том смысле, что существуют различные нормы. В то же время несоизмеримость не абсолютна, поскольку нормативное и фактическое могут менять свой статус и превращаться друг в друга. Первоначально несоизмеримые парадигмы (эпистемические системы и т. д.) могут эволюциони-

⁷ Бенуа пишет: «Конвенциональность, как принцип детерминации того, что истинно (или ложно), – условие реализма, а не его противоположность» [Benoist, 2017. Р. 32].

ровать, взаимодействуя друг с другом, и со временем стать соизмеримыми⁸. Их осмысленное сравнение будет, однако, не абсолютным, а в рамках некоторой новой парадигмы.

7. Заключение

Кун – реалист. Для него «угроза реализму – первоочередная проблема» [Кун, 2014. С. 107]. «Мир сам по себе» (реальность) «существует»; он не изобретается, не конструируется, и на него не оказывает влияние наше сознание [Там же. С. 145]. Подход Куна к объяснению науки и её развития одновременно натуралистический, нормативный и умеренно социологический, поскольку он обращается к анализу практики и природы успешной научной группы [Там же. С. 145, 180]. Отвергая теорию истины как соответствия и метафизический (научный) реализм, Кун, как мы утверждаем, (имплицитно) принимает витгенштейновский по духу контекстуальный реализм и, в частности, чувствительность онтологии к контексту (языковой игре, форме жизни). По его словам, после научной революции учёные живут в другом мире. В частности, разные куновские миры содержат разные естественные виды. «Мир» Куна – концептуализированная (в смысле «прирученная», познанная, нормированная, идентифицированная при помощи концептов) часть реальности, то есть мир явлений, укоренённых в опыте, реальности, в рамках которых познаются сами вещи, а не кантовские вещи-для-нас.

Переход от геоцентрической системы к гелиоцентрической или от классической механики к квантовой – парадигматические примеры научных революций. Кун считал, что парадоксы квантовой теории могут быть разрешены, если их связать с «конкретными техническими головоломками современной физики», то есть в рамках нормальной науки [Там же. С. 194]. На самом деле, употребляя его же терминологию, можно сказать, что само их существование свидетельствует о том, что квантовая теория как новая (по сравнению с классической физикой) научная парадигма – аномалия в рамках философской парадигмы модерна. Она требует перехода к новой философской парадигме. Такой парадигмой, как мы утверждаем, является витгенштейновский контекстуальный реализм [Benoist, 2021; Прись, 2020; 2022].

Список литературы

- Витгенштейн Л.** О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2019. 384 с.
Кун Т. После «Структуры научных революций» / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. 448 с.
Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. Налетова. М.: АСТ, 2020. 320 с.

⁸ С этой точки зрения можно посмотреть на два аргумента Притчарда в пользу соизмеримости. Дэвидсоновский аргумент Притчарда апеллирует к существованию некоторого общего бэкграунда для того, чтобы разногласия вообще имели смысл, а второй – к существованию «сверх-петлевого-предложения», что мы не можем радикально ошибаться в наших убеждениях [Pritchard, 2015].

- Лакатос И.** Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Пер. с англ. с примечаниями и предисловие В. Поруса. М.: Медиум, 1995. 236 с.
- Прийс И. Е.** Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб.: Алетея, 2020. 346 с.
- Прийс И. Е.** Знание в контексте. СПб.: Алетея, 2022. 720 с.
- Baghramian M., Coliva A.** *Relativism*. London and New York, Routledge, 2020. 332 p.
- Benoist J.** *Concepts*. Paris: Cerf, 2011. 203 p.
- Benoist J.** *L'adresse du réel*. Paris: Vrin, 2017. 376 p.
- Benoist J.** *Toward a contextual realism*. Harvard: Harvard UP, 2021. 216 p.
- Benoist J.** No Limit. On What Thought Can Actually Do // Pier J. (ed.) *Limits of Intelligibility: Issues from Kant and Wittgenstein*. London: Routledge, 2023. P. 262–279.
- Carter J. A.** *Metaepistemology and Relativism*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 312 p.
- Carter J. A.** Epistemic Pluralism, Epistemic Relativism and 'Hinge' Epistemology.// Coliva A., Pedersen N.J.L.L (eds.). *Epistemic Pluralism*. Palgrave, 2017.
- Chang H.** *Is Water H₂O?: Evidence, Realism and Pluralism*. Springer, 2012. 316 p.
- Chang H.** Pragmatic Realism // *Revista de Humanidades de Valparaíso*. 2016. vol. 4(2). P. 107–122.
- Condé M. L.** Comments on Thomas Kuhn's Philosophy of Language // *Trans/Form/Ação: revista de filosofia da Unesp*, 2020. 43 (Número Especial). P. 373–378.
- De Oliveira W. T.** Kuhn and Wittgenstein: The Paradigm Priority Problem, Relativism and Incommensurability // *Transversal: International Journal for the Historiography of Science*. 2021. vol. 10. P. 1–18.
- Devlin W. J., Bokulich A.** (eds.). *Kuhn's Structure of Scientific Revolutions. 50 Years On*. Springer, 2015. 210 p.
- Kusch M.** *The Relativism in the Philosophy of Science*. Cambridge UP, 2020. 86 p.
- Lipton P.** 'Kant on wheels', Review of *The road since structure* // *London Review of Books*. 2001. vol. 23 (14). P. 30–31.
- MacFarlane J.** Relativism and disagreement // *Philosophical Studies*. 2007. vol. 132 (1). P. 17–31.
- Pirozelli P.** Thomas Kuhn's philosophy of language // *Trans/form/ação*, Marília. 2020. vol. 43. P. 345–372.
- Pritchard D.** Epistemic Relativism, Epistemic Incommensurability, and Wittgensteinian Epistemology // Hales S. D. (ed.) *A Companion to Relativism*. Wiley Blackwell, 2011. P. 266–85.
- Pritchard D.** *Epistemic Angst*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 245 p.
- Read R.** Kuhn: le Wittgenstein des sciences? // *Archives de Philosophie*. 2003. vol. 66. P. 463–479.

References

- Baghramian M., Coliva A.** *Relativism*. London and New York, Routledge, 2020, 332 p.
- Benoist J.** *Concepts*. Paris, Cerf, 2011, 203 p.
- Benoist J.** *L'adresse du réel*. Paris, Vrin, 2017, 376 p.
- Benoist J.** *Toward a contextual realism*. Harvard, Harvard UP, 2021, 216 p.

- Benoist J.** No Limit. On What Thought Can Actually Do. In: Pier, J. (ed.) *Limits of Intelligibility: Issues from Kant and Wittgenstein*. London, Routledge, 2023, pp. 262–279.
- Carter J. A.** *Metaepistemology and Relativism*. London, Palgrave Macmillan, 2016, 312 p.
- Carter J. A.** Epistemic Pluralism, Epistemic Relativism and ‘Hinge’ Epistemology. In: Coliva, A., Pedersen, N.J.L.L (eds.). *Epistemic Pluralism*. Palgrave, 2017.
- Chang H.** *Is Water H₂O?: Evidence, Realism and Pluralism*. Springer, 2012, 316 p.
- Chang H.** Pragmatic Realism. *Revista de Humanidades de Valparaíso*, 2016, vol. 4(2), pp. 107–122.
- Condé M. L.** Comments on Thomas Kuhn’s Philosophy of Language. *Trans/Form/Ação: revista de filosofia da Unesp*, 2020, 43 (Número Especial), pp. 373–378.
- De Oliveira W. T.** Kuhn and Wittgenstein: The Paradigm Priority Problem, Relativism and Incommensurability. *Transversal: International Journal for the Historiography of Science*, 2021, vol. 10, pp. 1–18.
- Devlin W. J., Bokulich A.** (eds.). *Kuhn’s Structure of Scientific Revolutions. 50 Years On*. Springer, 2015, 210 p.
- Kuhn, T.** *Posle «Struktury nauchnykh revolyutsii»* [The Road Since Structure], trans. by A. L. Nikiforova. Moscow, AST, 2014, 448 p. (in Russ.)
- Kuhn, T.** *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions], trans. by I. Nalitova. Moscow, AST, 2020, 320 p. (in Russ.)
- Kusch, M.** *The Relativism in the Philosophy of Science*. Cambridge UP, 2020, 86 p.
- Lakatos, J.** *Fal’sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel’skikh program* [Falsification and the methodology of scientific research programmes], trans. by V. Porus. Moscow, «Medium», 1995, 236 p. (in Russ.)
- Lipton P.** ‘Kant on wheels,’ Review of The road since structure. *London Review of Books*, 2001, vol. 23 (14), pp. 30–31.
- MacFarlane J.** Relativism and disagreement. *Philosophical Studies*, 2007, vol. 132 (1), pp. 17–31.
- Pirozelli P.** Thomas Kuhn’s philosophy of language. *Trans/form/ação, Marília*, 2020, vol. 43, pp. 345–372.
- Pris, I. E.** *Kontekstual’nost’ ontologii i sovremennaya fizika* [Contextuality of ontology and the contemporary physics]. St. Petersburg, Aletheia, 2020, 346 p. (in Russ.)
- Pris, I. E.** *Znanie v kontekste* [Knowledge in context]. St. Petersburg, Aletheia, 2022, 720 p. (in Russ.)
- Pritchard D.** Epistemic Relativism, Epistemic Incommensurability, and Wittgensteinian Epistemology. In: Hales, S. D. (ed.) *A Companion to Relativism*. Wiley Blackwell, 2011, pp. 266–85.
- Pritchard D.** *Epistemic Angst*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 245 p.
- Read R.** Kuhn: le Wittgenstein des sciences? *Archives de Philosophie*, 2003, vol. 66, pp. 463–479

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Прись, доктор философии (PhD), канд. физ.-мат. наук

Ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, 220072, Беларусь)

Information about the Author

Igor E. Pris, Doctor (PhD) in Philosophy, Candidate of Sciences (Physics)
Leading Researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus (1/2 Surganov Str.,
Minsk, 220072, Belarus)

*Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022.
The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022.*

Научная статья

УДК 172.4

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-33-42

Метаморфозы морали как ответы на вызовы истории

Анна Олеговна Слепцова

Тамбовский государственный технический университет

Тамбов, Россия

sleptsova_ao@mail.ru

Аннотация

В статье на основе методологии А. Тойнби анализируются метаморфозы морали как ответы на вызовы истории. Рефлексии подвергается исторический период появления морали, когда развитие нормативности в поведении стало условием выживания первобытного социума. Рассмотрение эволюции морали Античности позволило обнаружить социальную обусловленность моральных представлений.

На основе вывода Н. С. Розова о существовании определенных условий, предшествующих любым культурным явлениям, были исследованы метаморфозы морали эпохи Возрождения.

Было выявлено, что тойнбианское понятие «этерификация» целесообразно использовать для рефлексии эволюции исторических вызовов, в частности, той ситуации, с которой столкнулся современный социум, когда глобализационные процессы обусловили новые метаморфозы морали.

Ключевые слова

«вызов-и-ответ», мораль, социум, исторический вызов, свободомыслие, христианство, гуманизм, глобализация

Для цитирования

Слепцова А. О. Метаморфозы морали как ответы на вызов истории // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 33–42. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-33-42

Metamorphoses of morality as “answers” to the “challenges” of history

Anna O. Sleptsova

Tambov State Technical University

Tambov, Russian Federation

sleptsova_ao@mail.ru

Abstract

The paper is based on A. Toynbee's methodology and analyzes the metamorphoses of morality as answers to the challenges of history. The historical period of the emergence of morality is subjected to reflection,

© Слепцова А. О., 2022

when the development of normativity in behavior became a condition for the survival of primitive society. Consideration of the evolution of the morality of Antiquity made it possible to discover the social conditioning of moral ideas.

Based on the conclusion of N.S. Rozov about the existence of certain conditions that precede any cultural phenomena, the metamorphoses of the morality of the Renaissance were studied.

It was found that the Toynbean concept of "esterification" should be used to reflect the evolution of historical challenges, in particular, the situation faced by modern society, when globalization processes led to new metamorphoses of morality.

Keywords

challenge – and – answer, morality, society, historical challenge, freethinking, Christianity, humanism, globalization

For citation

Sleptsova A.O. Metamorphoses of morality as answers to the challenges of history. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3. P. 33–42. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-33-42

Потребность в объяснении того, почему наш мир такой как есть, приводит к поиску онтологических оснований, т. е. того, что определяет наше бытие. Именно так появилась концепция А. Тойнби, где основанием бытия конкретной цивилизации стал фактор исторического вызова.

Концепция А. Тойнби является объектом изучения в контексте философии истории, культурологии, истории и социологии. При этом А. Тойнби часто критиковали за спекуляцию фактами для подтверждения своих воззрений, так, Ю. И. Семенов заявляет, что А. Тойнби не останавливается «перед прямым насилием над фактами» [Семенов, 2003. С. 180]. Однако направление исследования обуславливает то, что данная концепция будет использована именно как методология, без анализа правомерности приводимого А. Тойнби фактического материала. Если взять за аксиому концепт «вызов-и-ответ», то историософская концепция А. Тойнби может быть использована как методологическая основа при исследовании эволюции моральных ориентиров как ответа на вызовы истории.

А. Тойнби полагал, что сам вызов носит не характер неудовлетворенной биологической потребности, а ощущается как императивное требование, основанное на уверенности, что жить по-прежнему нельзя. При этом социальная эволюция изменила саму природу вызова, произошла метаморфоза вызова, из угрозы жизни он превратился в угрозу потери человеком своей сущности. Происходит, говоря тойнбианским языком, этерификация – это «преодоление материальных обстоятельств, освобождающее энергию общества для ответов на вызовы, которые с этого времени становятся, скорее, внутренними, а не внешними, духовными, а не материальными» [Тойнби, 2009. С. 659]. Следует заметить, что, назвав вызовы «духовными», А. Тойнби подразумевал именно их нематериальный характер, то есть социум меняется для соответствия своего бытия представлению о лучшем бытии, что сопровождается метаморфозами бытовавшей ранее морали.

В качестве предмета исследования была взята европейская этическая традиция от первобытного строя до настоящего времени включительно, объектом же следует считать ее метаморфозы как ответы на вызов истории. Основными методами для данного исследования являются: диалектический метод, который

использовался при рефлексии развития моральных представлений в зависимости от исторической ситуации, и метод индукции, который позволил обобщить данные диалектического метода и сделать заключение о роли, которую играет мораль в становлении социума.

Целесообразно для анализа исторических метаморфоз морали обратиться к периоду зарождения человеческой цивилизации. Этот исторический этап уникален тем, что появление морали здесь само по себе является условием выживания. Н. С. Розов, исследуя когнитивные аспекты антропогенеза, рассматривает феномен появления морали у гоминид как ответ, обеспечивающий выживание, на вызов природной среды и внутригруппового противостояния: «Перманентные для гоминид напряжения и стрессы, особенно из-за смены климата и ландшафтов при миграциях (дефицит пищи, опасности, жара, холод), а также внутригрупповая конкуренция и борьба в сферах статуса, насилия, пропитания и сексуальности вели к высокой конфликтности, соответственно к росту объективной групповой заботы пресечения междоусобного насилия, установления порядка солидарности, взаимопомощи» [Розов, 2022. С. 86]. Процесс зарождения первых моральных представлений, согласно Н. С. Розову, происходил в период между 2,7–1,6 млн лет назад [Там же. С. 104].

Н. С. Розов замечает, что отсутствие эффективно функционирующей нормативности привело к вымиранию или ассимиляции некоторых популяций гоминид, которые не смогли «ответить» на вызов истории: «Исчезновение же многих популяций и видов гоминид легче всего объяснить снижением их численности, проигрышем в конкуренции за территорию и ресурсы из-за более слабой координации действий, меньшей внутренней солидарности, большей взаимной отчужденности» [Там же. С. 87]. Таким образом, очевидно, что на данном этапе человечество выжило благодаря самоодомашниванию, то есть порицанию агрессивного поведения и лишения возможности агрессивных особей передать свои черты будущим поколениям: «В группах, члены которых не сумели избавиться от соблазна использовать рубила в междоусобных конфликтах, росло взаимное отчуждение, а молодые самки уходили в более дружелюбные группы» [Там же. С. 102].

Исследователь моральной психологии Р. Джойс также настаивает на том, что видовая принадлежность человека обуславливает наличие у него морали как результата эволюционного развития данного вида: «Мораль существует в сущности у каждого человека. Она развивается без формального обучения, без целенаправленных усилий и без осознания своих возможностей» [Joyce, 2007. С. 135].

Джойс подчеркивает, что несмотря на врожденность морали, ее содержание полностью зависит от культурной среды, и соответственно меняется, если меняются требования социума: «Очевидно, человеческое моральное чувство чрезвычайно чувствительно к обучению и влиянию окружающей среды (и, вероятно, предназначено для этого), что кажется, что в нем нет ничего неизменного» [Там же. С. 228]. Таким образом, хотя механизм формирования моральных понятий универсален для всего человеческого рода, содержание этих понятий определяется социумом, находящимся на определенном этапе развития.

Джойс настаивает, что «культурное обучение играет центральную роль в определении содержания нравственного суждения, которое человек в конечном

итоге делает» [Там же. С. 137], утверждая относительность морали как явления психической жизни человека. Наличие этой специфической черты морали объясняет, почему происходят ее метаморфозы, когда меняются условия внешней среды, эта «гибкость» морали позволяет осуществляться социальной эволюции, несмотря на сформированный эволюцией универсальный механизм морального генезиса.

Важнейшим этапом становления европейской этической традиции явился античный период. В поэмах и эпосах Гомера и Гесиода заложены представления о добродетелях, которыми они наделяли своих героев. Если у Гомера, по мнению А. А. Гусейнова, «мораль не обособилась, не эмансипировалась от реальности» и «вписана в язык самой практической жизни» [Гусейнов, 2003. С. 13], то начиная с Гесиода «мораль эмансипировалась от мира, чтобы идеально задать ему некую более высокую перспективу» [Там же. С. 23–24].

Этика Античности еще не имеет единой основы, философы этого периода выстраивают европейскую этическую традицию, основываясь на представлениях о добродетельном человеке. Значительный вклад в развитие морали внесли Семь мудрецов, их суждения о правилах поведения носят уже категорический и универсальный характер. Следующую ступень в развитии этики наметил натурфилософ Демокрит, который «акцентирует внимание на личностном характере моральных механизмов» [Тойнби, 2010. С. 69], тем самым отдав приоритет в генезисе нравственных ценностей индивиду. Таким образом, развитие морали четко следовало этапам становления социальной жизни, в контексте которой происходило развитие морального самосознания личности.

В 5 в. до н. э. в Афинах произошло показательное событие для истории морали. Сократ или «христианин до Христа» явно опередил свое время, рассуждая о Боге как абсолютном благе и бессмертии души, за что и был предан смерти. Итог жизни Сократа для А. Тойнби абсолютно закономерен: «Это плата, которую должен платить гений за преждевременную попытку видоизменить социальное окружение» [Там же. С. 265], – пишет А. Тойнби. Таким образом, если единичная личность, возвышающаяся над остальными, решит ускорить моральный прогресс прежде того, как необходимость в этом осознают инертные массы, то «его творческий порыв становится роковым для него» [Там же]. Для движения людских масс нужен вызов, который поставит ультиматум эволюционировать или погибнуть для всех, а не только избранных.

Появление христианства стало вехой в истории всей европейской цивилизации, чему свидетельством является традиция летоисчисления, которое ведется от предполагаемой христианами даты рождения Христа. Распространению христианства способствовало немало факторов, главным из которых, по мнению Ф. Шаффа, была его универсальность: «Христианство адаптируется к положению любого класса, к любым условиям, любым отношениям между людьми, подходит всем народам и расам, людям любого культурного уровня» [Шафф, 2007. С. 26]. Христианство имело значительное превосходство перед иудаизмом и античным язычеством именно масштабом охвата жизненно важных проблем и независимостью от социальных измерений. Эта универсальность стала востребованной, когда иудейский Иерусалим был разрушен римскими войсками, а сама «Римская

империя держалась только на силе меча и насущных интересах; нравственные узы, объединяющие общество, расшатались» [Там же. С. 26]. Христианская мораль как этическая система стала ответом на вызовы социума, в котором прежние ценностные ориентиры утратили силу.

В средневековой Европе метаморфозы морали были следствием совокупности исторических вызовов природного и социального характера. Известный уровень религиозности и есть тот ответ, который помог выжить и не пасть духом, когда ничто и никто не гарантирует жизнь на этой земле даже в ближайшей перспективе. На первый план выходит поиск пути в этот лучший мир, который обнаруживается в выполнении заповедей и соблюдении канонов, жизнь становится тернистым путем в рай, где на каждом шагу душу искушают бесы. Средневековый человек «ответил» на вызов истории появлением морали, которая скрепляла земное бытие и наделяло его ощутимой связью с этим лучшим миром. Поэтому основным жизненным вехам придавался особый смысл как необходимым этапам существования: «Рождение, брак, смерть – благодаря церковным таинствам были окружены сиянием божественной тайны» [Хейзинга, 2011. С. 20], – пишет Й. Хейзинга.

С XIV в. можно говорить о наступлении эпохи самовосхваления человечества. Восприятие человека как продолжателя дела божественного творения, единственного живого существа, которое способно к созиданию и главным произведением которого является оно само, было основой мировоззрения Ренессанса. Сословная принадлежность теряла свое значение и, как пишет Я. Буркхардт: «Чем последовательнее воцарялся впоследствии гуманизм в мировоззрении итальянцев, тем крепче становилось убеждение, что происхождение не имеет никакого значения в вопросе о том, чего стоит тот или иной человек» [Буркхардт, 1996. С. 238]. Это было безусловным достижением эпохи, новая этика антропоцентризма теоретически распространялась на весь человеческий род. В уста Бога Д. Пико делла Мирандола вкладывает свой наказ человеку: «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные...» [Эстетика Ренессанса, 1981. С. 249], который передает весь нарциссический пафос той эпохи.

Феномен появления гуманизма как метаморфоза морали был исследован Н. С. Розовым. Н. С. Розов, опираясь на дедуктивно-номологическую модель объяснения К. Гемпеля для исследования феномена расцвета гуманизма в северной Италии (XV–XVI вв.) и схему «вызов-ответ» А. Тойнби для создания «универсальной гипотезы» для объяснения сути «любых культурных движений» [Розов, 2020. С. 115], высказал идею о существовании «конкретно-исторических реалий», которые предшествовали новому культурному явлению, известному как «гуманизм» [Там же. С. 119].

К таким «конкретно-историческим реалиям» Н. С. Розов отнес внешнюю агрессию соседних государств, новые экономические условия, пошатнувшие значение сословной принадлежности, кризис католической церкви и нерелевантность схоластической философии данному историческому этапу. Перечисленные факторы, по Н. С. Розову, определили появление такого культурного феномена как гуманизм в северной Италии в XV–XVI веках: «Вследствие стечения значи-

мых обстоятельств это движение появилось, заявило о себе, получило поддержку, стало привлекательным» [Там же. С. 116]. Таки образом, появление самого феномена гуманизма объясняется стечением обстоятельств в определенном социуме, на определенном историческом этапе, гуманизм явился ответом на целую совокупность тойнбианских вызовов.

Впереди у европейской цивилизации был век разума, когда рациональный взгляд на бытие, как природное, так и социальное, должен исключить любой моральный регресс. Если попытаться одним словом охарактеризовать мировоззрение эпохи Просвещения, то это слово будет – свободомыслие. Больше нет границ для разума, переосмысление восприятия бытия начинается с плеяды французских философов-энциклопедистов, которые начинают рассматривать Бога исключительно как создателя или вовсе отрицают его.

В эту эпоху человечество, поверившее в собственный разум, провозглашает себя источником бытийного порядка, ведь для него не существует больше никаких тайн и иллюзий, все можно объяснить, измерить и, если надо, изменить. Гносеологический оптимизм стал главным принципом эпохи, верящей, что просвещение и наука приручат этот мир. Это был вызов, ответом на который стала революция и новая мораль, «разрешившая» все последующие события.

А. Тойнби называл войны и революции социальными болезнями, которые сопровождаются нарастанием степени неопределенности, прежде всего, в сфере морали: «В истории движения обществ к цивилизации не зафиксировано ни одного случая, чтобы во времена революции или войны не совершалось злодеяний» [Тойнби, 2010. С. 315]. Каждый ответ на вызов – это ступень развития общества, однако это не гарантирует его свободу от «социальных болезней» и вовсе не означает, что крушение старого мира пройдет без падения человечества в аморальную бездну.

По инициативе проникнувшегося идеями свободомыслия третьего сословия во Франции конца XVIII в. свершилась революция, которая должна была уничтожить все преграды для самоосуществления человека. Принятие конституции в 1789 г. имело не только социально-политическое значение, мораль достигла апогея, когда на законодательном уровне было закреплено равноправие людей вне зависимости от сословия. Религию заменил «культ разума», теоретически основанный на идеях равенства и свободы. Социальные потрясения вызвали метаморфозы морали, «легализовавшие» революционный террор. А. П. Левандовский пишет, что в речи Робеспьера, посвященной принципам государственной морали, революционер провозгласил, что «в современных условиях добродетель оказывается неотделимой от террора» [Левандовский, 1959. С. 359], при этом: «Принципы были... выше личностей, личности имели цену и право на жизнь только в том случае, если отвечали принципам» [Там же. С. 362], то есть произошла метаморфоза морали, которая позволяла все ради благих целей. Если применить концепцию «вызов-и-ответ» А. Тойнби к веку Просвещения, то следует заключить, что развитие социума «потребовало» появления человека нового нравственного формата, который сможет уничтожить отживший порядок. Однако вера в безграничную свободу разума и полная «рационализация» морали привели к социальным недугам.

Весь XX век стал наглядным проявлением тойнбианской этерификации, вызовы истории носят все более антропогенный, а не природный характер. Передел сфер влияния на карте мира, падение политических режимов, геноциды и реванши угнетенных сословий и этносов происходили на фоне галопирующего научно-технического прогресса: так, к середине века появилась опасность самоуничтожения человечества в результате ядерной войны. Именно в XX веке ученые заговорили о глобальных проблемах, которые поставили под вопрос само существование человеческого социума и потребовали обязательного решения. Совокупность метаморфоз морали как ответа на исторический вызов данного этапа подвергает критическому анализу К. Г. Фрумкин. По мнению ученого, «мораль возникает на основе взаимности, то есть она существует лишь в сообществе, члены которого готовы помогать друг другу и сдерживать по отношению друг к другу свою агрессию» [Фрумкин, 2016. С. 122], то есть мораль действует там, где объекты моральных действий квалифицируются как «свои», в отношении которых субъект проявляет альтруистические наклонности, по отношению к «чужим» возможен только эгоизм. На современном этапе истории, согласно К. Г. Фрумкину, самая важная метаморфоза морали проявляется в «расширении круга людей, по отношению к которым индивидуум чувствует себя несущим моральные обязательства» [Там же]. Кроме того, К. Г. Фрумкин обнаруживает расширение самой сферы применения морали: «Об этике начинают говорить применительно к проблемам, которые еще лет 100 назад никто бы не назвал моральными» [Там же. С. 124]. Сюда К. Г. Фрумкин относит моральную рефлексию экологических проблем и взаимоотношения с искусственным интеллектом [Там же. С. 123].

Однако, несмотря на кажущийся прогресс в этической сфере, ведь «сфера морали разрослась и дифференцировалась, захватив новые области» [Там же. С. 128], К. Г. Фрумкин скептически относится к данному явлению, поскольку «расплатой за “этический империализм” является очень любопытное явление: этика отрывается от морали» [Там же]. Теперь не совесть, которая есть результат рефлексии норм для успешного сосуществования, определяет содержание этики, а многочисленные социальные институты: «Институциональная этика и все ее разновидности – корпоративная, профессиональная, биомедицинская – становятся скорее этикой одностороннего действия, в отличие от традиционной морали, базирующейся на взаимных обязательствах всех перед всеми» [Там же. С. 129]. Теперь золотое правило нравственности теряет свою актуальность, поскольку мораль «отчуждается» от личностной сферы и переносится в сферу отношений социальных институтов, которые делают личность объектом морали, лишая возможности разрешения моральных коллизий: «Этика постепенно приобретает черты односторонности – вопреки тому, что в прошлом мораль всегда предполагала взаимность и часто имела характер просто “взаимного страхования”» [Там же. С. 130], возникают люди, которых можно в зависимости от ситуации назвать не субъектами, но объектами, и даже потребителями моральных действий» [Там же. С. 131].

Таким образом, институционализация морали, начавшаяся в XX веке, сегодня изменила ее, исключив личностный компонент, навязав человеку свод норм и правил, которые сформированы не им, а структурными компонентами социума,

что исключает их из сферы личностного опыта, оставляя статус внешних, не прожитых человеком, формальных предписаний. Это и есть главная метаморфоза, которую повлек за собой век высоких технологий, корпораций и переоценки вековых моральных устоев.

Поверхностный обзор исторического развития морали в контексте концепция «вызов-и-ответ» А. Тойнби показывает, что мораль не просто приспособляется, она легализует новый взгляд на то, что можно делать и чего делать нельзя, то есть утверждает правомерность ответа на исторический вызов. Мораль соотнесена с требованиями исторического момента, так, в периоды так называемых «социальных болезней» мораль претерпевает такие метаморфозы, которые полностью переворачивают представления о добре и зле, то есть все метаморфозы морали обусловлены «конкретно-историческими реалиями» [Розов, 2020. С. 119], которые наполняют новым содержанием нравственные идеалы.

На современном этапе накопленный социальный опыт спровоцировал новую метаморфозу морали, в европейской этической традиции моральной рефлексии подверглись все аспекты бытия, что привело к институционализации морали и, как следствие, лишению личности прерогативы морального генезиса. Эта тенденция явилась продолжением глобализационных процессов в мире, требующих все более универсальных и однозначных норм взаимодействия между индивидами, социальными слоями и государствами. Поэтому мораль потеряла статус онтологического принципа личности, превратившись в формальное условие, с которым должны согласиться все участники любого социального взаимодействия.

Список литературы

- Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии: Пер. с нем. М.: Юрист, 1996. 591 с.
- Гусейнов А. А. Античная этика. М.: Гардарики, 2003. 270 с.
- Левандовский А.П. Робеспьер. М.: Молодая гвардия, 1959. 496 с.
- Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
- Розов Н.С. Номологическое объяснение в исторической социологии (кейс генезиса/расцвета итальянского гуманизма) // Соц. исслед. 2020. № 2. С. 115–127.
- Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 355 с.
- Семёнов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
- Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций: Пер. с англ. М.: АСТ, 2009. 670 с.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
- Фрумкин К.Г. Основные тенденции эволюции морали // Эволюция: срез, правила, прогнозы: альманах. Волгоград: Учитель, 2016. № 8. С. 122–137.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья: Пер. с нидерл. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
- Шафф Ф. История христианской церкви. Т. II. Доникийское христианство. 100–325 г. по Р. Х.: Пер. с англ. Репринтное издание. СПб.: Библия для всех, 2007. 589 с.

Эстетика Ренессанса: Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. Т. I. 495 с.

Joyce R. The Evolution of Morality. Cambridge: The MIT Press, 2007. 288 p.

References

Burkkhardt Ya. Kultura Vozrozhdeniya v Italii. [The Civilization of the Renaissance in Italy] Moscow, Yurist, 1996. 591 p. (In Russ.)

Estetika Renessansa. [Aesthetics of the Renaissance] Moscow, Iskustvo, 1981. 495 p. (In Russ.)

Frumkin K.G. Osnovnye tendencii evolyucii morali [The main trends in the evolution of morality]. *Evolution: slices, rules, forecasts: almanac*, 2016, no.8, pp. 122-137. (In Russ.)

Gusejnov A. A. Antichnaya etika [Ancient ethics]. Moscow, Gardariki, 2003, 270 p. (In Russ.)

Joyce R. The Evolution of Morality. Cambridge, The MIT Press, 2007, 288 p.

Kheyzinga I. Osen Srednevekova. [The Autumn of the Middle Ages] St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2011. 768 p. (In Russ.)

Levandovskij A. P. Robesper [Robespierre] Moscow, Molodaya gvardiya, 1959, 496 p. (In Russ.)

Losev A. F. Estetika Vozrozhdeniya. [Aesthetics of the Renaissance] Moscow, Mysl, 1978. 623 p. (In Russ.)

Rozov N.S. Nomologicheskoe obyasnienie v istoricheskoy sociologii (kejs genezisa/rascveta italyanskogo gumanizma) [Nomological explanation in historical sociology (case of the genesis/flourishing of Italian humanism)]. *Sociological research*, 2020, no. 2, pp. 115-127. (In Russ.)

Rozov N. S. Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak socialnye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [Origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities] Novosibirsk, Manuskript, 2022, 355 p. (In Russ.)

Semenov Yu. I. Filosofiya istorii. [Philosophy of history] Moscow, Sovremennyye tetradi, 2003, 776 p. (In Russ.)

Shaff F. Istoriya hristianskoj cerkvi. Tom II. Donikejskoe hristianstvo. 100-325 g. po R. H. [History of the Christian Church, Volume II: Ante-Nicene Christianity. A.D. 100-325]. St. Petersburg, Bibliya dlya vsekh, 2007, 589 p. (In Russ.)

Toynbi A. Dzh. Issledovaniye istorii: Vozniknoveniye, rost i raspad tsivilizatsiy. [Exploring History: The Rise, Growth, and Fall of Civilizations] Moscow, AST, 2009. 670 p. (In Russ.)

Toynbi A. Dzh. Postizheniye istorii. [Comprehension of history] Moscow, Ayris-press, 2010. 640 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Слепцова Анна Олеговна, кандидат философских наук

Доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет

Information about the Author

Anna O. Sleptsova, Candidate of Sciences (Philosophy)

Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University

*Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022.*

*The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022.*

Научная статья

УДК 7.01

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-43-56

Парадокс отрицательных эмоций в искусстве: анализ теоретических и эмпирических исследований

Каролина-Джоанна Гомес

Уральский государственный медицинский университет,
Екатеринбург, Россия

gomeskjoanna@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0706-6606>

Аннотация

В статье представлен ряд современных философских концепций, предлагающих различные стратегии для решения «парадокса отрицательных эмоций» как общей проблемы того, как можно наслаждаться или ценить опыт искусства, включающий болезненные эмоции. Среди стратегий рассмотрены теории амбивалентности и оценочных суждений, компенсаторные теории и теории катарсиса. Выделяется ряд современных эмпирических исследований, посвященных данному парадоксу. Несмотря на то что в них присутствуют проблемы методологического и предметного характера, а сами исследования не складываются в стройную систему, их результаты представляют ценность, поскольку ставят под сомнение возможность универсального решения парадокса.

Ключевые слова

парадокс отрицательных эмоций, тяжелое искусство, катарсис, хоррор, трагедия, трансгрессивное искусство, компенсаторные теории, теории амбивалентности

Для цитирования

Гомес К.-Дж. Парадокс отрицательных эмоций в искусстве: анализ теоретических и эмпирических исследований // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 43–56. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-43-56

© Гомес К.-Дж., 2022

Paradox of negative emotions in art: analysis of theoretical and empirical studies

Karolina-Dzhoanna Gomes

Ural State Medical University,

Yekaterinburg, Russia

gomeskjoanna@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0706-6606>

Abstract

In this article, I will first present a number of contemporary philosophical conceptions that offer various solutions to the “paradox of negative emotions” as a general problem of how one can enjoy art that involves painful emotions. Solutions presented include ambivalence and value judgments theories, compensatory theories, and theories of catharsis. Then the article highlights a number of modern empirical studies devoted to this paradox. Despite the fact that they contain methodological and substantive problems, and do not add up to a coherent system, their results are valuable, since they challenge the possibility of a universal solution to the paradox.

Keywords

the paradox of negative emotions, painful art, catharsis, horror, tragedy, transgressive art, compensatory theories, ambivalence theories

For citation

Gomes K.-Dzh. Paradox of negative emotions in art: analysis of theoretical and empirical studies. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3. P. 43–56. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-43-56

Концептуальные решения парадокса отрицательных эмоций в искусстве

Для начала дадим определение тому, что подразумевается под отрицательными эмоциями. В психологии выделяются следующие типы отрицательных эмоций: страх, страдание, гнев, ярость, стыд, отвращение, тоска. Однако американский психолог Кэррол Изард отмечал, что мы не можем однозначно относить к категории отрицательных эмоций гнев, страх и стыд [Изард, 2008. С. 23]. Таким образом, мы сталкиваемся с первой проблемой парадокса наслаждения искусством, вызывающим отрицательные эмоции, уже на этапе классификации этих эмоций. Кроме того, далеко не каждая из перечисленных эмоций может восприниматься как отрицательная самим переживающим субъектом, и данная проблема становится особенно очевидной в эмпирических исследованиях парадокса. Мы же будем отталкиваться от обобщенного определения отрицательных эмоций, предложенного Изардом: отрицательные эмоции – это те эмоции, «которые способствуют психологической энтропии» с «более вероятными нежелательными последствиями» [Изард, 2008. С. 23–24].

Что именно заставляет нас интересоваться произведениями искусства, которые являются душераздирающими, депрессивными, утомительными, пугающими и тревожащими? На сегодняшний день нет общепринятого ответа на данный вопрос, как и консенсуса по поводу решения парадокса отрицательных эмоций. Кроме того, не все философы искусства согласны с уместностью самого слова «па-

парадокс» в данной проблеме [Levinson, 2014]. Тем не менее все же можно выделить и даже классифицировать ряд попыток решения парадокса. Прежде чем перейти к основным взглядам на парадокс, необходимо обозначить, какое именно искусство будет рассматриваться как вызывающее отрицательные эмоции.

Традиционно парадоксы в восприятии искусства, вызывающего отрицательные эмоции, рассматривались на примере трагедий, достаточно вспомнить «Поэтику» Аристотеля, «О трагедии» Дэвида Юма и «Рождение трагедии из духа музыки» Фридриха Ницше¹. В конце XX в. ряд исследователей парадокса обратили внимание на жанр ужасов. Например, Берис Гот в «Парадоксе хоррора» [Gaut, 1993] отмечает противоречивость наслаждения художественными произведениями в жанре хоррор. Современный философский дискурс, посвященный парадоксу отрицательных эмоций, расширяет сложившиеся жанровые рамки. Например, Мэтью Штрол предлагает уже четыре типичных случая, когда взаимодействие с искусством связано с отрицательными эмоциями: «1. Трагедия: когда Офелия умирает в “Гамлете”, я чувствую печаль и жалость. 2. Зверские преступления: когда я смотрю документальный фильм о холокосте “Ночь и туман”, я чувствую сильное беспокойство. 3. Хоррор: когда я смотрю “Нечто” Джона Карпентера, я чувствую страх и отвращение. 4. Шумная музыка. Когда я слушаю панк, металл или авангардный джаз, я чувствую себя взволнованным. Мне особенно нравится музыка, которая заставляет меня так себя чувствовать» [Strohl, 2019. P. 2]. Штрол, таким образом, добавляет к уже классическим хоррору и трагедии репрезентацию зверских преступлений, но отмечает, что в таких случаях «наши интересы в первую очередь не гедонистические» [Ibid.]. Также он добавляет шумную («тяжелую») музыку, с оговоркой о том, что в данном случае наша эмоциональная реакция отличается по природе от тех видов эмоциональных реакций, которые философы обычно рассматривают как хрестоматийные случаи [Ibid.]. К данной типологии Штрола я предлагаю добавить трансгрессивное искусство, то есть то искусство, которое характеризуется графическим изображением нарушений социально приемлемых норм, таких как насилие, употребление наркотиков и различные сексуальные отклонения. Трансгрессивное искусство отличается от репрезентации зверских преступлений, о которой пишет Штрол, поскольку в его случаях речь идет именно о документалистике, а не художественном вымысле. Далее в качестве зонтичного термина, охватывающего разные виды и жанры искусства, вызывающего отрицательные эмоции, такие как грусть, отвращение, гнев, страх, горе, скуку и другие мы будем использовать словосочетание «тяжелое искусство».

Рассмотрим ряд решений парадокса отрицательных эмоций в философии искусства, которые мы разделили по принципу отличия во взглядах на источники отрицательных эмоций и процессуальные характеристики.

Теории амбивалентности и оценочных суждений

Первая группа утверждает, что источник отрицательных эмоций находится в содержании самого произведения, а испытанные воспринимающим субъектом

¹ В данной статье мы не будем подробно останавливаться на данных работах, отметим лишь, что они легли в основу многих современных концептуализаций парадокса.

негативные переживания реальны, но при этом амбивалентны. Соответственно удовольствие возникает в результате двойственности переживания. Приверженцы данной позиции указывают на то, что мы действительно испытываем негативные переживания во время встречи с тяжелым искусством, но это не обязательно должно отразиться на нашем опыте в негативном ключе, и положительные аспекты переживания могут перевесить. Дэвид Юм является самым известным сторонником данной теории. Он полагал, что отрицательный аффект можно превратить в положительный аффект, связанный с оценкой артистизма, проявленного в работе. В эссе «О трагедии» Юм пишет: «Этих примеров (и можно было бы собрать еще много) достаточно, чтобы дать нам некоторое представление об аналогии с природой и показать нам, что наслаждение, которое поэты, ораторы и музыканты доставляют нам, вызывая у нас горе, печаль, негодование и сострадание, не так уж необычно или парадоксально, как может показаться на первый взгляд. Сила воображения, энергия выражения, числовой порядок, очарование подражания; все это, естественно, само по себе приятно для ума. И когда представленный объект также захватывает в нас некоторую привязанность, наше удовольствие еще возрастает за счет преобразования этого подчиненного движения в то, что преобладает» [Hume, 1882. P. 263–264].

Но что же именно подразумевается под положительными аспектами переживания тяжелого искусства, которые способны перевесить негативный опыт? Ответом на данный вопрос занимается целый класс концепций. Первое объяснение парадокса утверждает, что на самом деле мы не испытываем отрицательного аффекта в тех случаях, когда кажется, что мы наслаждаемся опытом тяжелого искусства. То есть положительный опыт от взаимодействия с тяжелым искусством полностью перекрывает негативные аспекты встречи с подобным искусством. Берис Гот в своем исследовании, посвященном парадоксу хоррора [Gaut, 1993], предлагает именно такое решение парадокса (как мы увидим далее, он в принципе ставит под сомнение само наличие «парадокса» в наслаждении такими жанрами, как хоррор). Гот указывает на то, что хоррор, как правило, вызывает страх и отвращение у аудитории. Страх и отвращение по своему содержанию являются отрицательными эмоциями. Самым инстинктивным объяснением подобного парадокса, по Готу, является то, что мы наслаждаемся страхом и отвращением, вызванными именно художественным произведением, а не реальным миром. Данная позиция является противоположной взгляду Штрола на парадокс, так как последний все же настаивает на том, что для воспринимающего субъекта страх, к примеру, от резкого лая собаки на улице не отличается от страха, испытываемого при резком лае собаки с экрана кинотеатра [Strohl, 2019].

Берис Гот утверждает, что нет ничего парадоксального в наслаждении негативными эмоциями, так как мы можем наслаждаться страхом и отвращением. Ужас привлекает, потому что люди могут получать удовольствие от страха и отвращения (отрицательные эмоции). Логика Гота выстраивается следующим образом.

1. Большинство произведений в жанре хоррор не имеют серьезной художественной ценности и направлены исключительно на развлечение.
2. Жанр хоррор носит развлекательный характер и просто стремится доставить публике приятные впечатления.

3. Хоррор делает это, вызывая у аудитории страх и отвращение и становится все более изощренным и успешным в достижении этого эффекта.

4. Самое простое и понятное объяснение всего этого состоит в том, что иногда людям нравится, когда они боятся или испытывают отвращение [Gaut, 1993. P. 336–337].

Далее Гот отвергает идею о том, что эмоции следует характеризовать с точки зрения конкретных чувств/ощущений и, соответственно, выступает против позиций Ноэля Кэрролла, о которой речь пойдет ниже.

Гот указывает на то, что эмоции (феноменологически) не характеризуются чувствами (они не обязательно проявляются определенным образом), и у разных людей эмоции могут быть связаны с разными ощущениями. Таким образом, отвращение или ужас могут ассоциироваться с удовольствием у одного человека и неприятностями у другого. Кроме того, Гот фокусируется на когнитивных характеристиках эмоций, считая их больше интеллектуальными, нежели чувственными, и соответственно эмоции, по существу, включают оценки: «Боязнь чего-либо подразумевает оценку этого как угрозу, гнев на кого-то предполагает оценку ее действий как неправильных, чувство печали предполагает думать, что была понесена потеря, и так далее» [Gaut, 1993. P. 340]. Поскольку парадокс отрицательных эмоций основан на идее, что отрицательные эмоции – это по своей сути неприятные эмоции, то решение Гота отвергает наличие самого парадокса. Вместо того чтобы рассматривать отрицательные эмоции как изначально неприятные, их негативность следует относить к результату того факта, что эти эмоции включают в себя негативные оценки.

И здесь мы плавно переходим к более поздней работе Гота, в которой отрицательные эмоции от искусства относятся к результату жанровой специфики произведений, но при этом источником удовольствия является оценка ситуации, представленной в произведении. В качестве источника наслаждения рассматривается оценка ситуации, представленной в произведении, соответственно удовольствие² возникает от осознания правильности собственной моральной оценки происходящего. Поскольку данное направление мысли отражено в работах представителей нового морализма (Гот является представителем этицизма в философии искусства), важно отметить, что наслаждение именно страданиями персонажей (а не осуждающую оценку происходящего) они относят к аморальности самого воспринимающего субъекта [Gaut, 1998] и рассматривают отдельно от проблемы отрицательных эмоций в искусстве.

Объяснение парадокса при помощи утверждения о том, что мы наслаждаемся и ценим опыт от взаимодействия с тяжелым искусством частично или полностью из-за вовлеченного негативного аффекта, исторически игнорировался в истории философской мысли (исключения были, но они немногочисленны). Ранее в работах, посвященных парадоксу, устойчивая амбивалентность отрицательных эмоций не рассматривалась как вариант, так как существовало общее предположение о том, что боль как таковая не может доставлять удовольствие. Недавние работы в области философии и психологии опровергли это предположение, и концепции амбивалентности начали набирать популярность [Strohl, 2019. P. 2].

² Под удовольствием в данном случае понимается положительный опыт восприятия искусства.

Компенсаторные теории

Несколько другой тип решения парадокса представлен целым классом компенсаторных теорий. Основное преимущество компенсаторных теорий заключается в том, что данные решения позволяют не фокусироваться на отрицательных эмоциях и том, могут ли они доставлять боль или удовольствие или и то и другое одновременно, поскольку удовольствие от тяжелого искусства рассматривается данным типом теорий как компенсация за испытание. Например, философ и исследователь визуальной культуры Рафаэль Де Клерк указывает на то, что для решения парадокса стоит делать акцент на том, что удовольствие от тяжелого искусства имеет свою *цену* и носит компенсаторный характер [De Clercq, 2014]. Иными словами, воспринимающий субъект осознает, что жанр, с которым он/она взаимодействует, носит тяжелый характер и получает удовольствие от осознания того, что может его выдержать. Схожую концепцию защищает на примере жанра хоррор Ноэль Кэрролл, указывая на то, что чудовища из фильмов ужаса очаровывают нас тем, что нарушают обычные концептуальные категории, но пугают и вызывают отвращение по той же причине [Carroll, 1990]. Согласно теории Кэрролла, страх и отвращение не вносят положительный вклад в наше восприятие произведений в жанре хоррор, однако его вносит сопутствующее восхищение, которое мы испытываем по отношению к монстрам. Поразительные существа в фильмах, трогательные нарративы или слишком громкая музыка не только восхищают и развлекают нас, но также позволяют тестировать границы и возможности собственного восприятия. С подобной объяснительной картиной компенсаторных теорий соглашаются и сами поклонники различных жанров тяжелого искусства³. Еще одним преимуществом компенсаторных теорий является то, что они применимы фактически к любым жанрам искусства, и произведение не обязательно должно обладать ярко выраженной развлекательной, эстетической, эмоциональной или когнитивной ценностью (как в случае с теориями катарсиса). Иногда людям нравятся произведения искусства, просто потому что они плохие. Культовый фильм «Комната» (2003) – яркий тому пример, так как он ошеломляет некачественным сценарием и плохой игрой актеров и воспринимается зрителем как причудливый, несмотря на негативную аффективную реакцию [Dyck, Johnson, 2017]. И уже сама эта причудливость оценивается с эстетической точки зрения. Таким образом, в картине компенсаторных теорий удовольствие могут приносить даже нарративные произведения, которые вызывают откровенную скуку. В таких ситуациях удовольствие может быть получено в результате осознания того, что скука преодолена. Некоторые люди могут положительно оценивать собственный протест против «удобного» искусства, например, те, кто увлекается трансгрессивным искусством. Подобное искусство «насилует зрителя» [Fileva, 2014. P. 172], выходя за рамки, которые мы тщательно соблюдаем, но, что более ценно, они относятся к нам как к взрослым, способным это выдержать. Таким образом, традиционная таксономия искусства, вызывающего отрицательные оценки у воспринимающего субъекта в компенсаторных теориях, расширяется.

³ Об этом речь пойдет более подробно в § 5 Эмпирические исследования.

Катарсис и тяжелое искусство

Теория катарсиса берет свое начало в «Поэтике» Аристотеля, где катарсис (чувственное очищение) является результатом сострадания и сопереживания героям трагедий, а сами трагедии выполняют скорее воспитательные, чем гедонистические функции [Аристотель, 2002]. В «Политике» Аристотель несколько конкретизирует свою мысль: «То же самое неизбежно испытывают и те, кто подвержен состоянию жалости и страха и вообще всякого рода переживаниям, – такое переживание свойственно всякому; все такие люди получают некое очищение и облегчение, связанное с удовольствием; точно также песнопения очистительного характера доставляют людям безобидную радость» [Аристотель, 2012. С. 256]. Теория катарсиса, таким образом, изначально носит этический характер и рассматривается в контексте воспитательных и исцеляющих возможностей тяжелого искусства.

Асбьёрн Грёнстад в своем труде, посвященном образам насилия, смерти и маскулинности в американском кинематографе («Transfigurations: Violence, Death and Masculinity in American Cinema»), отмечает, что насилие, зверские преступления и страдания героев оттачивают наше этическое восприятие тем, что, расшатывая наш моральный опыт, они одновременно расширяют его пределы [Grønstad, 2008]. Теория катарсиса подразумевает, что «искусство имеет терапевтическое измерение» [Grønstad, 2008. Р. 36]. Однако «как эмоциональные категории или состояния жалость и страх слишком монолитны», а опыт взаимодействия с искусством в целом значительно сложнее, чем допускает теория катарсиса [Grønstad, 2008. Р. 37].

В качестве примера концепций, которые могут помочь избежать тупика теорий катарсиса, Грёнстад предлагает обратиться к представлению Сергея Эйзенштейна о конфликтном монтаже и Театру жестокости Антонена Арто как двум ключевым концептам ценности шока и зрелища. Например, в теории Эйзенштейна «первостепенное значение имеет идея о том, что моральное или политическое участие зрителей может быть активизировано наиболее эффективно через предварительные стадии восприятия сенсорного шока и эмоций» [Ibid.]. То есть это не аристотелевский катарсис, в котором задействованы только жалость и страх, здесь же речь идет о целом диапазоне зрительских эмоций. Кроме того, в классической теории катарсиса эмоциональная аффективность рассматривается как цель, в то время как в теории Эйзенштейна она служит средством когнитивной обработки содержания произведения. Данная концепция носит более универсальный характер, чем, например, сведение отрицательного опыта взаимодействия с искусством к позитивному значению, так как когнитивная обработка политического или иного содержания произведения может объяснить интерес зрителя / читателя к репрезентации зверств в документальных произведениях.

Основной проблемой работ, посвященных парадоксу отрицательных эмоций, является то, что все решения претендуют на универсальность своих объяснительных механизмов, полагая, что одна концепция может охватить все явления. Очевидной данная проблема становится, когда концепции применяются к неизобразительным видам искусства. К примеру, анализ музыки в контексте парадокса отрицательных эмоций вызывает массу сложностей, так как сами факто-

ры, способствующие возникновению эмоций, трудно выявить и артикулировать воспринимающему субъекту [Панаиотиди, 2008].

Эмпирические исследования парадокса тяжелого искусства

Анализ взаимодействия человека с тяжелым искусством интересует не только философов и теоретиков искусства. Существует ряд эмпирических исследований, посвященных парадоксу отрицательных эмоций в искусстве, однако стоит отметить, что они не систематические. Методологическая трудность, с которой сталкиваются эмпирические исследования тяжелого искусства, носит фундаментальный характер и связана с тем, что художественная репрезентация того же насилия не является феноменом, поддающимся количественной оценке. Другая методологическая проблема связана с соображениями этического характера, так как для постановки ряда экспериментов ключевым моментом является непосредственная презентация «тяжелого» и трансгрессивного контента респондентам.

С одной стороны, существует мнение о том, что эстетизация насилия, смерти и порнографии в искусстве смягчают напряженность в реальной жизни. Например, с точки зрения фрейдизма, взаимодействие с табуированными темами и сюжетами в искусстве позволяет дать необходимый выход агрессивным человеческим импульсам. С другой стороны, несколько эмпирических исследований подтверждают, что воздействие насилия в СМИ влияет на уровень агрессии [Huesmann, 2007; Phillips, 2017; Wilson, 2008]. В то же время среди психологов, социологов и неврологов все же есть некий консенсус по поводу того, что тяжелое искусство опасно для неуравновешенных людей [Ballon & Leszcz, 2007; Bozzuto, 1975]. Подобные тематические исследования встречаются редко, но представленные в них подробности позволяют предположить, что изменения в сознании и поведении людей после просмотра или чтения шокирующих, ужасных, жестоких или чрезвычайно грустных по содержанию произведений возникают из-за причин, не связанных с самим искусством, но что искусство может стать катализатором для ранее существовавших патологий, которые были спровоцированы любыми другими схожими стимулами.

Довольно сложно составить обзор эмпирической литературы, посвященной парадоксу отрицательных эмоций в искусстве, как правило, они находятся на стыке психологии, психотерапии, коммуникативных исследований, исследований развития, клинической психологии, социологии и медиаисследований. Интересно, что эмпирические исследования выявляют отличные от философского дискурса причины, по которым люди взаимодействуют с искусством, вызывающим отрицательные эмоции. К примеру, в исследовании Нила Мартина, посвященном взаимодействию зрителя с жанром хоррор, в качестве причины интереса к жанру рассматриваются саспенс и разрешение неизвестности как два важных компонента ужаса и реакции на фильмы ужасов [Martin, 2019]. Исходя из исследований, обзор на которые проводит Мартин, можно сделать вывод о том, что чем выше уровень саспенса, тем больше фильмом наслаждается зритель. Согласно исследованию психолога Дольфа Зиллмана, люди с высоким уровнем эмпатии будут получать наибольшее количество отрицательных эмоций независимо от успешного

разрешения угрозы в фильме [Zillmann, 1996]. В модели Зиллмана есть некоторые трудности с объяснением мотивации к просмотру и получения удовольствия от фильмов ужасов, которые по сюжету разрешаются не в пользу главных героев [Martin, 2019]. Но судя по выводам, сделанным на основе мета-анализа исследований зрительского восприятия хоррора, есть свидетельства того, что удовольствие от фильмов ужасов не зависит от концовки [Hoffner & Cantor, 1991; Martin, 2019].

Другие исследования, посвященные парадоксу отрицательных эмоций, опять же на примерах просмотра фильмов в жанре хоррор, предполагают, что удовольствие связано с присутствием в фильмах разрушений и непредсказуемости. Например, в исследовании Эндрю Уивера и Барбары Уилсон отмечается, что сцены насилия или деструктивности содержат ряд особенностей, которые могут вызвать сенсорное наслаждение благодаря своей сложности и новизне: «кулачные бои, выстрелы, взрывы и тому подобное – все это может повысить удовольствие от просмотра за счет увеличения сенсорной стимуляции аудитории» [Weaver, Wilson, 2009. P. 445]. Элемент новизны как одна из причин, по которым аудитория наслаждается тяжелым искусством, фактически игнорируется в теоретических исследованиях, посвященных парадоксу, но при этом довольно часто встречается в ответах респондентов.

Однако при обращении к эмпирическим исследованиям парадокса не стоит забывать об индивидуальном характере оценки искусства. В подобных исследованиях фокус почти всегда направлен именно на тех индивидов, которые активно ищут встречи с искусством как раз для того, чтобы увидеть насилие и жестокость и ими осознанно насладиться. Однако в таких случаях часто оказывалось, что даже если люди могут стремиться к взаимодействию с тяжелым искусством, им не всегда нравится то, что они находят [Martin, 2019]. Участники опросов очень редко могут четко артикулировать свои эмоции, к тому же им часто дают возможность выбрать только один вариант ответа.

Винфрид Меннингхаус отмечает, что отрицательные эмоции могут переходить в удовольствие, но это не значит, что отрицательный аффект, связанный с этими эмоциями, заменяется положительным аффектом. Меннингхаус и его коллеги анализировали доступные эмпирические исследования, чтобы дать общее представление о психологических процессах, посредством которых отрицательный аффект может положительно влиять на эстетический опыт. Они выделяют два набора процессов, которые они называют «дистанцированием» и «охватом» [Menninghaus et al., 2017]. Тем не менее, воспринимающий субъект не всегда может при желании дистанцироваться от ситуации, представленной тяжелым искусством. В истории есть случаи, когда встреча с тяжелым искусством приводила к вполне обнаруживаемым свидетельствам травмы. В XX веке даже выдвигалось предположение о существовании «кинематографического невроза» – развитие тревоги, соматических реакций, диссоциации или даже психотических симптомов после просмотра фильма [Ballon, Leszcz, 2007, 211]. Например, страх принять душ после просмотра «Психо» Дэвида Линча или случаи моральных травм после просмотра фильма «Экзорцист» Уильяма Фридкина. Однако в изучаемых психиатрами случаях «кинематографического невроза» (моральной травмы после

просмотра фильмов в жанре хоррор) речь идет о людях, которые недавно пережили потерю (или потенциальную потерю) члена семьи, к которому они относились двойственно. Как правило, люди, жаловавшиеся на невроз после просмотра фильмов, также придерживались религиозных или культурных идеалов и в поведении копировали образы из просмотренных ими фильмов [Martin, 2019]. Это дополняет представление о том, что искусство не может причинить вред человеку само по себе, для этого должны быть предпосылки⁴.

Таким образом, как и в эмпирических, так и в теоретических исследованиях мы сталкиваемся с проблемой определения и выделения эмоций как отрицательных или положительных, а также с такими категориями, как «боль» и «удовольствие» (данные категории понимаются по-разному как респондентами в опросах и экспериментах, так и философами). В дополнение к этому перед эмпирическими исследованиями стоит целый ряд методологических проблем, начиная от дизайна исследований и заканчивая методами измерения, не способными определить лежащие в основе процессы [Hoffner, Levine, 2005]. Метаанализ исследований, посвященных наслаждению страхом и насилием в медиа Синтии Хоффнер и Кеннета Левина, показал, что исследователям необходимо фокусироваться на восприятии агрессивными и неагрессивными зрителями содержания насилия и их аффективных реакциях в ответ на различные типы изображений насилия. Кроме того, они советуют проводить исследования, изучающие реакцию на конкретные произведения в лабораторных условиях, поскольку они могут помочь получить более точное понимание элементов изображения насилия, которые агрессивные люди находят привлекательными [Hoffner & Levine, 2005].

Итак, ни теоретические, ни эмпирические исследования парадокса отрицательных эмоций не могут предложить универсальное решение. Сводя объяснение наслаждения искусством, способным вызывать отрицательные эмоции, к вопросам катарсиса (преображения), компенсации или новизне восприятия, исследователи упускают из внимания такие случаи, когда воспринимающий субъект: а) не способен уловить эмоцию; б) не способен установить источник этой эмоции (например, если речь идет о музыкальном произведении); в) не осознает собственных оценок происходящего.

Заключение

Отрицательные эмоции, вызванные искусством, сложны, варьируются от человека к человеку, и их трудно сформулировать. Философская концептуализация отрицательных эмоций, вызванных искусством, неотделима от изучения конкретной культурной практики с целью согласования философского понима-

⁴ Хотя стоит отметить, что недавние исследования обнаружили, что тяжелое искусство может способствовать развитию посттравматического стрессового расстройства, что проявляется через механизмы нарушения регуляции внимания во время встречи с информацией, связанной с травматическим событием. Например, в исследовании Джудит Шефер и др. [Schäfer et al., 2018] участникам был показан фильм «Необратимость» Гаспара Ноэ (2002), в котором изображены очень натуралистичные сцены изнасилования. Выяснилось, что посттравматическое (после просмотра фильма) воздействие травматических стимулов, связанных с событием, может изменить обработку информации о внимании сигналов травмы и привести к посттравматическим вторжениям.

ния культурной реальности. Отрицательные эмоции трудно выделить, поскольку субъективные составляющие объективно существующей «душевной боли» не поддаются верификации и индивидуальны, поэтому важно обратиться к более узнаваемым аффектам встречи с тяжелым искусством и разработать комплексную методологию, которая поможет более четко артикулировать респондентам свои ощущения и мысли.

Искусство может затрагивать деликатные вопросы, а также изображать морально провокационный контент, обращенный к травматическим переживаниям. Необходимо глубже изучить психологические и социальные эффекты искусства, вызывающего отрицательные эмоции, поскольку на данный момент эмпирические исследования по данному вопросу вызывают скептицизм. Критике могут подвергаться как объекты, выбранные для исследований, так и методология и условия экспериментов, этические аспекты социологических опросов (в том числе надо рассматривать вариант того, что в опросах, посвященных влиянию насилия в кинематографе и медиа, ряд респондентов дают «ожидаемые» ответы, которые они уже знают из риторики СМИ).

Среди различных философских концепций парадокса отрицательных эмоций стоит выделить компенсаторную теорию, поскольку она дает возможность предельно расширить категорию тяжелого искусства и ее формулировки соответствуют риторике респондентов, отвечавших на вопросы о том, почему они все же ищут встречи с искусством, вызывающим отрицательные эмоции. Но даже компенсаторная теория не может претендовать на универсальность, поэтому наиболее продуктивным решением парадокса будет рассматривать разные концепции как отдельные объяснительные механизмы, подходящие для анализа разных кейсов.

Список литературы

- Аристотель.** Поэтика / Пер. С. Н. Зенкин, Н. Новосадская. М.: Директ-Медиа, 2002. 76 с.
- Аристотель.** Политика / Пер. С. А. Жебелев. М.: Директ-Медиа, 2012. 258 с.
- Изард К.** Эмоции человека. М.: Директ-Медиа, 2008. 954 с.
- Панаиотиди Э. Г.** Почему мы слушаем грустную музыку? К проблеме отрицательных эмоций // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер.: Философия. Филология. 2008. № 2. С. 157–175.
- Ballon B., Leszcz M.** Horror films: tales to master terror or shapers of trauma? // Am. J. Psychother. 2007. vol. 61. № 2. P. 211–230.
- Bozzuto J. C.** Cinematic neurosis following “The Exorcist”. Report of four cases // J. Nerv. Ment. Dis. 1975. vol. 161. P. 43–48.
- Carroll N.** The Philosophy of Horror. N. Y.: Routledge, 1990. 272 p.
- De Clercq R.** A Simple Solution to the Paradox of Negative Emotion // Levinson J. (ed.). Suffering Art Gladly. L.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 111–122.
- Dyck J., Johnson M.** Appreciating bad art // Journal of Value Inquiry. 2017. vol. 51. № 2. P. 279–292.
- Fileva I.** Playing with Fire: Art and the Seductive Power of Pain // Levinson J. (ed.). Suffering Art Gladly. L.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 171–185.

- Gaut B.** The paradox of horror // *British Journal of Aesthetics*. 1993. vol. 33. № 4. P. 333–345.
- Gaut B.** The ethical criticism of art // Levinson J. (ed.) *Aesthetics and Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 182–203.
- Grønstad A.** *Transfigurations: Violence, Death and Masculinity in American Cinema*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008. 288 p.
- Hoffner C., Cantor J.** Factors affecting children's enjoyment of a frightening film sequence // *Communication Monographs*. 1991. vol. 58, P. 41–62.
- Hoffner C., Levine K.** Enjoyment of Mediated Fright and Violence: A Meta-Analysis // *Media Psychology*. 2005. vol. 7. № 2. P. 207–237.
- Huesmann L. R.** The impact of electronic media violence: Scientific theory and research // *Journal of Adolescent Health*. 2007. vol. 41. P. 6–13.
- Hume D.** *Essays, Moral, Political, and Literary*. London: Longmans, Green and Co, 1882. 736 p.
- Levinson J.** (ed.) *Suffering art gladly: The Paradox of Negative Emotion in Art*. London: Palgrave Macmillan, 2014. 271 p.
- Martin G.** (Why) Do You Like Scary Movies? A Review of the Empirical Research on Psychological Responses to Horror Films // *Front Psychol*. 2019. doi: 10.3389/fpsyg.2019.02298.
- Menninghaus W., Wagner V., Hanich J. et al.** The distancing-embracing model of the enjoyment of negative emotions in art reception // *Behavioral and Brain Sciences*. 2017. vol. 40. P. 1–15.
- Phillips N.** *Violence, Media Effects, and Criminology*. Oxford Encyclopedia of Crime, Media, and Popular Culture. Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.189
- Schäfer J., Zvielli A., Höfler M. et al.** Trauma, attentional dysregulation, and the development of posttraumatic stress: An investigation of risk pathways // *Behaviour Research and Therapy*. 2018. vol. 102. P. 60–66.
- Strohl M.** Art and painful emotion // *Philosophy Compass*. 2019. vol. 14. № 1. P. 1–12.
- Weaver A.J., Wilson B.J.** The Role of Graphic and Sanitized Violence in the Enjoyment of Television Dramas // *Human Communication Research*. 2009. vol. 35. P. 442–463.
- Wilson B. J.** Media violence and youth aggression // Calvert S. L., Wilson B. J. (eds.). *Blackwell handbook of child development and the media*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. P. 237–267.
- Zillmann D.** The psychology of suspense in dramatic exposition // Vorderer P., Wulff H. J., Friedrichsen M. (eds.). *Suspense: Conceptualizations, theoretical analyses, and empirical explorations*. N. Y.: Routledge, 1996. P. 199–231.

References

- Aristotle.** *Poetics*. Moscow: Direct-Media, 2002, 76 p. (in Russ.)
- Aristotle.** *Politics*. Moscow: Direct-Media, 2012, 258 p. (in Russ.)
- Ballon B., Leszcz M.** Horror films: tales to master terror or shapers of trauma? *Am J Psychother*, 2007, vol. 61, no. 2, pp. 211–230.

- Bozzuto J. C.** Cinematic neurosis following “The Exorcist”. Report of four cases. *J Nerv Ment Dis*, 1975, vol. 161, pp. 43–48.
- Carroll N.** The Philosophy of Horror. New York: Routledge, 1990, 272 p.
- De Clercq R.** A Simple Solution to the Paradox of Negative Emotion. In Levinson J. (ed.). *Suffering Art Gladly*. London: Palgrave Macmillan, 2014, pp. 111–122.
- Dyck J., Johnson M.** Appreciating bad art. *Journal of Value Inquiry*, 2017, vol. 51, no. 2, pp. 279–292.
- Fileva I.** Playing with Fire: Art and the Seductive Power of Pain. In Levinson J. (ed.). *Suffering Art Gladly*. London: Palgrave Macmillan, 2014, pp. 171–185.
- Gaut B.** The paradox of horror. *British Journal of Aesthetics*, 1993, vol. 33, no. 4, pp. 333–345.
- Gaut B.** The ethical criticism of art. In Levinson J. (ed.), *Aesthetics and Ethics*, Cambridge: CUP, 1998, pp. 182–203.
- Grønstad A.** Transfigurations: Violence, Death and Masculinity in American Cinema. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008, 288 p.
- Hoffner C., Cantor J.** Factors affecting children’s enjoyment of a frightening film sequence. *Communication Monographs*, 1991, vol. 58, pp. 41–62.
- Hoffner C., Levine K.** Enjoyment of Mediated Fright and Violence: A Meta-Analysis. *Media Psychology*, 2005, vol. 7, no 2, pp. 207–237.
- Huesmann L. R.** The impact of electronic media violence: Scientific theory and research. *Journal of Adolescent Health*, 2007, vol. 41, pp. 6–13.
- Hume D.** Essays, Moral, Political, and Literary. London: Longmans, Green and Co, 1882, 736 p.
- Izard C.** Human Emotions. Moscow: Direct-Media, 2008, 954 p. (in Russ.)
- Levinson J.** (ed.) *Suffering art gladly: The Paradox of Negative Emotion in Art*. London: Palgrave Macmillan, 2014, 271 p.
- Martin G.** (Why) Do You Like Scary Movies? A Review of the Empirical Research on Psychological Responses to Horror Films. *Front Psychol*, 2019. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02298.
- Menninghaus W., Wagner V., Hanich J., Wassiliwizky E., Jacobsen T., & Koelsch, S.** The distancing-embracing model of the enjoyment of negative emotions in art reception. *Behavioral and Brain Sciences*, 2017, vol. 40, pp. 1–15.
- Panaiotidi E.** Pochemu my slushаем grustnyuyu muzyku? k probleme otricatel’nyh emocij [Why do we listen to sad music? to the problem of negative emotions]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 2008, no. 2, pp. 157–175. (in Russ.)
- Phillips N.** Violence, Media Effects, and Criminology. *Oxford Encyclopedia of Crime, Media, and Popular Culture*. Oxford University Press, 2017. doi: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.189
- Schäfer J., Zvielli A., Höfler M., Wittchen H.-U., & Bernstein A.** Trauma, attentional dysregulation, and the development of posttraumatic stress: An investigation of risk pathways. *Behaviour Research and Therapy*, 2018, vol. 102, pp. 60–66.
- Strohl M.** Art and painful emotion. *Philosophy Compass*, 2019, vol. 14, no. 1, pp. 1–12.
- Weaver A.J., Wilson B.J.** The Role of Graphic and Sanitized Violence in the Enjoyment of Television Dramas. *Human Communication Research*, 2009, vol. 35, pp. 442–463.

Wilson B. J. Media violence and youth aggression. In Calvert S. L., Wilson B. J. (eds.). Blackwell handbook of child development and the media. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008, pp. 237–267.

Zillmann D. The psychology of suspense in dramatic exposition. In Vorderer P., Wulff H. J., Friedrichsen M. (eds.). Suspense: Conceptualizations, theoretical analyses, and empirical explorations. New York: Routledge, 1996, pp. 199–231.

Информация об авторе

Гомес Каролина-Джоанна, кандидат философских наук, ассистент
Ассистент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет.

Information about the Author

Karolina-Dzhoanna Gomes, Candidate of Sciences (Philosophy), assistant lecturer
Assistant lecturer at the Department of philosophy, bioethics, and cultural studies,
Ural State Medical University

*Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022
The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022*

Научная статья

УДК 316.334

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-57-72

Стигмы болезни и бедности: историческое априори современного дискурса

Сания Исааковна Бояркина

Социологический институт РАН – филиал
Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской Академии Наук
Санкт-Петербург, Россия

s.boyarkina@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3944-0076>

Аннотация

В статье рассматривается история формирования множественной стигмы больных / бедных людей. Приводится описание медицинских и статусных характеристик, предопределяющих отношение к потенциальным или реальным носителям заразных болезней и бедности. Описываются исторические примеры стигматизации отдельных социальных групп в эпоху наибольшего эпидемиологического неблагополучия до середины XIX в.

Проводится контент-анализ дискурса на материалах комментариев ($n = 133$) аудитории современного интернет-издания к публикации, описывающей конфликт в городском кафе по поводу посетителя – носителя множественной стигмы. Приводятся высказывания, отражающие оценку идентичности стигматизируемого и отношение к нему аудитории.

Историко-культурологический анализ позволил обозначить преемственность дискурсивных практик стигматизации, актуальность для современников исторически сложившихся стереотипов восприятия традиционно стигматизируемой категории.

Ключевые слова

исторические контексты, инфекционные болезни, бедность, множественная стигматизация, стигматизирующие маркеры

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ».

Для цитирования

Бояркина С. И. Стигмы болезни и бедности: историческое априори современного дискурса // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 57–72. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-57-72

© Бояркина С. И., 2022

Stigmas of disease and poverty: A Historical a priori of Modern Discourse

Saniya I. Boyarkina

The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

s.boyarkina@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3944-0076>

Abstract

The article dwells on the history of the formation of multiple stigmas of sick/poor people. The author describes medical and status characteristics that predetermine attitudes towards potential or real carriers of infectious diseases and poverty. Historical examples of the stigmatization of certain social groups in the era of the greatest epidemiological trouble until the middle of the 19th century are described.

A content analysis of the discourse is carried out. It was based on the materials of a modern online publication and included text-analyses of the audience' comments ($n=133$) to the news. The publication describes a conflict in a city cafe about the visitor who carries multiple stigmas. Statements that reflect the assessment of the identity of the stigmatized and the attitude of the audience towards him are given.

Historical and cultural analysis made it possible to identify the continuity of discursive practices of stigmatization, the relevance for contemporaries of the historically established stereotypes of perception of a traditionally stigmatized category.

Keywords

historical contexts, infectious diseases, poverty, multiple stigmatizations, stigmatizing markers

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00314 «Social order in epidemic conditions: socio-philosophical analysis».

For citation:

Boyarkina S.I. Stigmas of disease and poverty: A Historical a priori of Modern Discourse. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3. P. 57–72. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-57-72

Введение

История борьбы человечества с эпидемиями насчитывает уже не одно тысячелетие. Следы поражения представителей древних цивилизаций чумой, брюшным тифом, туберкулезом, оспой и другими патогенами обнаруживаются в популяциях начиная с периода позднего неолита (см., например, [Спрутц, 2019]). К сожалению, задокументированных свидетельств эпидемий, происходивших до наступления нашей эры, не сохранилось, а первые такие свидетельства не дают истинных представлений об этиологии массовых болезней и содержат ошибочные суждения, опровергаемые современной наукой¹.

Тем не менее объективные социальные последствия, которые несли с собой эпидемии, независимо от истинности или ложности понимания современниками их биологических причин способствовали накоплению специфического опыта переживания болезней и конструированию представлений о «типичном» больном, представляющем потенциальную угрозу здоровью окружающих. И хотя влияние социального статуса на здоровье и инфекционное благополучие было

¹ Так, например, в ряде исследователей утверждается, что эпидемия Афинской чумы (430–426 гг. до н. э.) была эпидемией другого смертоносного вируса – брюшного тифа.

впервые эмпирически подтверждено только в середине XIX в. в Западной Европе и в начале XX в. в России, на протяжении истории в числе подозреваемых в распространении инфекций оставались представители низших социальных страт.

Отчасти это объясняется объективными причинами: наиболее часто жертвами инфекционных болезней становились крестьяне, чья жизнь проходила в непосредственной близости с природными источниками инфекций. В то же время представления о потенциальной заразности бедняков были обусловлены и существовавшими ценностными ориентациями. В статусной модели сложных стратифицированных обществ на одном полюсе оказывались высшие ценности здоровья, богатства и власти, а на другом – бедность, бесправие и болезни, которые ассоциировались с образом грязного крестьянина, опаленного солнцем раба или ободранного бродяги, «чужого» и, вероятно, опасного.

Ассоциация болезней с избранными неугодными носителями неоднократно на протяжении истории становилась основанием агрессии в отношении людей, обладающих «неудобной» обществу идентичностью, и поэтому борьба с эпидемическими болезнями зачастую сопровождалась борьбой с «вредителями» – бедными людьми (см., например, [Carmichael, 1986; Супотницкий, 2006]).

Проблематика социального неравенства и дискриминации больных актуальна и для современного общества. В современной социологии здоровья можно обозначить три ключевых подхода к изучению проблем восприятия потенциальной опасности больных для общества. Первый, практико-ориентированный, сфокусирован на исследовании объективных угроз социальной и индивидуальной безопасности, проблем восприятия рисков, социальных представлений, верований, страхов в отношении инфекционных больных² [Решетников и др., 2018].

Второй, близкий традициям феноменологии и социального конструктивизма, предполагает анализ механизмов социального конструирования диагноза и социальных оснований маркировки (*labeling*) инфекционных больных, роли информации и используемых лингвистических приемов в распространении социальных конструктов «здоровья» и «болезни»³.

Несмотря на разнообразие предметных областей, авторы, как правило, имплицитно (или эксплицитно) апеллируют к проблеме стигматизации инфекционных больных, и именно этот, третий, подход позволяет концептуально объединить ключевые факторы – объективные и социально-конструируемые – восприятия и маркировки субъектов и предположить причины ассоциативной связи признаков болезни со статусными характеристиками.

Среди ключевых направлений исследований стигмы инфекционных больных – проблемы идентичности; субъективного восприятия измененной телесности самим больным и восприятия болезней обществом (в том числе стереотипного); институциональных (в рамках системы здравоохранения) и структурных

² Malesza M., Kaczmarek M. C. Predictors of anxiety during the COVID-19 pandemic in Poland [Online resource] // Personality and individual differences. 2021. Vol. 170. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920306103> (Date of access 24.10.2022)

³ Nossem E. Linguistic rebordering: Constructing COVID-19 as an external threat [Online resource] // Bord. Perspect. 2020. T. 4. P. 77–80. URL: https://www.researchgate.net/publication/340539908_Linguistic_rebordering_Constructing_COVID-19_as_an_external_threat (Date of access 24.10.2022)

механизмов конструирования стигмы (см., например, [Дудина, Артамонова, 2018; Беляева и др., 2016]).

В новейших западных исследованиях последних пяти лет в фокус внимания все чаще попадают проблемы множественной стигматизации больных, возникающие при пересечении нескольких стигматизируемых идентичностей, в том числе больных – представителей низших классов (см., например, [Karver, 2022; Henderson, 2018]).

В то же время авторы крайне редко обращаются к тематике исторических контекстов множественной стигматизации. В отечественной литературе наряду с относительно большим количеством публикаций, посвященных изучению истории распространения инфекционных болезней и положения больных в европейских обществах (см., например, работы Михеля Д. В., Куксо К. А., Супотницкого М. В.), практически отсутствуют работы, посвященные изучению условий формирования коммуникативных оснований, на которых выстраивается восприятие больных и бедных в современном обществе. Непрояснённой объектно-предметной областью является «историческое априори» дискурса [Фуко, 2004. С. 242] в отношении социальной диспозиции инфекционный больной / бедняк.

Теоретико-методологические основания исследований стигматизации

В существующих определениях общественной стигмы к ее обязательным компонентам относят наличие у индивида перцептивно воспринимаемых качеств, негативно оцениваемых окружающими и / или уничижительных стереотипов (предубеждений), позволяющих окружающим присвоить ему некий девиантный статус и маркировать как «чужого», что приводит к снижению социального статуса и дискриминации⁴ [Lemert, 1967; Link, Phelan, 2001]. Стигматизации могут подвергаться любые отклонения от нормы, вписывающиеся в рамки общепринятых классификаций индивидуальных «неудач» в сфере здоровья, занятости, дохода, образования и др. В зависимости от числа воздействующих факторов говорят о множественной (системной) стигматизации [Phelan et al., 2014].

Клеймение тех, кто не вписался в социальную структуру, оказался «не на своем месте» и нарушил социальный порядок, позволяет отделять социальными границами то, что представляется опасным для общества и формальной власти [Дуглас, 2000. С. 12–13]. Стигматизация, таким образом, становится механизмом конструирования структурных (иерархических и неиерархических) социальных неравенств, принуждения к выполнению социальных норм и отчуждения больных / недееспособных / девиантных субъектов [Phelan et al., 2008].

В процессе определения места (положения) индивида в социальной структуре и соответствующего ему поведения представители влиятельных групп (профессионалы, политические и экономические элиты) создают нормы, навязывают определенные способы их смысловой интерпретации и контролируют их испол-

⁴ Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). Перевод Добряковой М.С. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения 20.10.2022).

нение, устанавливают устойчивые связи между «помеченными» и нежелательными характеристиками – негативными стереотипами (предрасудками) [Фуко, 2007; Link, 2001; Phelan, 2008].

В повседневной жизни стереотипы вырабатываются в процессе обыденных интерпретаций научных знаний, культурных мифов и метафор, которые структурируются в систему значений и, распространяясь в процессе коммуникации, формируют отношение к референту [Щекотихина, 2008]. Это отношение закрепляется исторически и воплощается в обычаях исключения, действующих даже тогда, когда исчезают ее основные причины – «роль, принадлежавшую прокаженному, возьмут на себя бедняки, бродяги...» [Фуко, 2010. С. 15]. Фиксация и передача обычаев и их смыслов в историческом континууме осуществляется средствами языка, через создание высказываний и их элементов, семантически связанных с существующими представлениями [Фуко, 2004. С. 207–252, 327–328]. В результате в общественном сознании формируется общее дискурсивное пространство социального исключения, в которое помещаются «неудобные другие», независимо от того, какими именно неодобряемыми качествами они обладают – дефектами внешности, социального статуса, поведенческих или характерологических качеств.

В стигматизации больных инфекциями ключевая роль принадлежит культурным табу и мифам в отношении болезни; маркерам, вызывающим желание физического и социального дистанцирования; признакам социальной дезадаптации и заниженной самооценки (бедность, бездомность, нежелание участвовать в жизни общества и связанная с этим «бесполезность») [Nsagha, 2011].

В то же время остается неясным, по каким перцептивно воспринимаемым признакам в европейских обществах донаучного периода (до конца XIX в.) происходили распознавание и маркировка потенциально опасных членов общества? Почему опасность заражения связывалась в общественном сознании с представителями низкого социального статуса? И можно ли предполагать, что эти представления легли в основу стереотипных представлений об инфекционных болезнях и их носителях, актуальных для современного общества?

Исторические контексты медицинской и статусной стигматизации больных и бедных

Медицинские представления в античных обществах. В обществах охотников и собирателей нарушения здоровья связывали с действиями духов, живущих в объектах физического мира. Практики лечения сводились к их задабриванию или изгнанию, переносу в другой объект (замена жертвы). Такими объектами могли становиться неодушевленные предметы, которые либо зарывали в землю (захоронение), либо, наоборот, оставляли в таких местах, где случайный прохожий мог стать новым хозяином болезнетворного духа [Дуглас, 2000. С. 202; Тейлор, 1939. С. 353–366]. Страх болезни и смерти способствовал формированию представлений об опасности прикосновения к оскверненным предметам, посещения «дурных» мест (болот, низин), вдыхания воздуха, употребления «зараженных» воды или продуктов [Тейлор, 1932. С. 324].

Наряду с применением ритуальных практик борьбы со «скверной» происходила аккумуляция эмпирических медицинских знаний. Признаки болезней фиксировались на основании наблюдения за внешним видом и поведением человека, его дыханием, имевшим сакральное значение, и запахами тела.

Первые попытки именования и классификации болезней появились в Месопотамии и Древнем Египте, где обнаруживаются письменно зафиксированные клинические рекомендации по сбору анамнеза и осмотру пациентов с различными патологиями, использованию визуальных и обонятельных подсказок, применению специальных методов диагностики [Опарин, 2016; 2017].

Рождение материалистического направления в медицине связано с именем Гиппократ⁵, предложившего модель здоровья и болезни, свободную от религиозно-мифологических представлений. Впервые было заявлено, что причины болезней лежат в материальном мире и их следует искать в особенностях самого тела больного (конституции, «жара» тела, соотношении жидкостей и др.), образа жизни и пагубных внешних воздействиях. В зависимости от типа внешнего воздействия болезни были объединены в три класса: миазматические, распространяющиеся по воздуху (в качестве миазмов рассматривали любые скверные запахи, исходящие от болот, кладбищ, животных, грязных мест); болезни, передаваемые через прикосновение (контагиозные) больного человека, и болезни, возникающие под воздействием факторов физической среды (воды, почвы, климата).

Последователи Гиппократ продолжали традицию материалистического объяснения причин болезней, поисков доказательств предложенных теорий. По мере накопления эмпирических знаний изменялись представления о здоровье. Его основными маркерами, помимо признаков нормальной телесности, стали гигиена одеяния и жилища. Практики очищения наряду с ритуальным смыслом обрели медицинское значение и превратились в медицинскую процедуру, отношение к которой кардинально менялось на протяжении истории от признания необходимости до подозрения в опасности.

К началу новой эры сформировались две ветви медицины – ритуально-магическая и материалистическая. Первая способствовала становлению гигиенических правил и процедур, основанных на религиозно-мифологической интерпретации оскверняющего, «грязного» и опасного для людей, существующего в мире трансцендентного. Вторая – на рациональных представлениях, в которых опасность для здоровья ассоциировалась с врожденными биологическими и психологическими характеристиками, факторами материальной внешней среды, образа жизни и поведения человека, способствующими сохранению физического и духовного благополучия. Конечной точкой приложения ритуального и материального понимания болезни и здоровья становится человеческое тело, которое превращается в «геральдический символ» цивилизованности [Сеннет, 2016. С. 100].

⁵ Род Гиппократ на протяжении 18 поколений занимался медициной. Он был ярким представителем и преемником традиции внутрисемейной передачи знания (семейной врачебной школы), распространенной в древних обществах.

Зарождение множественной стигматизации в античных обществах

Символическое значение визуально фиксируемых признаков здоровья и цивилизованности распространялось не только на представления о нормативной телесности, но и о статусной принадлежности.

Рост могущества полисной аристократии стал решающим фактором формирования эгалитарных систем, распространившихся к концу архаического периода в большинстве полисов [Медовичев, 2012]. К XII в. до н. э. в социальной структуре древнегреческого общества сформировалось два базовых класса: класс собственников и значительно более широкий класс зависимых рабов. В греческом языке их соответственно обозначали как «αγαθός» («агатос») (благородные, доблестные, хорошие, полезные) и «κακός» («какос») (плохие, злые, уродливые) [Медовичев, 2012]⁶.

Смысл последнего термина отражал эмоциональное восприятие рабов. Часто они имели увечья, полученные при допросах: вызванные в суд невольники подвергались пыткам. Беглые и пойманные рабы (как и воры) могли иметь на теле «стигму» – клеймо, выжженное каленым железом. При отсутствии явных признаков вроде стигмы, ошейника, цепей или бритой головы рабы, как и свободные бедняки, выделялись из массы горожан своей одеждой. Как правило, это была простая, домотканая, пошитая из темных грубых тканей туника, нередко грязная, изношенная. В Риме из-за существовавших норм обеспечения невольников одеждой большую часть времени рабы были вынуждены ходить раздетыми [Сергеев, 2000. С. 91–105].

Правовая несостоятельность зависимого населения закреплялась существовавшими нормами включения в гражданскую структуру общества. В Древней Греции в результате реализации первых экономических реформ Солона (VII–VI вв. до н. э.) богатство стало главной инструментальной ценностью, обеспечивающей гражданские права и привилегии свободного жителя. Даже самые бедные граждане, попадавшие в низшую доходную группу, имели равный доступ к общественным институтам и хотя бы одного невольника.

В сложившихся условиях греческой демократии бедность начинает восприниматься не столько как состояние абсолютной депривации, сколько как явление относительное, измеряемое в категориях «труд – праздность». К V в. до н. э. в древних европейских обществах формируется пренебрежительное отношение к людям ручного труда, ремесленничеству. Образ жизни ремесленников, и рабов, и свободных рабочих, считался вредным для здоровья тела и духа, уничтожавшим способность мыслить и свободно развиваться [Гиро, 1915. С. 206–210]. Труд, физическая борьба за существование, уничтожающие красоту тела и духовность, казались грекам, как всем другим представителям западных элит вплоть до Нового времени, чем-то унижительным [Сеннет, 2016. С. 37].

Бедными начинают считать тех, чье имущественное положение не избавляло от необходимости трудиться. При таком понимании бедности «бедняки» в Афинах, согласно имеющимся подсчетам, должны были составлять около 95 % граждан [Медовичев, 2020].

⁶ В указанном источнике приводится только перевод «agathos» и «kakos» как «хорошие» и «плохие», хотя эти слова имеют более широкое значение.

Экономическое структурирование социального пространства привело к обострению отношений между социальными слоями и постоянным конфликтам между зажиточными и бедными, рабовладельцами и рабами, свободными бедняками и зависимыми. В условиях социальной напряженности численное превосходство низших социальных слоев населения представляло вполне определенную опасность для правящих элит и состоятельной части общества.

Опасливое и вместе с тем пренебрежительное отношение к представителям низкостатусных групп усугублялось поведенческими особенностями последних. Находясь в состоянии правовой, экономической, социальной депривации, бедняки и невольники становились основными правонарушителями. Их склонность к воровству, обману, хитрости, мстительности отмечалась современниками в качестве устойчивых негативных характеристик социальной группы. В своих трудах (например, «Государство. Книга 4») Платон описывает бедность как тотальное зло, источник низостей и злодеяний, а ее носителей – демос (низший класс ремесленников, крестьян) – как наименее полезных обществу людей, невежественных, необразованных и порочных.

Обострение социальной напряженности между представителями разных имущественных групп происходило на фоне эпидемий, когда выжившие бедняки завладевали достоянием внезапно умерших богачей, когда повсеместная угроза смерти разрушала границы законов и проявлялись худшие качества человеческой натуры [Фукидид, 1999. С. 106]. Моровые болезни, игравшие не последнюю роль в цивилизационном развитии, приводили не только к масштабным демографическим последствиям, но и к разрушению привычного социального порядка. При этом роль источника всех бед доставалась опасным и презируемым людям – ремесленникам, крестьянам, рабам.

Бедняки, не соответствовавшие медицинским нормам здоровой телесности, не имевшие возможности поддерживать свое здоровье и вести поощряемый образ жизни, становились чуждыми европейской культуре. Их внешний вид, запахи, поведенческие особенности вызывали страх и социальное отторжение, что вкупе с объективно более частой заболеваемостью порождало миф об опасности грязных, больных, оставленных богом изгоев.

На протяжении первых тысячелетий существования человечества в первобытных, а затем и античных рабовладельческих обществах сформировались представления о системном – медицинском и статусном – неблагополучии отдельных групп населения. Разделение труда способствовало формированию представления о «нечистоте» низкостатусных групп, способствуя дискурсивному сближению феноменов болезни и бедности.

Маркеры медицинской и статусной стигматизации больных / бедных в средневековых обществах

Наиболее яркие примеры множественной стигматизации обнаруживаются в средневековых обществах. В условиях массовых миграций и возникновения централизованных государств маркерами «инаковости» могли становиться любые повседневные особенности внешнего облика, образа жизни, речи или пове-

дения, позволяющие идентифицировать представителей других экономических, этнических, культурных, религиозных и прочих групп [Барлетт, 2007. С. 217–243; Полякова, 2018].

В соответствии с существовавшими медицинскими представлениями о разности в этот период на фоне распространения проказы возникает и закрепляется обычай изоляции больных инфекционными заболеваниями. Еще с IX в. правила предписывали изолировать людей, заподозренных в этой болезни, сжигать их жилища, одежду и все движимое имущество, к которому они прикасались. По всей Европе были построены тысячи лепрозориев [Фоссье, 2010. С. 30]. Вызывая отвращение и ужас, проказа лишала человека всех социальных связей, статуса, делала его «нечистым», чужим. Больные проказой, одетые в лохмотья, при появлении в публичных местах были обязаны носить трещотку, предупреждавшую об их приближении.

Прокаженные становятся символом пространства исключения, куда помещали всех опасных неудобных – нищих, бродяг, умалишенных, нарушителей порядка, к которым применялись практики изоляции и дисциплинарного воздействия [Фуко, 1999. С. 291–292].

Помимо проказы на протяжении всего средневековья наибольший страх вызывали эпидемии чумы XIV–XVII вв. Медицинской стигматизации априори подвергались наиболее подозрительные лица, представители «нетипично» часто или редко болеющих групп.

Чаще других чумой болели наиболее слабые, материально депривированные члены общества. Отчасти это объяснялось нищетой и связанной с ней традицией передачи одежды и бытовых вещей из домов умерших родственников, что впоследствии привело к появлению мнения, что чума является болезнью бедняков [Супотницкий, Супотницкая, 2006]. Страх вынуждал людей избегать больных и их вещей, «мелкий люд», не имея ни ухода, ни помощи, умирал, запертый в домах, – такую картину распада социальных связей в период распространения чумы в XIV в. описывает Д. Бокаччо (Декамерон).

Реже других во времена эпидемии «черной смерти» жертвами болезни становились евреи, стигматизируемые, прежде всего, по этническому и религиозному признакам. Их статусное положение и нетипичная заболеваемость позволяли христианам утверждать, что иудеи насылают чуму на истинно верующих. В XVI в. евреев «заметили» в частой заболеваемости проказой, и их тела стали считатьместищем множества заразных болезней, что объяснялось нечистоплотностью быта и непристойностью поведения. Для внешнего отличия этих «опасных» людей обязывали (как и проституток) носить желтую одежду или нашивки [Сеннет, 2016. С. 272–292].

В XVIII в. в крупные города Европы и Руси приходят кишечные заболевания – холера, дизентерия и брюшной тиф. С развитием гигиенических знаний в этот период восприятие опасности бедняков в Европе оказалось связано с конфликтом представлений о телесной чистоте. Если представители среднего класса практиковали использование новинки – туалетной бумаги, то деревенские жители, применявшие испражнения в качестве удобрений, считали, что корка из мочи и фекалий защищает и питает кожу [Сеннет, 2016. С. 319–321]. На фоне распро-

странения кишечных инфекций и роста числа смертей от «грязных» болезней в городах появился страх нечистот, вдыхания зловонных миазмов. Запахи становятся одним из способов статусной, территориальной и этнической идентификации (запахи тел, ремесел, предпочитаемой еды). Для врачей со времен Гиппократы запахи были ценным средством, позволяющим «вынюхивать» диагноз. Но если врачи обладали профессиональной «небрезгливостью», то представителями высокостатусных групп, убежденными в том, что «здоровое не пахнет», зловоние, исходившее от больных, солдат и матросов, бедняков, проституток, воспринималось как опасное для здоровья [Корбен, 2010. С. 326–476]. Бедные кварталы, наполненные «дурно пахнущими простолюдинами», за которыми на протяжении предшествующих веков прочно закрепилась стигма болезнетворного начала, считались источником опасности для чистого буржуа.

С середины XIX в. начинается активный рост городских агломераций. Индустриализация, урбанизация и массовые миграции крестьян в промышленные города и в России, и в странах Европы привели к расширению прослойки социальных низов и распространению в рабочих кварталах туберкулеза. В соответствии с уже устоявшимися невербальными знаками опасности для здоровья низкого статуса и болезней в пространство исключения помещают «чахоточных» больных. Туберкулез называли «белой чумой» и считали болезнью грязи, в общественном сознании чахотка была «символом» пролетариата, его убогого быта, бедности и тяжелого труда [Сонтаг, 2016; Мозер, 2021].

Развитие клинической медицины, увеличение числа общественных больниц и анатомических театров привели к становлению нового типа власти – медицинской, основными инструментами которой становились поименование болезни и определение схемы ее лечения. Доказательства влияния социального статуса на здоровье, предоставленные социальными эпидемиологами к концу XIX – началу XX в., только закрепили сформированные ранее паттерны восприятия телесности низкостатусных групп.

Стигмы болезни и бедности в современном дискурсе

Сложившиеся практики клеймения и сегрегации больных и / или бедных людей транслировались через столетия и формировали исторический архив маркеров множественной стигматизации, в которой ведущими признаками и социального, и телесного неблагополучия стали визуально и обонятельно фиксируемые гигиенические маркеры (состояние тела и одежды, запахи), поведенческие особенности бедных людей.

Для выявления актуальных стигматизирующих маркеров, включенных в современный дискурс, был проведен анализ кейса, описанного в петербургском электронном издании «Фонтанка». Ситуация была представлена как конфликт между посетителями и администрацией одного из городских кафе по поводу неопрятного, плохо пахнущего мужчины (управляющий кафе назвал его бомжом), которому было отказано в обслуживании. Часть присутствовавших сочла отказ проявлением дискриминации, нарушающей права человека, другая часть поддержала представителей администрации, аргументируя свою позицию тем,

что не желают находиться в одном пространстве с дурно пахнущим и, вероятно, эпидемиологически опасным человеком. Как следует из интервью директора кафе, нежелательными посетителями являются «посетители неопрятного вида»; «опустившиеся, дурно пахнущие, эпидемиологически опасные люди»; «бомжи»; «...маркером помимо запаха и неопрятного вида может быть одежда с чужого плеча...».

Для выявления маркеров, на основании которых аудиторией издания производилась стигматизация, в программе AntConc был проведен анализ комментариев ($n = 133$), оставленных читателями (число уникальных авторов – 59). Из прямой речи комментаторов был составлен текстовый корпус, декомпозиция которого позволила создать перечень всех обнаруженных в тексте слов ($n = 4931$) и повторяющихся словоформ ($n = 2284$) с указанием частоты их нахождения в тексте (без автоматического отсека нижних значений). Анализ полученной базы лингвистических элементов позволил выделить ключевые, наиболее часто употребляемые термины, семантика которых связана с маркерами опасности.

Медицинские / гигиенические маркеры:

- визуально-фиксируемые (окулесические): мыться, свежепомытое, чиститься, чистота (15), грязь (12), немытый, пачкающий (7);
- обонятельно-фиксируемые (ольфакторные): запах, «аромат», вонь, зловоние, миазмы, дурно пахнущий, смердит (50), моча, недержание, туалет (15).
- эпидемиологические: болезнь / здоровье, опасность здоровью (8), туберкулез, инфекции (6), гигиена, антисанитария (5).

Статусные маркеры:

- 1) имущественные – одежда (22), бедность, нищета, попрошайничать (8), вещи, баулы (5).
 - 2) возрастные / гендерные: дед, дедушка (16), пожилой, старый (12), бабули (4).
- Эмоциональные оценки: отвратительно, противно, брезговать (6).

Стигма формулируется в терминах: «бомж», «опустившиеся», «отбросы», «нищелюб» (38).

Частота упоминания терминов и содержательный анализ высказываний свидетельствует о том, что наиболее значимыми стигматизирующими маркерами являются признаки нечистоты и бедности субъекта; остальные характеристики «довершают портрет», конструируя множественную стигму неприятного, бедного, вероятно, больного и опасного человека.

«Противна как раз грязь, возможные инфекции и неадекватное поведение (все-таки среди бомжей это почаще встречается, чем в среднем)...»

В числе актуальных компонентов стигмы – демографические, значение которых нарастает с увеличением продолжительности жизни, экономического и социального неблагополучия старших возрастных групп. Однако отношение к проблемам пожилых скорее брезгливо-жалостливое, чем опасливое:

«От стариков часто «немытостью» пахнет, потому что нездоровое старое тело даже свежепомытое все равно распространяет определенные миазмы. Да и помыться как следует бывает очень трудно, если помочь некому. Одежду носят, какая от лучших времен осталась, почистить и заштопать тоже некому. Как вам такая жизнь?»

Основным лейтмотивом дискурса стала тема ограничения доступности кафе для «не тех» людей. Обостренное, враждебное восприятие нечистоты посетителя кафе связано не только с физическим пересечением социальных барьеров, но и с нарушением границ семиотического пространства кафе, вступающего в конфликт с символами нечистоты / болезни / бедности. Неодобряемое пребывание неугодных людей в непредназначенном физическом и семиотическом пространствах приводят к идее их сегрегации. Посетители-сторонники сегрегации «опустившихся», в отдельные рекреационные пространства, отказывая стигматизируемому в признании его членом человеческого сообщества, прибегали преимущественно к медицинской риторике, в которой главное место отведено стереотипным представлениям о грязи/болезни/бедности:

«...Ну так и повела бы своего кавалера к себе домой завтраком кормить, а не тащила бы это в порядочное место, посетителей туберкулезом и прочими прелестями заражать...»

Заключение

Закрепленные в культуре и воспроизводимые исторически дискурсивные практики стигматизации тех, кого следует считать опасным, способствовали появлению устойчивых стереотипов восприятия социальной диспозиции болезнь / бедность, актуальных и сегодня.

Отношение к больным / бедным людям в современной культуре, как и многими столетиями ранее, связано с аксиоматизмом ценностей здоровья, экономического благополучия, свободы жизненного выбора. Стабильность ценностной структуры в экономически стратифицированных обществах, консервативность социального порядка способствуют сохранению демаркационных линий, отделяющих пространства исключения, отведенные для людей с «испорченной» телесной и статусной идентичностью. Вместе с тем изменения демографической структуры обществ, увеличение доли пожилых расширяют численность низко-статусных слоев и способствуют конструированию новых социальных барьеров.

Список литературы

- Бартлетт Р.** Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350. М.: Росспен, 2007. 430 с.
- Беляева В. В. и др.** Сравнительный анализ особенностей стигматизирующей установки при различных социально значимых заболеваниях // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2016. № 4. С. 27–32.
- Гиро П.** Частная и общественная жизнь греков. Петроград: Изд-е т-ва О. Н. Поповой, 1915. 505 с.
- Дуглас М.** Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. Вступ. статья и коммент. С. Банковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 288 с.
- Дудина В. И., Артамонова К. Н.** Стигматизация людей, живущих с ВИЧ/СПИД, и проблема раскрытия статуса: анализ высказываний пользователей он-

- лайн-форума // Вестник Санкт-Петерб. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 66–77.
- Корбен А.** Миазмы и Нарцисс // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1. Сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое лит. обозр., 2010. С. 326–476.
- Медовичев А. Е.** От дворцовой цивилизации бронзового века к миру полисов: ключевые проблемы греческих «темных веков» в современной зарубежной историографии (Аналитический обзор) // Периодизация истории и «переходные периоды» в современной зарубежной историографии. 2012. С. 46–79.
- Медовичев А. Е.** Демократия, (не)равенство и проблема бедности в Афинах: концепции античных мыслителей и подходы современных исследователей // Соц. и гуманит. науки. Отеч. и заруб. лит. Сер. 5. История: Информ.-аналит. журн. 2020. № 4. С. 39–49.
- Мозер У.** Чахотка: другая история немецкого общества. М.: Новое лит. обозр., 2021. 228 с.
- Опарин А. А.** Медицина Древнего Вавилона // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. 2016. № 2. С. 75–88.
- Опарин А. А.** Медицина Древнего Египта // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. 2017. № 2. С. 42–53.
- Полякова Н. Л.** Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 7–25.
- Решетников А. В. и др.** Восприятие проблемы ВИЧ-инфекции / СПИДа россиянами // Иммунология. 2018. № 2–3. С. 92–99.
- Сеннет Р.** Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016. 504 с.
- Сергеенко М. Е.** Жизнь в древнем Риме. СПб.: Летний сад; Журн. «Нева», 2000. 366 с.
- Сонтаг С.** Болезнь как метафора. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 176 с.
- Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С.** Очерки истории чумы: В 2 кн. М.: Вузов. кн., 2006. Кн. 1. Чума добактериологического периода. 468 с.
- Тейлор Э.** Первобытная культура. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 602 с.
- Фоссье Р.** Люди средневековья. СПб.: Евразия, 2010 (фр. – 2007). 352 с.
- Фукидид.** История / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева; под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Наука: Ювента, 1999. 592 с.
- Фуко М.** Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманит. академия»; Университ. кн., 2004. 416 с.
- Фуко М.** История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ: АСТ-Москва, 2010. 298 с.
- Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Фуко М.** Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
- Щекотихина И. Н.** Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 69–80.
- Carmichael A. G.** Plague and the Poor in Renaissance Florence. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 180 p.

- Henderson C. D., Kawakami A.** Hepatitis C and the social hierarchy: How stigma is built in rural communities. *Qualitative Report*, 2018, 23 (12), pp. 2538–2551
- Karver T. S. et al.** HIV-related intersectional stigma and discrimination measurement: state of the science. *American journal of public health*, 2022, vol. 112(4), pp. 420 – 432.
- Lemert E.** Human deviance, social problems and social control. Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall, 1967, 230c.
- Link B. G., Phelan J. C.** Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 2001, vol.27, pp. 363 – 385.
- Nsagha D. S. et al.** Social stigma as an epidemiological determinant for leprosy elimination in Cameroon. *Journal of Public Health in Africa*, 2011, vol. 2 (1), pp. 38–44
- Spyrou M. A. et al.** Ancient pathogen genomics as an emerging tool for infectious disease research. *Nature Review Genetic*, 2019, vol. 20, pp. 323–340
- Phelan J. C. et al.** Stigma, status, and population health. *Social Science & Medicine*, 2014, vol.103, pp.15–23
- Phelan J. C., et al.** Stigma and prejudice: one animal or two? *Social Science & Medicine*, 2008, vol. 67(3), pp. 358–367.

References

- Bartlett R.** Stanovlenie Evropy. Ekspansiya, kolonizaciya, izmeneniya v sfere kul'tury. 950–1350. [The making of Europe: conquest, colonization and cultural change, 950-1350]. M.: «Rosspen», 2007, 430 p. (In Russ.)
- Belyaeva V. V. i dr.** Sravnitel'nyj analiz osobennostej stigmatiziruyushchej ustanovki pri razlichnyh social'no znachimyh zabolevaniyah [Comparative analysis of the features of stigmatizing attitudes in various socially significant diseases]. *Epidemiologiya i infekcionnye bolezni [Epidemiology and infectious diseases]*, 2016, no. 4, pp. 27 – 32 (In Russ.)
- Giro P.** CHastnaya i obshchestvennaya zhizn' grekov. [Private and public life of the Greeks]. Petrograd. Izdanie t-va O. N. Popovoj, 1915, 505 p. (In Russ.)
- Duglas M.** CHistota i opasnost'. Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu. [Purity and Danger. An analysis of the concept of pollution and taboo]/ Per. s angl. R. Gromovoj pod red. S. Ban'kovskoj. Vstup. stat'ya i komment. S. Bankovskoj. M.: Kanonpress-C, 2000, 288 p. (In Russ.)
- Dudina V. I., Artamonova K. N.** Stigmatizaciya lyudej, zhivushchih s vich/spid, i problema raskrytiya statusa: analiz vyskazyvanij pol'zovatelej onlajn-foruma. [Stigmatization of people living with HIV/AIDS and the problem of disclosure: Analysis of the online forum discussions] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]*, 2018, no. 1, pp. 66 – 77. (In Russ.)
- Korben A.** Miazmy i Narciss. [Miasma and Narcissus] /Aromaty i zapahi v kul'ture. [Aromas and smells in culture]. Kn.1. Sost. O.B. Vajnshtejn. M.: Novoe lit. Obozrenie, 2010. pp. 326 – 476. (In Russ.)
- Medovichev A. E.** Ot dvorcovoj civilizacii bronzovogo veka k miru polisov: klyuchevye problemy grecheskih «temnyh vekov» v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii (Analiticheskij obzor). [From the Bronze Age Palace Civilization to the World of Polis: Key Problems of the Greek “Dark Ages” in Modern Foreign Historiography]

- (Analytical Review)/Periodizaciya istorii i «perekhodnye periody» v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii [Periodization of History and “transitional periods” in Modern Foreign Historiography]. 2012, pp. 46 – 79 (In Russ.)
- Medovichev A. E.** Demokratiya, (ne)ravenstvo i problema bednosti v Afinah: koncepcii antichnyh myslitelej i podhody sovremennyh issledovatelej. [Democracy, (non) Equality and the Problem of Poverty in Athens: Concepts of Ancient Thinkers and Approaches of Modern Researchers] *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature Ser. 5, Istoriya: Informacionno-analiticheskij zhurnal. [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 5, History: Information and analytical journal]*, 2020, no. 4, pp. 39 – 49 (In Russ.)
- Mozer U.** CHahotka: drugaya istoriya nemeckogo obshchestva. [Phthisis: another history of german society]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, 228 p. (In Russ.)
- Oparin A. A.** Medicina Drevnego Vavilona. [Medicine of Ancient Babylon]. *Skhidnoevropejs'kij zhurnal vnutrishnoj ta simejnoi medicine [Eastern European Journal of internal and family medicine]*, 2016, no. 2, pp. 75 – 88. (In Russ.)
- Oparin A. A.** Medicina Drevnego Egipta. [Ancient Egyptian Medicine]. *Skhidnoevropejs'kij zhurnal vnutrishnoj ta simejnoi medicine [Eastern European Journal of internal and family medicine]*, 2017, no. 2, pp. 42 – 53. (In Russ.)
- Polyakova N. L.** Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikah povsednevnosti: istoricheskaya perspektiva. [The formation of social inequality in everyday practices: a historical perspective]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science.]*, 2018, no. 4, pp. 7 – 25 (In Russ.)
- Reshetnikov A. V.** i dr. Vospriyatie problemy VICH-infekcii/SPIDa rossiyanami. [Perception of the problem of HIV infection/AIDS by Russians]. *Immunologiya [Immunology]*, 2018, no. 2 – 3, pp. 92 – 99 (In Russ.)
- Sennet R.** Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoj civilizacii. [Flesh and stone. The Body and the City in Western Civilization]. M., 2016, 504 p. (In Russ.)
- Sergeenko M. E.** ZHizn' v drevnem Rime. [Life in ancient Rome]. SPb: Letnij sad; ZHurn. “Neva”, 2000, 366 s. (In Russ.)
- Sontag S.** Bolezn' kak metafora. M.: «Ad Marginem Press», 2016, 176 p. (In Russ.)
- Supotnickij M. V., Supotnickaya N. S.** Ocherki istorii chumy. [Essays on the history of the plague]. V 2 kn. Kn.1. CHuma dobakteriologicheskogo perioda. [Plague of the pre-bacterial period]. M.: Vuzovskaya kniga, 2006, 468 p. (In Russ.)
- Tejlor E.** Pervobytnaya kul'tura. [Primitive culture]. M.: «Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo», 1939, 602 p. (In Russ.)
- Foss'e R.** Lyudi srednevekov'ya. [People of the Middle Ages]. SPb.: Evraziya, 2010 (fr. - 2007), 352 p. (In Russ.)
- Fukidid.** Istoriya. [History]/Per. s grech. F. G. Mishchenko i S. A. ZHebeleva. Pod red. E. D. Frolova. Sankt-Peterburg: «Nauka», «YUventa», 1999, 592 p. (In Russ.)
- Fuko M.** Arheologiya znaniya. [Archaeology of Knowledge]/Per. s fr. M. B. Rakovoj, A. YU. Serebryannikovoj; vstup. st. A. S. Kolesnikova. SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004, 416 p. (In Russ.)
- Fuko M.** Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu. [The History of madness in the Classical Era]/Per. s fr. I. K. Staf. M.: «AST»: «AST-Moskva», 2010, 298 p. (In Russ.)

- Fuko M.** Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. [To supervise and punish. The Birth of the prison]./Per. s fr. V. Naumova pod red. I. Borisovoj. M.: Ad Marginem, 1999, 480 p. (In Russ.)
- Fuko M.** Psihiatricheskaya vlast': Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973 – 1974 uchebnom godu. [Psychiatric Power: A course of lectures delivered at the Collège de France in the academic year 1973 – 1974] / M. Fuko; Per. s fr. A. V. SHeStakova. SPb.: Nauka, 2007, 450 p. (In Russ.)
- SHCHekotihina I. N.** Stereotip: aspekty i perspektivy issledovaniya. [Stereotype: aspects and prospects of research] *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin]*, 2008, no. 5 (19), pp. 69 – 80 (In Russ.)
- Carmichael A. G.** Plague and the Poor in Renaissance Florence. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 180 p.
- Henderson C. D., Kawakami A.** Hepatitis C and the social hierarchy: How stigma is built in rural communities. *Qualitative Report*, 2018, 23 (12), pp. 2538–2551
- Karver T. S. et al.** HIV-related intersectional stigma and discrimination measurement: state of the science. *American journal of public health*, 2022, vol. 112(4), pp. 420 – 432.
- Lemert E.** Human deviance, social problems and social control. Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall, 1967, 230c.
- Link B. G., Phelan J. C.** Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 2001, vol.27, pp. 363 – 385.
- Nsagha D. S. et al.** Social stigma as an epidemiological determinant for leprosy elimination in Cameroon. *Journal of Public Health in Africa*, 2011, vol. 2 (1), pp. 38–44
- Spyrou M. A. et al.** Ancient pathogen genomics as an emerging tool for infectious disease research. *Nature Review Genetic*, 2019, vol. 20, pp. 323–340
- Phelan J. C. et al.** Stigma, status, and population health. *Social Science & Medicine*, 2014, vol.103, pp.15–23
- Phelan J. C. et al.** Stigma and prejudice: one animal or two? *Social Science & Medicine*, 2008, vol. 67(3), pp. 358–367.

Информация об авторе

Бояркина Сания Исааковна, кандидат социологических наук

Доцент, старший научный сотрудник, сектор социологии здоровья, Социологический институт РАН – филиал Федерального Научно-исследовательского Социологического Центра Российской Академии Наук

Information about the Author

Saniya I. Boyarkina – Candidate of Sciences (Sociology), Leading researcher, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редколлегию 05.07.2022;
одобрена после рецензирования 11.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 05.07.2022;
approved after reviewing 11.09.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья

УДК 316.334.3, 323

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-73-88

Формы осуществления местного самоуправления и динамика их развития на разных этапах муниципальной реформы

Мария Рудольфовна Зазулина

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

zamashka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Аннотация

Проанализированы формы участия населения в осуществлении местного самоуправления на различных этапах муниципальной реформы. Исследовано закрепление различных форм участия в федеральных законах о местном самоуправлении, а также осуществлен анализ данных ежегодного Мониторинга развития системы местного самоуправления, который дает возможность оценить реальную распространенность различных форм участия населения. Показано, что новый Проект закона о местном самоуправлении закрепляет общий тренд на сокращение муниципальной сферы и упрощение институциональной организации местного самоуправления. Это, в свою очередь, ведёт к сокращению общего количества форм участия населения в самоуправлении, уменьшению их востребованности и сужению пространства делиберативной демократии в целом. При этом происходит сокращение как властных, так и консультативных форм участия.

Ключевые слова

местное самоуправление, муниципальное образование, форма осуществления местного самоуправления, политическое участие, институт, институциональная организация, реформа

Для цитирования

Зазулина М. Р. Формы осуществления местного самоуправления и динамика их развития на разных этапах муниципальной реформы // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 73–88. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-73-88

© Зазулина М. Р., 2022

Forms of implementation of local self-government and dynamics of their development at different stages of municipal reform

Mariia R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

zamashka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Abstract

The article analyzes the forms of public participation in the implementation of local self-government at various stages of municipal reform. It studies the consolidation of various forms of participation in federal laws on local self-government. The analysis of data from the annual Monitoring of the development of the local government system has been carried out, which makes it possible to assess the real prevalence of various forms of public participation. It is shown that the new Draft Law on local self-government reinforces the general trend towards reducing the municipal sphere and simplifying the institutional organization of local self-government. This, in turn, leads to a reduction in the total number of forms of public participation in self-government, a reduction in their demand and a reduction in the space of deliberative democracy as a whole. At the same time, there is a reduction in both power and advisory forms of participation.

Keywords

local self-government, municipality, forms of implementation of local self-government, institution, institutional organization, reform

For citation

Zazulina M. R. Forms of implementation of local self-government and dynamics of their development at different stages of municipal reform. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3. P. 73–88. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-73-88

В декабре 2021 г. на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ (далее Законопроект-2021). Законопроект последовательно развивает положения о единой системе публичной власти и местном самоуправлении как элементе этой системы, внесенные в Конституцию в 2020 г. Он предполагает кардинальные изменения в системе местного самоуправления: отказ от двухуровневой системы самоуправления в пользу одноуровневой (будет упразднен поселенческий уровень), сокращение видового разнообразия муниципальных образований (далее МО) – останутся лишь три вида, сокращение депутатского корпуса, пересмотр полномочий по решению вопросов местного значения, закрепленных за органами местного самоуправления, и пр. Несмотря на то что в данный момент Проект находится на стадии доработки, не вызывает сомнений, что он будет принят, причем основные пункты новизны останутся без существенных изменений.

Все это дает возможность говорить о начале нового этапа в развитии отечественного самоуправления и в совокупности с анализом предыдущих этапов

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.10.2022)

(инициированных соответственно принятием Федерального закона от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее 154-ФЗ) и Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ (далее 131-ФЗ)), проанализировать общую траекторию развития этого института и отдельных элементов, определяющих институциональный дизайн внутри него.

На каждом этапе важной частью институциональной организации местного самоуправления оказывались различные формы его осуществления, воспроизводящие элементы прямой демократии и институционально закрепляющие возможные формы политического участия на местном уровне. В каждом из упомянутых федеральных законов, так же, как и в новом законопроекте, формам осуществления местного самоуправления была посвящена отдельная глава. В то же время перечень конкретных институтов и их трактовка от закона к закону претерпевали определенные изменения. Кроме этого, менялась их реальная востребованность со стороны населения и власти, а, соответственно, менялась их распространенность.

Целью данной статьи является анализ динамики форм осуществления местного самоуправления на разных этапах муниципальной реформы. Исследовательское внимание при этом будет сконцентрировано на том, как влияет на участие населения в самоуправленческих процессах постепенная «вертикализация» этого института и его встраивание в единую систему публичной власти.

Основными задачами исследования являются: 1) анализ форм осуществления местного самоуправления, закрепленных в соответствующих федеральных законах; 2) анализ реальной распространенности различных институтов участия населения в местном самоуправлении. Если первое возможно на основе анализа текста федеральных законов о местном самоуправлении, то второе – на основе анализа данных ежегодного мониторинга развития системы местного самоуправления, организованного в соответствии с планом реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2019 г. № 445. Данный мониторинг осуществляется Министерством юстиции и позволяет проанализировать данные о различных аспектах системы местного самоуправления в период с 2014 по 2021 гг.

Формы политического участия являются предметом анализа юридических, политологических и социологических исследований, а также исследований, реализуемых на стыке этих дисциплин. В юридической литературе формы политического участия выступают как явления объективной политико-правовой действительности [Толстик, Трусов, 2013]. В современных политологических

² Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. № 170. 01.09.1995.

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. № 202. 08.10.2003.

и социологических исследованиях используется неoinституциональный подход, в рамках которого формы политического участия можно представить как отдельные институты (институционализированные практики), то есть как укоренённые формы взаимодействия агентов, основанные на разделяемых ими правилах и включенные в более широкую институциональную организацию местного самоуправления [Великая, 2003; Нечаев, 2006; Помазанский, 2019]. Основная проблематика работ в данной области обычно сводится к рассмотрению форм и методов совершенствования современной модели демократии с помощью соответствующих институциональных механизмов.

Н. М. Великая определила политическое участие как различные формы активности граждан, стремящихся влиять на структуры управления и процесс принятия решений [Великая, 2003]. Будучи максимально широким, такое определение включает в себя как формальные, так и неформальные формы гражданской активности. Если рассматривать формулировки, содержащиеся в законах о местном самоуправлении, то законодатель говорит о различных формах его осуществления, при этом разделяя их на формы прямого (непосредственного) осуществления и формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Такой подход воспроизводит традиционное разделение институтов прямой демократии на две группы в зависимости от характера принимаемых решений [Васильев, 2008; Помазанский, 2013]. Первую группу составляют властные формы, в рамках которых имеет место самостоятельное принятие решений, носящее обязательный для исполнения характер. К ним относятся такие формы прямой демократии как муниципальные выборы, местный референдум, сход граждан, голосование по отзыву депутата, члена выборного органа и выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования. Вторую группу составляют консультативные формы, в рамках которых имеет место лишь участие в решении вопросов местного значения, носящее рекомендательный характер. В эту группу входят такие формы участия как правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, собрания и конференции граждан, опрос граждан, обращения граждан в органы местного самоуправления и пр.

Таким образом, институциональная организация местного самоуправления может быть представлена как мера сочетания институтов непосредственного и опосредованного участия населения в местном самоуправлении. А изменения в институциональной организации местного самоуправления могут рассматриваться с точки зрения сужения/расширения поля прямой демократии, а также перераспределения соотношения долей между группами властных и консультативных институтов.

Институты политического участия на местном уровне и основные тенденции развития местного самоуправления в РФ

Для дальнейшего анализа институтов участия населения в самоуправлении и динамики их развития целесообразно дать общую характеристику развития местного самоуправления в постсоветской России. Можно выделить две основ-

ные тенденции, которые определяют развитие института самоуправления в последние два десятилетия. Во-первых, это тенденция к огосударствлению самоуправления, потеря им институциональной автономии [Нечаев, 2006], сохранение административной и финансовой зависимости [Лексин, 2016], технократизация [Зикеев, 2022]. Во-вторых, это тенденция к его последовательной унификации, что проявляется и в унификации институционального дизайна местного самоуправления в масштабах всей страны и в унификации наряду с другими уровнями управленческой вертикали (в частности с региональным уровнем) [Зазулина, 2022]. Все эти процессы наиболее ярко проявились при создании единой системы публичной власти, в которую органы местного самоуправления планируется включить наряду с органами государственной власти в качестве нижнего (третьего) уровня управления.

Учет этих тенденций при анализе форм политического участия на местном уровне позволяет поставить вопрос о том, насколько постепенное встраивание местного самоуправления в систему власти и потеря им институциональной автономии и изменения в институциональной организации могут сочетаться с формами прямой демократии. Теоретически встраивание местного самоуправления в единую систему публичной власти должно сузить поле прямой демократии, а также количество и распространенность форм политического участия. В то же время переход от двухуровневой системы к одноуровневой и укрупнение муниципальных образований, подразумеваемые готовящейся реформой, позволяет предположить, что востребованы окажутся различные формы самоорганизации, позволяющие решать вопросы жизнеобеспечения на суб-муниципальном уровне. В условиях отмены поселенческого уровня самоуправления значимость этих форм самоорганизации должна возрасти.

При анализе форм политического участия в постсоветской России исследователи выделяют несколько тенденций. Для политического пространства России характерно преобладание двух уровней власти – федерального и регионального. На местном уровне политическое участие и его различные формы находятся в стадии формирования и не имеют сильного значения [Великая, 2003]. При этом новые формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления первоначально возникают на региональном и местном уровнях, то есть представляют собой инициативу снизу. И уже потом они кодифицируются и при необходимости могут подвергаться коррекции на уровне федерального законодательства [Помазанский, 2019].

А. Е. Помазанский отмечает, что в ходе развития отечественного самоуправления сформировалась отчетливая тенденция уменьшения форм участия, связанных с принятием обязательно властных решений, и увеличения консультативных форм участия. «Условно говоря, это – демократия “участия” в местном самоуправлении, которое все больше становится государственным. Но это не демократия “решения”, когда граждане сами определяют способы организации местной жизни и способы ее обеспечения» [Помазанский, 2019. С. 67].

Все исследователи отмечают связь между развитием форм политического участия и особенностями территориальной организации самоуправления. Крупные территориальные образования выгодны прежде всего региональной власти,

в то время как население в условиях крупных муниципалитетов не может наладить взаимодействие и обмен информацией [Великая, 2003; Помазанский, 2019].

Также надо учитывать, что принятые на местном уровне формы политического участия имеют традиционный характер и связаны с культурой политического участия и обладают региональной и локальной спецификой. С такой точки зрения имеющая место унификация территориальной организации и укрупнение муниципальных образований может вести к выхолащиванию традиционных форм политического участия и институтов прямой демократии [Нечаев, 2006].

В целом можно утверждать, что преобладание государственного принципа в общественной жизни определяет малую эффективность практик политического участия на местном уровне. В России вопросы территориальных основ самоуправления, т. е. где оно осуществляется, и организационных форм самоуправления, т. е. как оно осуществляется, традиционно определялся не местным сообществом, а региональной или федеральной властью.

Формы осуществления местного самоуправления в федеральных законах

Охарактеризуем кратко особенности освещения форм участия граждан в местном самоуправлении в трех федеральных законах: 154-ФЗ, 131-ФЗ и Законопроекте-2021.

В 154-ФЗ формам участия посвящена гл. 4 «Формы прямого волеизъявления граждан и другие формы осуществления местного самоуправления». В ней перечислены шесть форм осуществления населением местного самоуправления, причем каждой посвящена отдельная статья. Изменений в эту главу законопроекта за все время его существования не вносилось.

В 131-ФЗ в гл. 5 «Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления» перечень форм оказывается существенно увеличен и в первой редакции включал уже 11 различных форм участия. В ходе действия данного закона были добавлены в качестве отдельных форм участия еще три: Ст. 25.1 Сход граждан, регламентирующий правила схода граждан, не имеющих полномочий представительного органа (введена Федеральным законом от 30.11.2011 № 361-ФЗ⁴); Ст. 27.1. Староста сельского населенного пункта (введена Федеральным законом от 18.04.2018 № 83-ФЗ⁵); Ст. 26.1. Инициативные проекты (введена Федеральным законом от 20.07.2020 № 236-ФЗ⁶). Несмотря на большое количество внесенных поправок, гл. 5 в целом сохранила первоначальную редакцию. По мнению исследователей, отчасти это может объясняться тем, что акцент в регулировании во-

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 N 361-ФЗ // Росс. газ. № 269(5645). 11.30.2011.

⁵ Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. N 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования организации местного самоуправления» // Росс. газ. № 85(7548). 18.04.2018.

⁶ Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. № 162(8216). 20.07.2020.

просов, связанных с участием в местном самоуправлении, был смещен на региональный и местный уровни [Помазанский, 2019].

В Законопроекте-2021 участию населения в осуществлении местного самоуправления также посвящена гл. 5 «Непосредственное осуществление населением местного самоуправления и участие населения в осуществлении местного самоуправления». В отличие от двух предыдущих законов, список форм дан в самом начале и включает две группы институционализированных практик, в совокупности включающих девять различных форм: 1) формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и 2) формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. К формам осуществления относятся: 1) местный референдум; 2) муниципальные выборы; 3) сход граждан; 4) территориальное общественное самоуправление. К формам участия относятся: 1) опрос; 2) публичные слушания, общественные обсуждения; 3) собрание граждан; 4) инициативные проекты; 5) староста сельского населенного пункта. Раскрытие содержания и регламента осуществления указанных форм последовательно осуществляется в статьях 42–50⁷.

Сравнительный анализ форм политического участия, закрепленных в различных федеральных законах о местном самоуправлении (табл. 1), позволяет проследить преемственность форм участия населения в осуществлении местного самоуправления на различных этапах муниципальной реформы.

Таблица 1

Формы осуществления местного самоуправления,
закрепленные в федеральных законах

Table 1

Forms of implementation of local self-government fixed in federal laws

Формы осуществления	Законы		
	154-ФЗ	131-ФЗ	Законопроект-2021
1	2	3	4
Местный референдум	+	+	+
Муниципальные выборы	+	+	+
Голосование по отзыву депутата, голосование по вопросам изменения границ и преобразования МО		+	
Сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа МО	+	+	
Сход граждан	+	+	+

⁷ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.10.2022)

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Правотворческая инициатива граждан	+	+	
Инициативные проекты		+	+
Территориальное общественное самоуправление	+	+	+
Староста сельского населенного пункта		+	+
Публичные слушания, общественные обсуждения		+	+
Собрание		+	+
Конференция граждан (собрание делегатов)		+	
Опрос граждан		+	+
Обращения граждан в органы МСУ	+	+	
Допустимость других форм участия	+	+	+

Составлено на основе анализа 154 ФЗ, 131 ФЗ и Законопроекта-2021.

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать следующие выводы относительно общей динамики закрепления форм политического участия в трех федеральных законах о местном самоуправлении.

1. Во всех трех законопроектах перечень форм участия населения остается открытым, законодатель отмечает, что наряду с предусмотренными формами «граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления в иных формах, не противоречащих Конституции РФ, настоящему Федеральному закону и иным федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации»⁸.

2. Можно выделить блок форм политического участия, который сохраняется на протяжении всех трех законов о местном самоуправлении, формируя, таким образом, неизменный комплекс тех форм, которые можно отнести к традиционным формам политического участия. Это местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан и территориальное общественное самоуправление. Характерно, что все эти институты относятся к формам прямого волеизъявления, то есть непосредственному осуществлению гражданами самоуправления. В Законопроекте-2021 именно эти институты составляют единую группу под названием «формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления». То есть именно формы прямого волеизъявления составляют неизменную традиционную часть форм политического участия, в то время как изменяемую часть институтов политического участия в местном самоуправлении составляют формы опосредованного участия населения в осуществлении местного самоуправления.

3. В 131-ФЗ оказались сохранены все формы политического участия, упомянутые в 154-ФЗ, и кроме этого появились новые формы политического участия. В новом Законопроекте МСУ-2021 не появилось ни одной новой формы, но за-

⁸ См. 154-ФЗ, ст. 27, п. 2; 131-ФЗ, ст. 33; Законопроект-2021, ст. 41, п. 3.

конодатель отказался от некоторых старых форм. Это еще раз позволяет охарактеризовать период действия 131-ФЗ как период экспериментов в муниципальной сфере и период активной трансформации институциональной организации местного самоуправления. Также имеет смысл утверждать, что Законопроект-2021 закрепляет общий тренд на сокращение муниципальной сферы и упрощение институциональной организации местного самоуправления, в том числе в части возможностей участия населения в местном самоуправлении.

Общее сокращение форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, ярко проявившееся в Законопроекте-2021, заставляет пересмотреть правомерность выводов, сделанных А. Е. Помазанским, относительно уменьшения объема властных форм при одновременном увеличении объема консультативных [Помазанский, 2019]. Сравнительные данные показывают, что сокращение происходит в каждой из этих сфер. Имеет место отказ от таких консультативных форм участия как конференции граждан и обращения граждан в органы местного самоуправления; но также имеет место отказ от таких властных форм участия как голосование по отзыву депутата и голосование по вопросам изменения границ муниципального образования и преобразования муниципального образования.

Содержательный анализ глав, посвященных формам участия населения в местном самоуправлении, показывает, что от 154-ФЗ к 131-ФЗ, а также на всем протяжении действия последнего наблюдается постепенное усиление регламентации и формализации институтов политического участия (что проявляется во все более детальном описании процедур их формирования и функционирования). Этот тренд сохраняется и в Законопроекте-2021. Очевидно, что такое усиление регламентации можно рассматривать как одно из проявлений общей тенденции к унификации процедур и институтов местного самоуправления, задающей основное направление его развития на протяжении последних более чем 20 лет [Зазулина, 2022]. В свою очередь унификация местного самоуправления является следствием постепенного встраивания этого института в вертикаль власти, а также усиления позиций федерального уровня власти в вопросах взаимоотношений с местным самоуправлением.

Некоторые исследователи связывают усиление регламентации и унификации со стремлением к принудительной демократизации и вовлечению граждан в местное самоуправление на низовом уровне. Например, В. Нечаев отмечает, что значительная свобода муниципалитетов в вопросах развития территориального общественного самоуправления, существовавшая на предыдущем этапе, не привела к развитию этого института. Связано это было с тем, что для муниципальных властей территориальное общественное самоуправление означало дальнейшую территориальную децентрацию власти и ресурсов внутри муниципального образования и, как следствие, встречало противодействие со стороны самих чиновников. С такой точки зрения детальную регламентацию форм политического участия можно рассматривать как попытку принудительной демократизации на внутримunicipальном уровне, осуществляемой федеральным и региональным законодателем [Нечаев, 2006. С. 28].

В то же время стоит отметить, что усиление регламентации институтов политического участия проявляется не только как детальное описание связанных с ними процедур, но и как закрепление в правовых актах чрезмерных требований,

затрудняющих реализацию этих форм. А. Е. Помазанский подчеркивает, что даже при закреплении форм данных институтов на уровне федерального законодательства их дальнейшее закрепление в муниципальных правовых актах существенно затрудняет их реализацию [Помазанский, 2019]. К схожему выводу приходят Толстик и Трусов, исследующие практику проведения референдумов в РФ: «...анализ изменений и дополнений, которые в последние годы были внесены в законодательство, регламентирующее порядок организации и проведения референдумов, приводит нас к выводу, что в подавляющем большинстве такие изменения направлены на усложнение порядка проведения референдума» [Толстик, Трусов, 2013. С. 12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что инициатива «сверху» в вопросах установления и поддержки форм политического участия является, прежде всего, вынужденной мерой. В зависимости от обстоятельств она может использоваться как механизм стимулирования этих форм в условиях низкой политической активности населения и роста абсентеизма (принудительная демократизация) и как механизм ограничения и контроля политической активности и доступа граждан к участию в решении вопросов местного значения.

Формы осуществления местного самоуправления в данных Мониторинга организации и развития местного самоуправления в РФ

Упоминание различных форм политического участия в федеральных законах о местном самоуправлении означает законодательно закреплённую возможность их реализации, но не говорит о том, насколько эти возможности оказываются востребованы на практике. Представление о реальной динамике распространённости различных форм политического участия может быть получено на основе данных Мониторинга организации и развития местного самоуправления в РФ, ежегодно осуществляемого Министерством юстиции РФ.

Анализ динамики распространения различных форм осуществления местного самоуправления в период с 2014 по 2021 гг. показывает, что все формы политического участия, имеющие консультативный характер, в той или иной степени демонстрируют отрицательную динамику. Более того, их распространение было и остается крайне неравномерным, что фактически означает различную значимость и их различную востребованность в зависимости от различных факторов.

С некоторыми допущениями можно утверждать, что формы осуществления, имеющие властный характер, демонстрируют лучшую динамику по сравнению с формами консультативного участия, но их распространение также крайне неравномерно. Отметим, что в данной статье речь не идет о такой форме властного участия как муниципальные выборы. Число муниципальных выборов остается относительно постоянным, поскольку связано с количеством муниципальных образований и численностью депутатского корпуса. Кроме этого они проводятся «пакетами» и в подавляющем большинстве случаев привязаны к региональным и федеральным выборам (практика Единого дня голосования). Однако сокращение явки избирателей на выборы дает повод говорить о сокращении значимости такой формы политического участия.

Таблица 2

Распространенность различных форм осуществления
местного самоуправления в 2014–2021 гг.

Table 2

Prevalence of various forms of implementation
of local self-government in 2014–2021

Количество	Год							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Референдум	792	955	1555	1187	нд	114	21	73
Сходы	нд	нд	нд	нд	нд	9100	нд	9300
ТОСы	21000	24700	27600	30100	32000	32000	35000	35000
Собрания	83000	91500	85900	72900	64300	59400	33000	38000
Публичные слушания	66000	85100	95600	103400	92600	85000	63000	67600
Общественные обсуждения	нд	нд	нд	нд	53900	12300	15000	20200
Опросы	4900	3900	5100	4500	8700	1100	1200	1300
Конференции	1900	2200	5500	3000	нд	2900	3800	4300
Правотворческие инициативы (рассмотренные)	172	нд	нд	нд	800	200	200	65
Старосты	нд	30000	24100	31200	29000	27600	29000	27900

Составлено автором на основе данных Мониторинга организации и развития местного самоуправления в РФ за 2014–2021 гг.

И в том и в другом типе форм участия есть более и менее востребованные. Среди консультативных наиболее востребованы собрания и публичные слушания, однако за исследуемый период количество собраний сократилось более чем вдвое (с 91 500 в 2014 до 38 000 в 2021), а количество слушаний – в полтора раза (с 95 600 в 2015 до 67 600 в 2021). Относительную востребованность при отсутствии явной отрицательной динамики демонстрирует институт старост. Среди властных форм участия (за исключением муниципальных выборов) наиболее востребован институт ТОСов. В период с 2014 по 2021 количество ТОСов в РФ неуклонно росло и увеличилось с 2100 до 35000. Можно заметить, что и старосты и ТОСы представляют собой формы участия, которые, несомненно, способствуют решению вопросов местного значения, но ограничены решением проблем не всего муниципального образования, а какой-то его части (они осуществляются на субмуниципальном уровне). По этой причине возможности этих форм участия влиять на муниципальную политику существенно ограничены.

Отдельно стоит проанализировать динамику развития такой формы участия как местный референдум. Данные показывают, что востребованы оказываются исключительно референдумы, связанные с решением вопросов самообложения. Они составляют от 90 до 100 % от всех проводимых ежегодно местных референдумов. В декабре 2017 г. в 131-ФЗ были внесены изменения, позволяющие вводить самообложение не только на местном референдуме, но и на сходе граждан⁹. В результате имело место резкое сокращение количества референдумов, связанных с самообложением (их число сократилось с 1093 в 2017 г. до 111 в 2019) и увеличение количества сходов по вопросам самообложения (в 2019 г. было проведено более 9100, а в 2021 более 9300 таких сходов). Таким образом, можно сделать вывод о том, что популярность форм осуществления местного самоуправления зависит от наличия механизма софинансирования местных инициатив из бюджетов субъектов Российской Федерации. Решение вопросов, связанных с софинансированием и бюджетированием со стороны региональных властей, ведет к повышению активности населения в решении вопросов местного значения.

В то же время сходы граждан, не связанные с представительской деятельностью, в последние годы оказываются сами по себе все более востребованной формой участия. Например, в 2019 г. было проведено более 9100 сходов, из которых 5200 состоялись с целью избрания старост, 2700 – для решения вопросов самообложения; 1200 раз – для обсуждения вопросов изменения территориальной организации местного самоуправления¹⁰.

Значимой проблемой является неравномерная географическая распространённость различных форм осуществления местного самоуправления. Фактически нет ни одной формы, которая была бы распространена повсеместно. Исключение в данном случае составляют муниципальные выборы, которые проводятся повсеместно, и институт ТОС, который к 2019 г. оказался распространен в 84 из 85 субъектов РФ. В ряде случаев распространённость конкретных форм осуществления связана с историческими традициями, существующими в конкретном регионе, и особенностями географического расположения поселений.

Например, институт старост к 2021 г. оказался распространен в 72 субъектах РФ, при этом всего в 9000 муниципальных образований (напомним, что всего сельских и городских поселений, где практикуется этот институт, на конец 2021 г. было 18 192). Как отмечается в Мониторинге организации и развития местного самоуправления в РФ, институт старост оказывается востребован там, где сельские поселения представляют собой крупные территориальные образования, включающие населенные пункты, находящиеся друг от друга на существенном удалении. Именно в этом случае коммуникации между населением и муниципальными властями оказываются затруднены, что и ведет к развитию институ-

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 25.1 и 56 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 05.12.2017 № 389-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712050088?index=0&rangeSize=1> (Дата обращения: 30.10.2022)

¹⁰ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-2019-2020.pdf> (Дата обращения: 30.10.2022)

тов самоуправления на субмуниципальном уровне. В тех регионах, где сельские населенные пункты расположены компактно, институт старост не прижился¹¹. С такой точки зрения существенное укрупнение муниципальных образований и отмена поселенческого уровня самоуправления, предполагаемые грядущей муниципальной реформой, должны повысить востребованность данной формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Также отметим, что до принятия ФЗ-83 в 2017 г. институт старост регулировался исключительно законодательством отдельных субъектов РФ. Закрепление этого института в федеральном законодательстве свидетельствует о том, что федеральный законодатель осознал значимость и потенциал данного института.

В то же время для многих форм участия населения на местном уровне характерно неравномерное распространение не только между регионами, но и на внутрирегиональном уровне. Эта особенность современного развития форм политического участия отмечается исследователями и фиксируется данными статистики. На данный момент не сформировалось единых моделей реализации местного самоуправления, существующие модели ситуативны, подвержены влиянию многочисленных факторов и зависимы от региональных особенностей и политической ситуации в целом. Даже в рамках одного региона и равных возможностей при формировании местных бюджетов модели реализации самоуправления в муниципальных образованиях одного и того же субъекта могут иметь значительные различия [Верпатова, 2020. С. 39].

Таким образом, и властные, и консультативные формы участия испытывают сложности, связанные с целой группой факторов: различные локальные традиции самоорганизации и политической культуры, социально-экономические характеристики территории, общая пассивность населения, нежелание муниципальных и региональных властей деконцентрировать ресурсы, излишняя регламентированность и формализованность, затрудняющие участие в осуществлении местного самоуправления.

Общий «авторитарный откат», фиксируемый исследователями политических процессов в России [Гельман, 2021; Мельвиль, 2021], для сферы местного самоуправления заключается в усилении тренда на унификацию институциональной организации местного самоуправления и укрупнение территориальных форм. Это, в свою очередь, ведёт к сокращению общего количества форм участия населения в самоуправлении, снижению их востребованности и уменьшению пространства делиберативной демократии в целом. Новые формы осуществления местного самоуправления развиваются компенсаторно по мере укрупнения муниципальных образований и сужения сферы компетенций органов местного самоуправления, ведущего к усилению их зависимости от федеральных органов власти.

На данный момент и властные, и консультативные формы участия продолжают оставаться результатом инициативы сверху и административного принуждения. Институты политического участия в связи с этим развиваются в сторону

¹¹ Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (Дата обращения: 30.10.2022)

большей регламентации и формализации, выступая одновременно средством принудительной демократизации сверху в условиях неразвитой культуры политического участия и позволяя при необходимости ограничить сферу распространения и применения конкретных форм гражданской активности.

Список литературы

- Васильев В. И.** Муниципальное право России. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2008. 848 с.
- Великая Н. М.** Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социол. исслед. 2003. № 8. С. 45–49.
- Верпатова О. Ю.** Участие населения Тверской области в реализации местного самоуправления: проблема вовлеченности // Материалы III Всеросс. (нац.) науч.-практ. конф. «Региональная Россия: история и современность» (Комсомольск-на-Амуре, 11-13 дек. 2020 г.). Комсомольск-на-Амуре: Амур. гуманитар.-пед. гос. ун-т, 2020. С. 39–46.
- Гельман В. Я.** Возвращение акторов: динамика политических режимов и их интерпретаций // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Под ред. К. Рогова. М.: Нов. лит. обзор., 2021. С. 116–150.
- Зазулина М. Р.** Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: Полит., социол. и экон. науки. 2022. Т. 7. № 3. С. 275–284.
- Зикеев В. А.** Технократизация местного самоуправления // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2022. № 1 (97). С. 74–77.
- Лексин В. Н.** Что происходит с местным самоуправлением в России? // Федерализм. 2016. № 1(81). С. 65–76.
- Мельвиль А. Ю.** Пять несбывшихся надежд: политические и теоретические ожидания «эпохи-1989» // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Под ред. К. Рогова. М.: Нов. лит. обзор., 2021. С. 66–92.
- Нечаев В. Д.** Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.
- Помазанский А. Е.** Роль институтов прямой демократии в обеспечении контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления // Журн. рос. права. 2013. № 8(200). С. 13–24.
- Помазанский А. Е.** Соотношение традиционных и новых форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления // Журн. рос. права. 2019. № 11. С. 58–68.
- Толстик В. А., Трусов Н. А.** Референдум в России: основы, опыт, критика // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2013. № 24. С. 9–14.

References

- Gelman V.** The Return of Actors: The Dynamics of Political Regimes and Its Interpretation. In: K. Rogov (ed.) *Demontazh kommunizma. Tridczat' let spustya*. [Disman-

- ting of Communism. Thirty years later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 116-150. (In Russ.)
- Leksin V. N.** What is going on with the local self-government in Russia? *Federalizm*, 2016, № 1(81), pp. 65-76. (In Russ.)
- Melville A.** Five unfulfilled hopes: political and theoretical expectations of the “1989 era”. In: K. Rogov (ed.) *Demontazh kommunizma. Tridczat' let spustya*. [Disman- tling of Communism. Thirty years later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 66-92. (In Russ.)
- Nechaev V. D.** Osnovny'e tendencii v institucional'noj organizacii mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii [The main trends in the institutional organization of local self-government in modern Russia]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, 2006, no. 4, pp. 22-44. (In Russ.)
- Pomazanskij A. E.** Rol' institutov pryamoj demokratii v obespechenii kontrolya nase- leniya za deyatel'nost'yu organov mestnogo samoupravleniya [The role of institu- tions of direct democracy in ensuring the control of the population over the acti- vities of local self-government bodies]. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 8(200), pp. 13-24. (In Russ.)
- Pomazanskij A. E.** Sootnoshenie tradicionny'x i novy'x form uchastiya grazhdan v osu- shhestvlenii mestnogo samoupravleniya [Correlation of traditional and new forms of citizen participation in the implementation of local self-government]. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 58-68. (In Russ.)
- Tolstik V. A.** Referendum v Rossii: osnovy', opy't, kritika [Referendum in Russia: fun- damentals, experience, criticism]. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizh- ny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 24, pp. 9-14. (In Russ.)
- Vasil'ev V. I.** Municipal'noe pravo Rossii: Uchebnik [Municipal Law of Russia: Text- book]. Moscow: Yuridicheskij Dom «Yusticinform», 2008, 848 p. (In Russ.)
- Velikaya N. M.** Osnovny'e tendencii politicheskogo uchastiya v mestnom samouprav- lenii [The main trends of political participation in local self-government]. *Sociolog- icheskie issledovaniya*, 2003, no. 8, pp. 45-49. (In Russ.)
- Verpatova O. Yu.** Uchastie naseleniya Tverskoj oblasti v realizacii mestnogo samouprav- leniya: problema vovlechnosti [Participation of the population of the Tver re- gion in the implementation of local self-government: the problem of involvement]. *Materialy konferentsii «Regional'naya Rossiya: istoriya i sovremennost'»* (Komsomolsk-on-Amur, December 11-13, 2020) [Proceedings of the conference «Regional Russia: History and Modernity»], Komsomolsk-on-Amur: Amur Humanitarian and Pedagogical State University, 2020, pp. 39-46. (In Russ.)
- Zazulina M. R.** Vstroit'sya v sistemu: mestnoe samoupravlenie v usloviyax novoj feder- al'noj reformy' [To integrate into the system: local self-government in the context of the new federal reform]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 275-284. (In Russ.)
- Zikeev V. A.** Tekhnokratizaciya mestnogo samoupravleniya [Technocratization of local self-government]. *Voprosy' mestnogo samoupravleniya: strategiya i praktika munic- ipal'nogo razvitiya*, 2022, no.1 (97), pp. 74-77. (In Russ.)

Информация об авторе

Зазулина Мария Рудольфовна, кандидат философских наук
Старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Mariia R. Zazulina, Candidate of Science (Philosophy)
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 05.09.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.*

*The article was submitted 05.09.2022;
approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.*

Научная статья

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-89-100

Принцип диалогичности М. М. Бахтина как осознанное преодоление монологизации сознания

Алена Леонидовна Каулинь

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

a.kaulin2011@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9951-839X>

Аннотация

В данной работе представлен анализ и сопоставление двух концепций, связанных с пониманием социальных явлений и отношения между «я и другим». В первую очередь это концепция миметического круга П. Рикёра, в которой представлена поэтапная структура понимания социального действия и формирование отношений к этому у субъекта. Во-вторых, мы рассматриваем понятие диалогичности М. М. Бахтина, которое он понимал в широком смысле, как общий метод для гуманитарных наук. Посредством первой концепции мы обосновываем состоятельность второй, дополняя ее понятиями «овеществление» и «персонификация», введенными М. М. Бахтиным, которые придают исследованию этическое-моральное составляющее, укрепляющее важность роли «другого» в гуманитарном познании в частности и понимании социальных явлений в целом.

Ключевые слова

диалогичность, монологизация и диалогизация, миметический круг, овеществление и персонификация

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00801 «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

Для цитирования

Каулинь А. Л. Принцип диалогичности М. М. Бахтина как осознанное преодоление монологизации сознания // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 89–100. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-89-100

The principle of Bakhtin's dialogicity as a conscious overcoming of the monologization of consciousness

Alena L. Kaulin

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

a.kaulin2011@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9951-839X>

Abstract

This paper presents an analysis and comparison of two conceptions related to the understanding of social phenomena and the relationship between "I and the other". The first of them is P. Ricoeur's theory of the mimetic circle, which presents a phased structure of understanding of social action and forming an attitude towards it in the subject. Secondly, we consider the idea of dialogicity by M.M. Bakhtin, which he understood in a broad sense, as a general method for the humanities. With the help of the first theory, we substantiate the consistency of the second. Also, we supplement it with the new concepts such as "reification" and "personification" introduced by M.M. Bakhtin, this gives the study an ethical and moral component and additionally establishes the importance of the role of the "other" in humanitarian knowledge in particular and the understanding of social phenomena in general.

Keywords

dialogicity, monologization and dialogization, mimetic circle, reification and personification

Acknowledgments

The study was supported by RFBR (project no. 20-011-00801 «P. Ricoeur's concept of triple mimesis as a basis for verifiability of historical narratives»).

For citation

Kaulin A.L. The principle of Bakhtin's dialogicity as a conscious overcoming of the monologization of consciousness. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-89-100

Вопросы понимания в целом и метода понимания для гуманитарных наук в частности давно заботят исследователей в разных областях знания. Для описания многих социальных явлений нам недостаточно количественных и статистических методов. Нужен альтернативный подход, позволяющий добиться наибольшей степени понимания явлений и человеческих поступков.

Имея дело с социальной реальностью, мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда разные данные приводят к одному и тому же выводу, или же наоборот, когда из одних и тех же посылок делаются противоположные выводы. В качестве примера возьмем известный фильм «Двенадцать разгневанных мужчин» 1957 г.¹ Присяжные рассматривают дело парня, который якобы убил отца. Каждый оценивает для себя ситуацию, используя свои устоявшиеся представления о ней. Бедный парень из неблагополучного района вполне может быть убийцей, а свидетели не стали бы врать, они под присягой и т. п. Присяжные воспринимают ситуацию так, как ее преподносит следствие, к тому же картинка складывается вполне адекватная и понятная.

¹ Ремейк данного фильма был снят в 1997 г., вышедший под таким же названием. Также была создана авторская интерпретация данного сюжета, снятая Н. Михалковым в 2007 г., вышедшая под названием «12» (Прим. автора).

Очень хорошо можно проследить здесь, как большинство людей проявляет «овеществление» другого². Каждый получает факты о человеке, который ждет сейчас приговора, и начинает выстраивать свои собственные нарративы с присутствующим отношением к этому. Большинство даже не задумывается о подсудимом как о человеке-личности, а относится к нему как к способу выполнения своего гражданского долга или как к причине опоздания на футбольный матч. Но один из присяжных все-таки подходит к вопросу, персонифицируя подсудимого³. Этому человеку важно понять, что произошло на самом деле, и подсудимый для него не набор стереотипов о нем, но индивидуальность, заслуживающая справедливости. И этот сюжет отнюдь не является вымышленным. Практически каждому из нас приходится сталкиваться с ситуациями, которые заставляют нас принимать решения, основываясь на тех выводах, которые мы делаем о людях, что вполне может повлиять на их жизнь. Тем более когда речь идет о гуманитарной науке, необходимо иметь инструмент, который бы не только позволял достоверно изучать факты, но и не упускать человеческую составляющую личности, которую нельзя обесценивать.

* * *

В своем исследовании мы прибегаем к анализу и сопоставлению двух гипотез – П. Рикёра и М. М. Бахтина. П. Рикёр предполагает, что понимание разного рода социальных действий происходит по тому же принципу, по которому происходит понимание художественных произведений. «Гипотеза, о которой идет речь, – это гипотеза о гомологии между текстом и социальным действием... он перешел к специфической трактовке этой гипотезы, сближая социальное действие не с текстом вообще, а с рассказом, нарративом, “историей”» [Зенкин, 2013. С. 328]. Развивая мысль о единой логической структуре нарратива и действия, мы предлагаем воспользоваться концепцией миметического круга П. Рикёра как механизмом, который описывает процесс понимания людьми социальных явлений. Более того, мы предполагаем, что данный конструкт понимания невозможен без социального контекста, взаимосвязанного с другими людьми или сокращенно – «другим». Мы имеем в виду, что посредством теории миметического круга можно выявить некоторые механизмы, присущие работе сознания, которые влияют на восприятие и понимание, в том числе и через «другого». Именно познание через «другого» является основополагающей идеей концепции диалогичности М. М. Бахтина. И в своей работе «К методологии гуманитарных наук» он использовал понятие «диалогичности» для описания рабочего метода «наук о духе» (см. [Бахтин, 1986]).

Согласно концепции Поля Рикёра, миметический круг состоит из трех стадий. Первая из них – это стадия префигурации, или пред-понимания опыта (ми-

² Овеществление – термин, использованный М. М. Бахтиным для обозначения способа отношения к другому.

³ Персонификация – противоположный овеществлению термин, отражающий подлинный, по М. М. Бахтину, способ восприятия другого. Оба этих термина применяются М. М. Бахтиным для описания концепции метода гуманитарных наук (*Прим. автора*).

месис I). Она характеризуется схватыванием донарративной концептуальной сетки, которая сопряжена с понятием практического понимания. «В ходе активного взаимодействия с миром в процессе практической деятельности начинает формироваться концептуальная сетка, которая размечает окружающий мир, позволяя нам выделять предметы и действия, закладывая знания о свойствах объектов и возможных манипуляциях с ними» [Аникина, 2020. С. 136]. Так формируется то, что П. Рикёр называл практическим пониманием, которое и выражается в способности оперировать понятиями концептуальной сетки. Практическое понимание можно условно сравнить с той базой для изначального понимания, которая нужна ребенку, чтобы начать ориентироваться и создавать уже более сложные представления.

На этой стадии П. Рикёр выделяет несколько аспектов пред-понимания. Рассмотрим структурный и символический. Структурный аспект предполагает способность (не осмысленно, скорее рефлексивно) на основе некоторых компонентов выделить целостное действие из череды физических движений. Под этим мы подразумеваем, что из отдельных фактов начинает складываться какая-то своя картина происходящего, но (на данной стадии) без понимания конкретных поступков с присущей им целенаправленностью. В качестве символического аспекта пред-понимания П. Рикёр полагал дополнительную компетентность субъекта – способность идентифицировать символические опосредования действия в кассиеровском значении слова «символ»⁴.

Для того чтобы осуществить пред-понимание, ребенок получает изначальную базу от родителей или ближайших взрослых⁵. Это «чужие голоса», как говорит М. М. Бахтин, затем становятся своими: «Процесс постепенного забвения авторов – носителей чужих слов. Чужие слова становятся анонимными, присваиваются (в переработанном виде, конечно); сознание монологизируется» [Бахтин, 1986. С. 365–366]. Важно отметить, что монологизируется оно, по нашей мысли, по завершению всего круга, а не конкретно на данной стадии, на которой этот процесс только начинается. Мы считаем, что процесс присвоения «чужих голосов» сродни тому же процессу формирования концептуальной сетки, которая является, как уже оговаривалось, изначальной базой для практического понимания у П. Рикёра. На этой стадии закладываются как новые символы, так и отдельные шаблонные структуры, вычлененные из изначальной получаемой информации. Это происходит на протяжении всей жизни, так как диалог, по мнению М. М. Бахтина, не прекращается, как и не перестает обращаться миметический круг П. Рикёра.

Вторую стадию мимесиса П. Рикёр называет стадией конфигурации (мимесис II), именно здесь происходит «построение интриги», т. е. формируется

⁴ «Основополагающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит вопросы и формулирует выводы, предстают уже не пассивными отражениями данного бытия, а в виде создаваемых самим человеком интеллектуальных символов» [Кассирер, 2002. С. 12].

⁵ Мы используем пример ребенка, чтобы было проще осознать именно изначальную стадию пре-конфигурации, конечно же, мы не имеем в виду, что М. М. Бахтин или П. Рикёр в своих исследованиях писали про сознание ребенка. Мы хотим показать, что теоретически их сопоставленные концепции прекрасно отражают становление познания и понимания, даже на самых ранних этапах.

уже нарративная структура⁶. «Интрига, понимаемая в широком смысле, то есть как упорядочение фактов (и, стало быть, последовательность предложений, обозначающих действие) в целостном действии, конституирующем рассказанную историю, представляет собой литературный эквивалент синтагматического порядка (*ordre*), который вносится в практическое поле благодаря рассказу» [Рикёр, 1998. С. 70]. Стоит также отметить, что П. Рикёр предполагал, что для понимания действия недостаточно овладения концептуальной сеткой действия и его символическими опосредованиями, субъект «распознает в действии временные структуры, которые требуют повествования» [Там же. С. 74]. Именно аспект временности, по мнению П. Рикёра, является той силой, которая приводит в движение миметический круг, требуя постоянного упорядочивания относительно друг друга опыта и ожиданий. Выстраивается новая связность, опирающаяся и на предыдущий опыт, и на новые элементы с их новыми значениями. Посредством именно нарративного понимания мы способны создать и осознать связь между нашими представлениями и проявлениями окружающего мира⁷. На этом этапе, собственно, и происходит «конфигурация полученных данных», что можно назвать составлением плана повествования с включением в него новых данных.

На этой стадии происходит определение отношения субъекта познания к социальной ситуации и «другому» (овеществление и персонификация). Стоит отметить, что овеществление и персонификация – это способы, через которые происходят процессы осознания «другого».

На третьей стадии рефигурации (мимесис III) происходит переустройство жизненного опыта. Явления переобозначаются исходя из новых взаимосвязей, образовавшихся на второй стадии. И третья, финальная, стадия становится новой базой тех смыслов, которыми мы впоследствии оперируем уже условно снова на первой стадии. Поэтому миметический круг можно называть кругом лишь отчасти, это скорее спираль, которая позволяет все более и более расширять области понимания посредством включения новых фактов, вокруг которых образуются новые смыслы и связи.

Мы предполагаем, что три стадии мимесиса описывают процесс монологизации, так как осуществившийся круг условно можно назвать определенным завершённым этапом осознания чего-либо. И следующим этапом: «Монологизированное сознание как одно и единое целое вступает в новый диалог (уже с новыми внешними чужими голосами)» [Бахтин, 1986. С. 366]. Каждого человека можно сравнить с замкнутой системой. На разных этапах понимания, описанных как стадии мимесиса, происходит закрепление или пересмотр тех или иных пред-

⁶ Так как данное исследование является частью другого, более крупного исследования, мы здесь касаемся вопросов работы миметического круга только отчасти. Подробный разбор механизмов и принципов этого читатель может найти, обратившись к статье А. Б. Аникиной [Аникина, 2020].

⁷ Нарративное понимание – это в первую очередь инструмент, который, как и остальные инструменты миметического круга, позволяет нам как раз выстраивать свое отношение и представление. Однако, по нашему мнению, именно на стадии конфигурации происходит определяющий разрыв, который непосредственно влияет и на дальнейшую рефигурацию. Возможно, это является одной из причин, почему и сам П. Рикёр выделял стадию конфигурации по ее значимости среди остальных. Именно поэтому мы позволяем себе метафорически говорить, что именно на этой стадии и происходит формирование наших представлений.

ставлений о реальности, в первую очередь мы говорим о других людях и связанных с ними социальных действиях. Это возможно благодаря структурам, которые присущи работе сознания. Миметическим кругом П. Рикёр схематично показывает, как это возможно и насколько это схоже во многих областях знания.

«П. Рикёр, с одной стороны, указывает на сходство социологического и исторического знания, заключающееся в применении “нереальной” нарративной конструкции, а с другой – ставит проблему повествовательного характера научного теоретизирования. При этом следует отметить, что нарратив в его рассуждениях остается важным связующим звеном между социальной и исторической науками и живым человеческим опытом, встроенным в повествование» [Борисенкова, 2007. С. 62]. Невозможно не учитывать составляющую опыта, когда речь заходит о гуманитарных исследованиях. Во-первых, потому, что чем больше контекста мы учитываем, тем более объемная картина реальности открывается перед нами. Во-вторых, с этической точки зрения не учитывать чей-то уникальный опыт – значит обесценивать саму личность, т. е. овеществлять ее.

Овеществление и персонификация – два процесса, которые занимают важное место в познании другого. Более того, с помощью этих терминов, по нашему мнению, М. М. Бахтин подчеркивает окончательное обособление понятия «другого» и его роли в исследованиях гуманитарных наук. М. М. Бахтин отмечает, что ни при каких обстоятельствах человек как личность не может быть воспринят противоположным, т. е. как вещь, образом. Иными словами, «образ человека не может быть безотносительным к форме его существования (то есть к “я” и *другому*). Поэтому полное овеществление образа человека, пока он остается образом, невозможно. Но, давая “объективный” социологический (или иной научный) анализ этого образа, мы превращаем его в понятие, ставим его вне соотношения “я – *другой*” и овеществляем его» [Бахтин, 1986. С. 319].

Отношение исследователя к вопросу исследования накладывает значительный отпечаток на те выводы, которые могут быть им получены в итоге. Существуют действия и поступки, это объективные факты реальности. Так же как и человеческий опыт, который влияет на формирование личных представлений, которые, в свою очередь, приводят к этим поступкам. Упуская из вида эти аспекты, исследователь упускает часть реальной картины происходящего. Люди составляют эту реальность, и упускать момент того, что каждый из них личность, – значит терять объективность исследования. В тот момент, когда вместо личности человек начинает восприниматься не иначе чем вещь, которой присваивается естественнонаучная объективность, происходит потеря самого смысла исследования, ведь такой подход может выявить только свойства объекта. Задача же гуманитарных наук кроется в определении процессов, эти свойства породивших, а также в возможности проследить пути потенциального движения и развития. Более того, к вещи можно относиться исключительно исходя из своих о ней представлений и придерживаясь исключительно собственных интересов, а, значит, можно, например, переиначивать исторические факты, интерпретируя их в зависимости от того, что требуется доказать. Но этические нормы общества не позволяют так относиться к личности. И персонификация – тот процесс, которой может служить мерилом, ограничивающим возможность субъективной составляющей исследования.

Обратный процессу овеществления, процесс персонификации возвращает монологизированное сознание (не будем забывать, что каждое сознание монологизировано, поэтому этот процесс необходимо относить и к познающему, и к познаемому) обратно к процессу диалога: «персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты» [Там же. С. 370]. «Другой» может выступать той движущей силой развития личности, которая не дает сознанию остаться замкнутым, т. е. монологизированным, использующим исключительно собственный набор убеждений для взаимодействия с окружающим миром, как в случае, показанном в вышеприведенном фильме. Разные люди рассказывают свои разные истории, вызывая отклик и сопереживание, сродни герою романа, неся в себе свой уникальный нарратив. Каждый способен пробудить в другом новую возможность для переосмысления и нового восприятия через другую личность. Так, например, пожилой человек среди присяжных способен понять пожилого человека, дающего показания, через призму своего восприятия реальности, в которой он только пешка, хоть раз в жизни старающаяся показать свою значимость, оттого говорящая то, что говорит. Или как молодая женщина только потому, что стесняется своей внешности, утаивает факт ношения очков, что непосредственно влияет на правдивость ее показаний. Так и в жизни способность понять другого открывает новые возможности для переосмысления, поиска истины, которая рождается в диалоге, заставляющем снова начать раскручиваться миметический круг с его переобозначением деталей и выстраиванием новых временных последовательностей, что затем меняет предположение. И это происходит на протяжении всей жизни.

Монологизированные, все решившие сознания диалогизируются и начинают исследовать, развиваясь и заставляя развиваться друг друга. Что происходит, если этого не делать? Каждый может остаться при своем мнении. Хотя, например, не в случае с присяжными, так как им необходимо принять решение единогласно. В жизни зачастую не возникает видимой необходимости изменять свое мнение в пользу кого-то другого, воспринимая другого как личность, но тогда останется незаполненным тот разрыв, который образуется между смыслом новых фактов о постоянно изменяющемся мире и собственным от них ожиданием, не говоря уже о моральной составляющей, которая и выделяет человека в отдельный класс живых существ, способных к глубокому осмыслению и пониманию, а не беспрекословному следованию инстинктивных порывов. От такого подхода проигрывают все. Когда нет необходимости менять мнение, то нет и развития, в том числе и в понимании окружающей реальности. А ведь в жизни очень часто приходится выслушивать противоположные мнения. И тот, кто способен меняться исходя из новой информации, даже если этот процесс происходит неприятно и болезненно, тот более эффективно может действовать. Это показывает наличие той самой необходимости в понимании и принятии другого мнения.

Когда активность познающего направлена на окружающих, он воспринимает их как субъектов (по крайней мере, так должно быть, по М. М. Бахтину). Однако «другие» зачастую воспринимаются как объекты, которые нужны для удовлетворения собственных нужд. Это приводит к овеществлению их личностей, что не-

приемлемо, по М. М. Бахтину. Тем не менее, сталкиваясь с другими, невозможно отрицать индивидуальность каждого из них и их неотъемлемое право на собственный опыт, который есть и у нас. Таким образом начинает образовываться разрыв между вновь поступающей информацией и той, что уже усвоилась, вмешивается чужой, отличный от собственного опыт другого, который может разительно отличаться. Возникает конфликт в представлении о себе и другом. Первый конфликт и последующие на протяжении всей жизни конфликты в восприятии одних и тех же вещей укрепляют собственные позиции человека, но они же и создают почву для диалога на более осмысленном уровне осознания. *Если только сознание не остается монологизированным, т. е. замкнутым, когда свои убеждения затрудняют принятие новых, отличных точек зрения, даже рассмотрение новых фактов, что мешает адекватному сосуществованию в обществе. Поэтому необходимо вырабатывать в себе способность воспринимать других именно как субъектов.* И если эта способность воспринимать окружающих именно как субъектов начинает преобладать, то истинный, по М. М. Бахтину, акт познания совершается через «другого», и это можно назвать диалогической активностью: «...активность познающего другого субъекта, то есть диалогическая активность познающего» [Бахтин, 1986. С. 363]; активность, которая направлена на «другого» как на потенциальный источник нового знания. Такая активность позволяет переосознать собственные, уже сформировавшиеся обозначения. Это и есть обратный процесс, который называется персонализацией.

Итак, при помощи концепции миметического круга становится возможным объяснить процесс становления понимания человеком окружающего мира, в частности других. Усвоение концептуальной сетки, становление практического понимания и процесс присвоения «чужих голосов» образуют собой ту платформу, на которой формируется монологизированное сознание. Продолжая монологизироваться, оно вырабатывает свои субъективные отношения к тому, что происходит, и к другим. По многим причинам процесс овеществления начинает быть доминирующим способом отношения к «другому». В соответствии с рассуждениями М. М. Бахтина процесс «присвоения чужих голосов» и последующей монологизации необходим. Однако монологизация не обязательно подразумевает овеществление, но чем оно сильнее, тем затруднительнее осуществлять познание, так как познание, по М. М. Бахтину, кроется во взаимоотношении «я и другого», без которого, по крайней мере в гуманитарных науках, всестороннее исследование невозможно. Теоретически преодолеть кризис овеществления возможно посредством диалогизации. Она тот мостик, который заставляет монологизированное сознание вновь выходить на контакт.

Диалогизация невозможна без монологизации, но и без диалогизации нельзя в полной мере адекватно воспринимать реальность и эффективно взаимодействовать друг с другом. Монологизация – естественна, мы замкнуты на себе, внутри себя и т. д. Однако, вступая в диалог, в том числе смотря фильм, читая книгу, мы открываем для себя новые возможности. М. М. Бахтин считал, что большая часть этих возможностей заложена именно в диалоге с «другими», ведь, по сути, чтобы человек ни делал, он не прекращает свой диалог и именно посредством него взаимодействует с миром. Он писал, что каждый герой несет в себе не только что-

то лично свое, но и свою эпоху, какие-то ее аспекты, известные ему, из-за его опыта и сознания. Поэтому вступая с ним в диалог, мы, также несущие в себе частичку эпохи, способны складывать, как мозаику, эти фрагменты, что приводит ко все большему и большему осознанию того, что происходит, сродни развитию сюжета романа. М. М. Бахтин, к слову, отмечал аналогию между текстом и реальностью, более того, он считал, что поступки можно рассматривать как текст. «Само творчество Бахтина (служит) ответственной реализации масштабного замысла объединить жизнь и искусство, поступок и текст в рамках единой методологии гуманитарных наук... человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [Сычев, 2020. С. 88–89]. Время, как уже упоминалось выше, является важным аспектом понимания. Каждая эпоха накладывает серьезный отпечаток на реальность и требует своего собственного к ней подхода для ее понимания. Мы живем в эпоху, когда общество нацелено на процесс диалогизации, многие стремятся к лучшему пониманию другого и озабочены тем, что несмотря на многие попытки все же остается огромное число людей, которые не хотят пересматривать многие догмы, которые сейчас можно назвать рудиментами, не позволяющие относиться к другим как к свободным и индивидуальным личностям, т. е. их овеществляя. Можно говорить, что и М. М. Бахтин подразумевал, что монологизация и заикливание на ней происходит именно из-за преобладающего овеществления и нежелания выходить за его пределы. Для наглядности можно сравнить некоторые случаи монологизации с устоявшимся стереотипом. Например, стереотип «выходцы с Ближнего Востока сплошь преступники и террористы» – наглядный показатель полного овеществления личности. Такая замкнутость восприятия лишает сознание возможности развития. Сознание монологизировано вне живого контекста реальности, где люди, каждый из них по отдельности, попали в крайне затруднительную ситуацию, которую пытаются разрешить как могут. В этой ситуации проигрывают обе стороны и общество в целом. С одной стороны, такое сознание не хочет узнавать новую информацию, тем самым обучаясь и развиваясь, и лишено возможности для конструктивного диалога. Ввиду реальности разнообразия мнений такое восприятие закрывает пути для мобильности, и как следствие для эффективного существования в социуме. С другой стороны, люди, которые нуждаются в помощи и понимании, остаются без возможности получить их. Тем не менее, ситуация в мире постоянно меняется, а вслед за ней и стереотипы, которые уходят в прошлое.

Нам бы хотелось отметить еще одну деталь. На наш взгляд, более объективное и осознанное понимание возможно лишь тогда, когда понимание другого идет рука об руку с пониманием его «другости», как говорил М. М. Бахтин: «В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т. п.)» [Бахтин, 1986. С. 392]. Мы предлагаем рассмотреть монологизацию и диалогизацию еще и как стадии понимания. Монологизированное сознание, в котором преобладает овеществление, тоже способно взаимодействовать с другими, возможно даже пытаться их понять и «встать на место другого», но диалогизация,

а следом за ней и диалогичность, на наш взгляд, все-таки подразумевает нечто иное. Это как раз следующий уровень понимания отличия «я» от «другого», на котором не происходит подмены убеждений другого своими убеждениями, но возможен симбиоз этих мнений. Понимание, что у «другого» есть потребности, которые он хочет удовлетворить, но не так как нам бы хотелось, если бы у нас были бы такие потребности, – залог более полного сочувствия к «другому». Как только мы перестаем считаться с этой гранью «своего» и «чужого», мы также вновь невольно овеществляем другую личность.

Подытоживая, можно сказать, что, исходя из идеи, что поступок может восприниматься как текст, мы предположили вслед за П. Рикёром, что и изучить его можно схожим образом. Даже более того, сознание воспринимает эти явление по определенным принципам, которые описываются посредством миметического круга. Изначально схватывается структура какого-то события с ее элементами, они обозначаются определенным образом, исходя из той базы или присвоенных «чужих голосов» (М. М. Бахтин). Затем они выстраиваются во времени с присущим ему аутентичным набором принципов, и появляется нарративная структура, которая определяет некоторое отношение к этим элементам, и она же приводит к усвоению и присоединению этого условного события к той базе, которая «снова» становится основой для наших дальнейших рассуждений. Этот процесс мы считаем процессом монологизации сознания, который происходит от круга к кругу. При помощи диалогизации круг способен запуститься снова, и «изначальная база» все более и более расширяется. При восприятии других к этому процессу добавляются: овеществление и персонификация, которые являются способом мышления, который определяет отношение к кому-либо, а последнее можно еще и назвать инструментом метода понимания. Можно предположить, что изначально все воспринимается как объекты. По ряду причин этот способ мышления закрепляется, что приводит к овеществлению других без попыток персонификации, т. е. они, условно говоря, будут продолжать восприниматься как вещи. Это препятствует монологизированному сознанию приступить к процессу диалогизации. Такое взаимодействие с «другим» приводит к корректировке собственных убеждений и смене восприятия «других» таким образом, который раньше казался единственно приемлемым. Таким его делает нежелание воспринимать точки зрения, отличные от собственной, ни одно мнение не может быть окончательным, а значит, имеет потенциальную возможность измениться или преобразоваться. Диалогичность – это тот принцип мышления, который подразумевает открытость для новых фактов, мнений, суждений и т. п., который и позволяет сознанию, обогащаясь новыми фактами, развиваться. Не нужно забывать, что у овеществления есть и моральная составляющая. Как отмечал сам М. М. Бахтин: «Одни наши акты (познавательные и моральные) стремятся к пределу овеществления, никогда его не достигая, другие акты – к пределу персонификации, до конца его не достигая» [Бахтин, 1986. С. 391]. Моральная задача каждого как личности понимать, что окружающие личности – такие же как мы, хоть и совсем другие, и понять до конца мы их не в силах. Тем не менее посредством диалогичности мы можем создавать такие решения, которые будут рассчитаны на улучшение общества, на создание комфортного места для каждого.

С одной стороны, для научного познания овеществление является важным этапом изучения объекта. С другой, гуманитарная наука не может относиться к людям, которых изучает, или к исследованиям, которые на других людей повлияют с такой позиции. Исследователь, который не задумывается о важности восприятия объекта исследования с точки зрения отношения «я и другой» и воспринимает, например, социальное явление и его описание только как форму достижения какой-то цели, во-первых, может упускать важные аспекты чужого опыта, из которого и складывается контекст реальности. Сам по себе эпизод ничего не значит, он важен или нет только в своем контексте, в котором образуется причинно-следственная связь, способная быть прослеженной и рассказанной. Во-вторых, ученый, который берет социально-исторический факт, анализирует его как объект, оперируя исключительно своим монологизированным сознанием, ведет одностороннее исследование, позволяющее трактовать тот или иной факт таким образом, каким ему это выгодно. Акт персонификации и понимания, что нельзя исследовать в отрыве от природы своей личности, которая, как М. М. Бахтин предполагал, кроется в «другом», является основополагающим принципом диалогичности, которая должна лечь в основу любой гуманитарной науки. Именно «другой» есть мерило того, насколько можно использовать полученную от него информацию. Именно он выступает моральным ориентиром как личность, а не как вещь, который должен останавливать «я» от совершения против него преступления, в том числе и лжи. Эта как раз та высшая форма персонификации, на которую способен человек. Более того, учитывая подход П. Рикёра, в концепцию которого не только вписывается концепция М. М. Бахтина, но и дополняет собой аспект становления сознания как монологизированного и его переход к диалогичности и диалогизации, становится понятным, как возможно изменение в сформировавшемся восприятии человеком другого. Несмотря на замкнутость сознания и предрасположенность к структурам, заикленным на своем представлении, тем не менее, помимо того, что акт общения имеет место быть, еще и возможна тенденция к восприятию информации через другого, что дает возможность наиболее полным образом выстроить в своем собственном представлении картину окружающей реальности.

Список литературы

- Аникина А.Б.** Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 4. С. 130–144.
- Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 381–393, 429–432.
- Борисенкова А.В.** Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социол. обозр. 2007. Т. 6. № 1. С. 55–63.
- Зенкин С.Н.** Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикера // Поля Рикёр в Москве: Сб. М.: Ин-т филос. РАН, 2013. С. 327–345.
- Кассирер Э.** Философия символических форм. М.; СПб.: Университ. кн., 2002. Т. 1. Язык.
- Рикёр П.** Время и рассказ. М.; СПб.: Университ. кн., 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ.

Сычев А. А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Изв. Самар. науч. центра Росс. акад. наук. Соц., гуманитар., мед.-биол. науки. 2020. Т. 20. № 6. С. 85–89.

References

- Anikina A. B.** Mimeticheskii krug P. Rikoeur kak mekhanizm reprezentatsii proshlogo [P. Ricoeur's Mimetic Circles as a Tool for Representing of the Past]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 130–144. (In Russ.)
- Bakhtin M. M.** Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M., 1986, pp. 381–393, 429–432. (In Russ.)
- Borisenkova A. V.** Teoriya povestvovaniya Polya Rikoeur: ot narrativnoy organizatsii opyta k narrativnym osnovaniyam nauchnogo znaniya [Paul Ricoeur's theory of storytelling: from the narrative organizations of experience to the narrative foundation of science knowledge]. *Sociological Review*, 2007, vol. 6, no. 1, pp. 55–63. (In Russ.)
- Cassirer E.** Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002, vol. 1. (In Russ.)
- Ricoeur P.** Vremya i rasskaz [Time and narrative]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1998, vol.1. (In Russ.)
- Sychev A. A.** М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук [M.M. Bakhtin about the peculiarities of the methodology of the humanities]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, humanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki* [Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Science. Social, humanities, biological sciences], 2018, vol. 20, no. 6, pp. 85–89. (In Russ.)
- Zenkin S. N.** Sotsial'noye deystviye i yego smysl: istoricheskaya hermenevtika posle Rikoeura [Social action and its meaning: historical hermeneutics after Ricoeur]. Moscow, Rossiyskaya Akademiya nauk. Institut filosofii [Russian Academy of Science. Institute of Philosophy], 2013, pp. 327–345. (In Russ.)

Информация об авторе

Каулин Алена Леонидовна, магистр философии
Соискатель, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Alena L. Kaulin, Master of Science (Philosophy)
PhD-program applicant, Novosibirsk State University

Статья поступила в редколлегию 27.05.2022;
одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 27.05.2022;
approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-101-113

Гамановский Сократ в истории философии

Алексей Михайлович Стрельцов

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

streltsov@mail.ru, ORCID 0000-0002-1116-1884

Аннотация

Разбирается место сократической интерпретации И. Г. Гамана на фоне предшествующей традиции и в контексте мысли Просвещения, а также влияние апроприации им сократической проблематики на философию XVIII–XIX вв.

Ключевые слова

Гаман, Мендельсон, Гете, Гегель, Кьеркегор, Ницше, Просвещение, незнание, даимон, Сократ, Сократические достопамятности

Для цитирования

Стрельцов А. М. Гамановский Сократ в истории философии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 101–113. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-101-113

Hamannian Socrates within History of Philosophy

Alexey M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

streltsov@mail.ru, ORCID 0000-0002-1116-1884

Abstract

The paper delineates the place of J. G. Hamann's interpretation of Socrates in view of the preceding tradition and in the context of the thought of the Enlightenment, as well as the influence of his appropriation of Socratic problematics on philosophy of the 18–19th centuries.

Keywords

Hamann, Mendelssohn, Goethe, Hegel, Kierkegaard, Enlightenment, ignorance, daimon, Socrates, Socratic Memorabilia

For citation

Streltsov A. M. Hamannian Socrates within History of Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 101–113. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-101-113

© Стрельцов А. М., 2022

Публичной дебютной работой кенигсбергского литератора XVIII в. Иоганна Георга Гамана (1730–1789) стало небольшое сочинение о Сократе – «Сократические достопамятности» (далее – СД). Оно обращает на себя внимание тем, что в нём Гаман предложил необычную для его эпохи трактовку сократического образа. То, что для выражения своей экстравагантной (в контексте Просвещения) позиции Гаман выбрал фигуру Сократа, глубоко неслучайно.

Несмотря на меняющиеся философские парадигмы и социокультурные контексты, человечество сохраняет «золотой фонд» классики, которая остаётся востребованной в любое время, обеспечивая связь поколений и продолжая формировать окружающую среду в разрезе эпох. Одним из краеугольных камней современной европейской и мировой цивилизации остаётся личность Сократа.

Трактовка Сократа менялась со временем, отражая запрос окружающей среды. Уже Ксенофонт и Платон дают разные описания Сократа, причём в диалогах последнего историки философии выделяют «раннего» и «позднего» Сократа, выделяющего черты исторического Сократа и ставшего рупором для выражения идей Платона [Vlastos, 1971]. Среди современников Сократа Платон делал упор на его учение, Ксенофонт – на его дела. Впрочем, оба они относились к Сократу с большим пиететом. По словам самого Гамана, «в сочинениях Ксенофонта господствует суеверное почитание Сократа. Платону больше свойственно восторженно-романтическое отношение к учителю» [Hamann, 1950. S. 15–16; Гильманов, 2003. С. 427]. Однако Аристофан в комедии «Облака» представил резко сатирический образ Сократа как одного из софистов. Гамановский «сиквел» СД – «Wolken» – представляет собой прямую отсылку к этому произведению [Hamann, 1950. S. 83–109].

Как метод философствования Сократа, так и самоотверженное стремление к истине и особенно благородная смерть сделали его этическим эталоном для будущих поколений. Два парадоксальных момента жизни и смерти Сократа особенно впечатлили его современников и потомков: поразительное несоответствие его неказистого внешнего облика и внутреннего содержания [Светлов, 2015. С. 178–179], что шло вразрез с общепринятыми установками греческой культуры («калокагатия»), и удивительный переворот в событии его казни, при котором осужденная на смерть жертва сохранила честь, в то время как позору были подвергнуты её судьи.

В связи с этим неудивительно, что при переходе от язычества к христианству произошла «христианизация» образа Сократа, в первую очередь для целей апологетики. Имеются свидетельства в пользу того, что уже евангелие от Луки, обращённое к эллинистической аудитории, изображает в апологетических целях смерть Христа как «благородную смерть» в соответствии с греческой традицией [Scaer, 2005. P. 71–78, 117–126]. Согласно данной интерпретации, третий евангелист использовал следующие мотивы истории Сократа: смерть Сократа как праведника, несправедливость приговора Сократа, отказ бежать и послушание закону, смерть как (божественная) необходимость, отказ от мщения, мужество, спокойствие и кротость перед лицом смерти, жизнь как приготовление к смерти, роль друзей (учеников и т. п.) и их благородное горе, пророчество о возмездии¹.

¹ Скаер не усматривает явных параллелей в последнем случае [Scaer, 2005. P. 123–124].

Такие авторы как Юстин, Климент Александрийский, Лактанций и Марий Викторин усматривали в Сократе предшественника христианства среди эллинов, хотя, несомненно, среди отцов церкви можно найти совершенно разные оценки Сократа [Филин, 2014. С. 181–184]. Далее сократическая тема постепенно уходит в тень после обретения христианством статуса *religio licita*, а затем и господствующей позиции в Римской империи, кульминацией чего явились закрытие императором Юстинианом академии в Афинах и наступление средневековья в западной Европе. Это не значит, что Сократ был забыт – достаточно вспомнить изображение Сократа на фасаде Шартрского собора – но в этот период мы не встречаем полноценной рефлексии о Сократе, что было обусловлено в том числе недоступностью большинства исторических источников о его жизни на латинском западе.

Своеобразный ренессанс Сократа происходит в эпоху с одноимённым названием с её лозунгом *ad fontes*. Сократ стал одним из символов золотого века утраченной античности. Леонардо Бруни перевёл на латинский язык «Апологию», «Критона» и «Федона» Платона, а также «Апологию» Ксенофонта [Hankins, 2009. P. 341]. Примерно в 1440 г. ученик Бруни Джаноццо Манетти написал первую биографию Сократа со времён античности [Ibid. P. 344]. Марсилио Фичино рассматривал себя как «флорентийского Сократа». На этом этапе мы наблюдаем любопытное сочетание христианских и неоплатонических черт в подходе к Сократу. Известно и предсмертное высказывание северного гуманиста Эразма Роттердамского: «Sancte Socrate, ora pro nobis», на которое иронически ссылается Гаман в СД [Hamann, 1950. S. 64].

В эпоху Просвещения Сократа пытались записать в свой лагерь представители самых разных кругов. Исследование Бенно Бёма [Böhm, 1966], которое до сих пор не утратило своей актуальности, представляет широчайшую палитру мнений относительно личности и мировоззрения Сократа². Моралисты, сторонники свободомыслия (*freethought*), деисты и прочие пытались решить стоявшие перед ними задачи, вознося нужный им образ Сократа на знамя своих учений. При этом в сравнении с эпохой Ренессанса общий акцент переносится с синтеза на противопоставление греко-римской античности и христианства наряду с критикой последнего, хотя это могло быть завуалировано тем, что Сократа называли «христианином», подменяя содержание этого понятия.

Например, Энтони Коллинз утверждал, что «Сократ был божественнейшим человеком его времени, когда-либо являвшимся в мире язычников... величайшим вольнодумцем (*free-thinker*)» [Collins, 1713. P. 123], «благородные помышления которого» сокрушил внешний «авторитет» [Collins, 1737. P. li], носителем которого в настоящее время для Коллинза выступает официальная церковь. По замечанию итальянского гамановеда А. Пупи, «Сократ в общем представлял вольнодумцем, который на основе морали, основанной на чистом разуме, представлял радикальную альтернативу Христу» [Pupi, 1998. P. 290].

Именно на таком фоне Гаман обратился к личности Сократа для демонстрации своей позиции, вполне усвоив правила игры. Каковы были его источники? Основным историческим материалом послужило переложение Христианом То-

² В книге Бёма обсуждение Гамановского Сократа [Böhm, 1966. S. 259–277] буквально теряется среди множества других интерпретаций.

мазием жизнеописания Сократа Франсуа Шарпентье, которое, в свою очередь, основывалось на сочинениях Ксенофонта и Диогена Лаэртского. Само название книги Томазия указывает на то, что он выступал против «педантизма» неосхоластической немецкой философии того времени [Thomasius, 1693]. Туард, в частности, отмечает, что именно поэтому Томазий преподавал в университете Галле на немецком, а не на латыни [Thouard, 2006. P. 419]. У Томазия, говорившего про «die Denkwürdigen Dinge des Socrates», Гаман заимствует и название своей работы³.

Если фактологию Томазия Гаман использует в СД, преломляя его представление о Сократе в соответствии с собственными взглядами, то с другим своим источником – Купером [Cooper, 1750] – он ожесточённо полемизирует. В осуждении Сократа Купер обвиняет не понявшую его чернь, но более всего его инвектива направлена против жрецов, «чей ревностный дух святой злобы повлѣк его на тот суд» [Ibid. P. 95]. Отсылки к Куперу заметны на протяжении всей работы Гамана, в частности, по вопросам природы сократического незнания и его даймона Гаман занимает противоположную в сравнении с Купером позицию⁴.

В чём же заключался сам тезис Гамана? В то время как в работе присутствуют элементы политической философии, а именно критика социально-политического проекта Просвещения [Стрельцов, 2018. С. 111–114], ключевыми понятиями в трактате для Гамана являются именно «незнание» и «даймон». Вопреки позитивизму Просвещения, Гаман пытается показать, что опора на собственный разум способна довести даже мудрейшего из людей только до осознания собственного незнания, а для преодоления этой пропасти необходимо «просвещение» извне – «даймон», под которым Гаман понимает в том числе внешний авторитет и традицию, то есть именно то, что служило главной мишенью в мысли просветителей.

Любопытно проследить рецепцию тезиса Гамана о Сократе Мозесом Мендельсоном, одним из наиболее значительных деятелей немецкого Просвещения. Мендельсон написал два обзора СД, первый из них в июне 1760 года, вскоре после знакомства с очерком. Мендельсон был тогда восхищён трактатом и восхвалял интерпретацию Сократа Гаманом, включавшую акцент на незнании Сократа, рассуждение посредством аналогии и майевтику. Это было тем более удивительно, что Гаман направил свои стрелы именно против круга Мендельсона, ведь сам Мендельсон как раз подчёркивал сходство метода Сократа с методами Просвещения [Beiser, 2009. P. 234]! Дело в том, что Гаман лично познакомился с Мендельсоном и с представителями Прусской академии, будучи проездом в Берлине на пути в Лондон в конце 1756 г. [Namann, 1993. S. 333], при этом Мендельсон совершенно не был в курсе перемен, случившихся с Гаманом за время его пребывания в Лондоне, в результате чего Гаман кардинально поменял отношение к идеям Просве-

³ Отметим, что Гаману важны не столько «мысли» Сократа [Гильманов, 2003. С. 423], сколько его дела или поступки. Для самого Гамана философия есть образ жизни, и к определённым поступкам он призывает своих адресатов И. Канта и К. Беренса.

⁴ Купер интерпретировал сократическое незнание как скромность [Cooper, 1750. P. 84–85], даймон как «внутренний импульс души» [Ibid. P. 88–89], а охваченность даймоном как «душу, исполненную мудрости и добродетели» [Ibid. P. 92]. Все эти трактовки бесконечно далеки от рассуждений Гамана.

щения. Таким образом, первоначально Мендельсон рассматривал его трактат без какого-либо предубеждения. Когда же он узнал об изменениях в мировоззрении Гамана, его мнение о нём изменилось. Во втором отзыве Мендельсон обрушивается на его притязания быть гением, а также на неясность его стиля и многословность. В этом Мендельсон продемонстрировал удивительное непонимание метода Гамана, потому что тот как раз и собирался указать посредством своего стиля на то, что необъяснимо [Beiser, 2009. P. 235].

Молодого Иоганна Вольфганга Гёте СД впечатлили настолько, что он собирался написать драму, посвящённую Сократу, как признавался в переписке с Гердером в конце 1771 г. [Goethe, 1887. S. 11–13. O’Flaherty, 1967. P. 92]. Основное противостояние в этой драме было бы между героическим философом и фарисейскими софистами [Goethe-Handbuch, 1918. S. 342]. Однако, хотя Гёте и пытался придерживаться гамановской интерпретации даймона Сократа, его мировоззрение не позволило ему воспользоваться христологической интерпретацией Сократа Гаманом, так что это произведение так и не было написано.

Впоследствии в рассуждении о наследии Гамана Гёте высказался про СД в том смысле, что они «возбудили внимание общества, но более всего пришлось по душе тем, кто не хотел смириться со слепящим рационализмом того времени. В нём видели основательно мыслящего человека, хорошо знакомого с «явным миром» и литературой, но знавшего ещё что-то сокровытое, непостижимое, о чём он и возвещал на свой, совсем особый лад» [Гёте, 1969. С. 373].

Наряду с Жан-Жаком Руссо Гаман выступил идейным вдохновителем литературного движения «Буря и натиск» (Sturm und Drang), одну из ведущих ролей в котором играл Гёте. Хотя своеобразным манифестом «Бури и натиска» стало второе магистральное сочинение Гамана «Эстетика в ядре», именно дебютная его работа с акцентом на сократическом даймоне вызвала к жизни понятие поэтического гения, гениальности. Даниэл Далстром называет Гамана «эстетическим холистом», рассматривая его первым в ряду таких современников, как Гердер и Шиллер [Dahlstrom, 2008. P. 67–68]. Исследователь Гёте Рихтер отмечает, что именно Гаман оказал основное влияние на концепцию Гёте о «даймоне»: «Намерение Гамана состояло в том, чтобы сознательно заменить рациональный, диалектический образ Сократа, бывший основным во время Просвещения, новым представлением его как нерационального религиозного пророка» [Richter, 2007. P. 150].

Необходимо отметить, однако, что при апроприации гамановского «гения» представителями движения Sturm und Drang произошла значительная смена акцентов. Во-первых, основанный на сенсуалистском подходе Юма внерационализм Гамана (сократическое незнание понимается им как *Empfindung*, ощущение – что неподвластно рациональной критике) [Hamann, 1950. S. 73] уступил более явно выраженному иррационализму, олицетворённому в «Страданиях юного Вертера». Во-вторых, что ещё существеннее, произошла секуляризация и интериоризация даймона Гамана. «Genius» Гамана как внешний агент воздействия на человека уступил место «Genie» – гениальному человеку. Тем не менее, влияние Гамана сохранилось даже в таком урезанном виде.

Хотя в сравнении с Гёте Гегель представляет уже принципиально другую эпоху немецкой философии, основным содержанием их единственной встречи было

обсуждение Гамана [Эккерман, 1986. С. 547]. Загадочность Гамана заставила его посвятить ему отдельный очерк – единственный случай, когда Гегель писал о трудах кого-то ещё! – причём сократической теме в нём было уделено особое внимание [Гегель, 1972. С. 599–601]. Гамановскую мысль Гегель рассматривает как промежуточный этап на пути к его собственной совершенной системе. Настоящая статья продолжает и развивает ранее проведённую оценку гегелевской рефлексии [Стрельцов, 2020. С. 104–112].

Пожалуй, из многочисленной плеяды философов XIX столетия именно Кьеркегор стал главным учеником Гамана и продолжателем его сократической интерпретации, хотя он стал писать через несколько десятилетий после его смерти. У Кьеркегора в собственности было собрание сочинений Гамана издателя Фридриха Рота, и он делал пометки в этих книгах. Образу Сократа Кьеркегор уделил большое внимание в своём творчестве. Он читал СД⁵ уже при написании диссертации «О понятии иронии, с постоянным обращением к Сократу», которая выдаёт явную зависимость от Гамана.

То, что Кьеркегор активно пользовался наработками Гамана, является практически общим местом среди исследователей [Нау, 2008. Р. 99–107]. Что особенно важно применительно к теме нашего обзора, «вполне возможно, что никакой другой современный текст не оказал большего влияния на развитие философии Кьеркегора, чем «Сократические достопамятности» Гамана» [Betz, 2007. Р. 314]. Влияние Гамана, читать которого стал Кьеркегор, перебило влияние на него Гегеля и его философии истории; соответственно, Кьеркегор сознательно выступает далее как оппонент философии Гегеля [Thulstrup, 1980. Р. 224].

В качестве эпиграфа к «Понятию страха» Кьеркегор выбрал рассуждение о гамановской интерпретации Сократа: «Время различий прошло, оно побеждено системой. Тот, кто в наши дни ещё любит проводить различия, является эксцентриком, чья душа прикована к чему-то давно исчезнувшему. Но пусть это будет так, Сократ всё равно останется простым мудрецом, каким он в действительности и был, благодаря необычному различию, которое он выразил и осуществил, благодаря чему-то, что две тысячи лет спустя впервые с восхищением повторил только эксцентрик Гаман: «Сократ был велик потому, что он различал между тем, что он понимал, и тем, чего он не понимал» [Кьеркегор, 1993. С. 114]. В набросках к этой работе Кьеркегор высказывался ещё откровеннее: «Душа моя прилепляется к Сократу, первой моей любви, и радуется в Гамане, понимавшем его, ибо он сказал лучшее из того, что было сказано о Сократе», добавляя, что Сократ и Гаман были, возможно, величайшими умами всех времён [Betz, 2007. Р. 299]. Также в первоначальном варианте титульной страницы, сохранившемся в дневнике Кьеркегора, он ещё добавил к этому: «Сократ + 400 до Хр. – Гаман + 1758 после Хр. Socrates mein Herren was kein etc. (in Sokratische Denkwürdigkeiten)» [Kierkegaard, Dru, 1959. Р. 201].

Даже программа действий Кьеркегора была в некотором смысле скопирована у Гамана. Сакки обсуждает влияние Гамана (а конкретно его СД) на Кьеркегора в рассмотрении им Сократа как модели современного христианства. В частности, псевдоним «Вигилий Хауфниенсий» (само по себе использование псевдонимов

⁵ Согласно Андерсону [Anderson, 1982. Р. 134], Кьеркегор был знаком с СД уже с 1837 г.

Кьеркегором – один из факторов влияния на него Гамана, в случае которого использование псевдонимов в литературной деятельности выражало его концепцию «авторства») в подзаголовке «Понятия страха» очевидным образом указывает на связь между Сократом, Гаманом и его собственным проектом [Sacchi, 2011]. Поссен отмечает, что Кьеркегор повёл кампанию реабилитации Сократа в лютеранской Дании «не только в качестве интеллектуальной модели и этического примера, но также – в некоторых ключевых отношениях – в качестве религиозной парадигмы» [Possen, 2007. Р. 45–46]. Судя по всему, Кьеркегор продолжал аналогию СД: если Гаман рассматривал себя как кенигсбергского Сократа, противостоящего софистам-просвещенцам, то сократический Кьеркегор уже выступает в собственном представлении против софистически настроенного Гегеля.

Два момента в упоминаниях Кьеркегора о Гамане особенно обращают на себя внимание: трактовка Гаманом Юма и использование иронии. Первый из них характеризует метод Гамановского философствования в СД, второй служит ключевым маркером его стиля. Парадоксально используя скептицизм Юма, Гаман продемонстрировал в СД, что вера неподвластна разуму, и само её наличие объяснимо только в контексте чуда. В заметках на полях издания Фридриха Рота Кьеркегор отметил: «Видно полное непонимание христианина и нехристианина в ответе Гамана на возражение Юма: ну да, так и есть» [Betz, 2007. Р. 318]. Вероятно, такое понимание Гамана было одним из источников представления Кьеркегора о парадоксе.

Собственно, использование таких скептиков и агностиков как Юм в подтверждение христианства и было для Кьеркегора наивысшим проявлением иронии Гамана: «Не крайне ироничен ли Гаман, когда говорит где-то, что лучше услышит истину из уст фарисея помимо его воли, чем от апостола или ангела» [Kierkegaard, Dru, 1959. Р. 201]? В одном из первых вариантов предисловия к «Понятию страха» Кьеркегор особо отметил юмор Гамана: «Сократ и Гаман – величайший мастер иронии и величайший юморист, которых разделяет 2000 лет» [Нау, 2008. Р. 107].

Всё же в более зрелом возрасте Кьеркегор, в котором очень сильны скандинавские пиетистские нотки⁶, отходит от концепции иронии Гамана. Для Кьеркегора ирония – переходный этап, средство достижения цели. Для Гамана же нет необходимости идти за пределы иронии: Бог обретается именно посреди иронии, посреди парадокса, в этом напряжении, в единстве противоположностей.

В работе об иронии Кьеркегор часто ссылается на Гегеля. В 1850 г. он написал в дневнике, что сам был под влиянием Гегеля и тем самым был «гегелевским глупцом», подтверждая великую этику Сократа [Thulstrup, 1980. Р. 215]. Применительно к Гегелю очевидное отличие Кьеркегора от Гамана состоит в том, что Гаман

⁶ Джон Милбанк называет как Гамана, так и Кьеркегора «радикальными пиетистами» (Кьеркегору он приписывает «an astonishing reassertion of the radical pietist vision»), рассматривая их фактически как предшественников собственной концепции «радикальной ортодоксии» [Milbank, 1999. Р. 22]. С нашей точки зрения, рассматривая Гамана и Якоби как часть одного и того же движения, Милбанк игнорирует существенные расхождения между ними. Кроме того, Кьеркегор был в гораздо большей зависимости от пиетизма, чем Гаман: достаточно рассмотреть, насколько радикально различалось их отношение к сексуальности. Более сбалансированный взгляд представлен в другой недавней работе [Barnett, 2016].

стоял у истоков немецкой классической философии, а Кьеркегор уже реагировал на Гегеля. Бец преувеличивает, но всё равно остроумно замечает, что «имеется немалая ирония в том, что Гаман одновременно создал модель автономного христианского авторства Кьеркегора и эпистемологический ключ к системе Гегеля (хотя к самой системе он питал бы отвращение)» [Betz, 2007. Р. 193]. Иначе говоря, согласно такой радикальной трактовке, парадоксальным образом Гаман проложил дорогу как для Гегеля, так и для Кьеркегора, при том что они были непримиримыми антагонистами.

Обратимся к Ницше, чтобы завершить рассмотрение места гамановской сократической проблематики в истории философии. Такой выбор может показаться странным. В отличие от других рассмотренных авторов, Ницше не ссылается на Гамана в своих произведениях, хотя из этого не следует, что он не был знаком с его трудами прямо либо опосредованно. В дебютной работе Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» Сократу отводится значительная роль. С нашей точки зрения, интерес представляет то, что Ницше стоит на противоположных с Гаманом позициях в его интерпретации Сократа, несмотря на отдельные внешние сходства между двумя трудами⁷.

У Гамана софисты рассматриваются как рационалистические противники Сократа, а для Ницше сам Сократ – «первый и верховный софист» в соответствии с представлением Аристофана [Ницше, 1996. С. 106]. В случае Гамана диалектика сократического незнания и воздействия даймона определяет Сократа как человека веры, неподсудной разуму. Для Ницше же сократовское незнание – признак его крайнего рационализма, выступающего против инстинкта [Там же. С. 107]. Даймона Сократа Гаман истолковывает как наставника в жизни, а Ницше интерпретирует не в утвердительном, но в отрицательном смысле как инстинкт, толкавший его к логическому и критическому мышлению. Смерть Сократа Ницше соответственно объясняет его рациональным решением, дискредитируя тем самым его «мученичество»: при нормальной опоре на инстинкты суд закончился бы только изгнанием [Там же. С. 108]. Для Гамана же смерть Сократа – неизбежный итог его божественного призвания.

Столь контрастирующие интерпретации Сократа в трудах Гамана и Ницше вытекают из принципиально разных мировоззрений этих авторов (в частности, их диаметрально противоположного отношения к христианству), для подтверждения которых понадобились соответственно различные эпистемологии, при том что они оба обращались к одному и тому же персонажу греческой мысли.

Независимо от оценки справедливости замечания Фридриха Шлегеля, что вместо того чтобы тратить годы на Канта, надо было бы уделить их Гаману [Betz, 2005. Р. 234], Гаман был во многом забыт. Для его забвения имелись свои причины. И даже массовое открытие Кьеркегора на волне расцвета философии экзистенциализма в середине XX века не вызвало аналогичного всплеска интереса к Гаману: для широкой публики он оказался слишком «эзотеричным». Тем не менее, это не должно влиять на наше представление о динамике развития мыс-

⁷ О'Флаэрти приводит подробный список [O'Flaherty I, 1971. Р. 556]. См. также [O'Flaherty II, 1971. Р. 306–307].

ли XVIII века, стоявшей у истоков немецкой классической философии. И в этом отношении дебютный очерк Гамана с его «сократической» проблематикой едва ли может быть проигнорирован. Приведённый в данной статье обзор в целом подтверждает вердикт историка философии Фредерика Бейзера относительно СД, что это – «семинальная работа в истории современной философии» [Beiser, 1987. P. 24].

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф.** О сочинениях Гамана / Работы разных лет в двух томах. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 577–643.
- Гильманов В. Х.** Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003.
- Кьеркегор С.** Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
- Ницше Ф. В.** Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
- Светлов Р. В.** Сократ в пространстве античного воображения // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 169–184.
- Стрельцов А. М.** Аксиологическая проблематика призвания философа в «Сократических достопримечательностях» И. Г. Гамана // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43 (3). С. 111–116.
- Стрельцов А. М.** Гегелевский Гаман: попытка реконструкции // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 3. С. 104–112.
- Филин Д. А.** Личность Сократа в святоотеческой традиции // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 26. С. 180–185.
- Эккерман И. П.** Разговоры с Гете. М.: Худож. лит., 1986.
- Beiser F. C.** The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Beiser F. C.** Diotima's Children : German Aesthetic Rationalism from Leibniz to Lessing. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Betz J. R.** Hamann Before Kierkegaard: A Systematic Theological Oversight // Pro Ecclesia. 2007. Vol. 16. № 3. P. 299–333.
- Böhm B.** Sokrates im 18. Jahrhundert: Studien zum Werdegange des modernen Persönlichkeitsbewusstseins. 2. Auflage. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1966.
- Collins A.** A Discourse of Free-thinking. L., 1713.
- Collins A.** A Discourse of the Grounds and Reasons of the Christian Religion. L., 1737.
- Cooper J. G.** The Life of Socrates. 2nd ed. L., 1750.
- Dahlstrom D. O.** Philosophical Legacies: Essays on the Thought of Kant, Hegel, and Their Contemporaries (Studies in Philosophy and the History of Philosophy, Volume 50). Washington, D.C.: CUA Press, 2008.
- Goethe J. W.** Werke. 2. Bd. Weimar: Sophienausgabe, 1887.
- Goethe-Handbuch.** Hrsgb. Zeitler J. III. Band. Stuttgart: J. B. Metzler, 1918.
- Hamann J. G.** Sämtliche Werke. 2. Bd. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien: Herder Verlag, 1950.
- Hamann J. G.** Londoner Schriften. Historisch-kritische Neuedition von Oswald Bayer und Bernd Weissenborn. München: Verlag C. H. Beck, 1993.

- Hankins J.** Socrates in the Italian Renaissance //
- Hay S. K.** Hamann: Sharing Style and Thesis: Kierkegaard's Appropriation of Hamann's Work // Stewart J. B. (ed.). *Kierkegaard and His German Contemporaries: Literature and aesthetics*. Ashgate Publishing, Ltd., 2008.
- Kierkegaard S., Dru A.** The Journals of Kierkegaard. Harper Torchbooks, Tb 52. N. Y.: Harper & Row, 1959.
- Milbank J.** Knowledge: The Theological Critique of Philosophy in Hamann and Jacobi // Milbank J., Pickstock C., Ward G. (eds.). *Radical Orthodoxy: A New Theology*. L.: Routledge, 1999. P. 21–37.
- O'Flaherty J. C.** Hamann's Socratic Memorabilia: A Translation and Commentary. Baltimore: The John Hopkins Press, 1967.
- O'Flaherty J. C.** Hamann and Nietzsche's Conception of Socrates: A Comparison // Lange V., Roloff H.–G. (eds.). *Dichtung, Sprache, Gesellschaft: Akten des IV. internationalen Germanisten-Kongresses 1970 in Princeton*. Frankfurt, 1971. P. 553–561.
- O'Flaherty J. C.** Socrates in Hamann's Socratic Memorabilia and Nietzsche's Birth of Tragedy: A Comparison // Palmer R. B., Hamerton–Kelly R. (eds.). *Philomates; Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlan*. Hague: Nijhoff, 1971. P. 306–329.
- Possen D.** Soren Kierkegaard and the Very Idea of Advance Beyond Socrates. Dissertation. Chicago: The University of Chicago, 2007.
- Pupi A.** Johann Georg Hamann. III. Pelicanus colitudinis 1763–1773. Milano: Vita e pensiero, 1998.
- Richter S. J.** Goethe Yearbook 14. Harvard: Harvard University Press, 2007.
- Sacchi D.** Le ragioni di Abramo. Kierkegaard e la paradossalità del logos. Franco Angeli, 2011.
- Scaer P. J.** The Lucan Passion and the Praiseworthy Death. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2005.
- Thomasius C.** Das Ebenbild eines wahren und ohnpedantischen Philosophi, oder Das Leben Socratis, aus dem Frantzösischen des Herrn Charpentier ins Teutsche übersetzt von Christian Thomas. Halle, 1693.
- Thouard D.** Hamann and the History of Philosophy // Ligota C. R., Quantin J.–L. (eds.). *History of Scholarship. A Selecton of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 413–436.
- Thulstrup N.** Kierkegaard's Relation to Hegel. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Vlastos G.** The Philosophy of Socrates: A Collection of Critical Essays. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1971.

References

- Beiser F. C.** The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Beiser F. C.** Diotima's Children : German Aesthetic Rationalism from Leibniz to Lessing. Oxford: Oxford University Press, 2009.

- Betz J. R.** Hamann Before Kierkegaard: A Systematic Theological Oversight // *Pro Ecclesia*. 2007. Vol. 16. № 3. P. 299–333.
- Böhm B.** Sokrates im 18. Jahrhundert: Studien zum Werdegange des modernen Persönlichkeitsbewusstseins. 2. Auflage. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1966.
- Collins A.** A Discourse of Free-thinking. L., 1713.
- Collins A.** A Discourse of the Grounds and Reasons of the Christian Religion. L., 1737.
- Cooper J. G.** The Life of Socrates. 2nd ed. L., 1750.
- Dahlstrom D. O.** Philosophical Legacies: Essays on the Thought of Kant, Hegel, and Their Contemporaries (Studies in Philosophy and the History of Philosophy, Volume 50). Washington, D.C.: CUA Press, 2008.
- Eckermann J. P.** Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 1823–1832. Bd. 1–3. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1836, 1848.
- Filin D. A.** Lichnost' Sokrata v svyatootecheskoi traditsii [The Personality of Socrates in the Patristic Tradition] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2014, no. 26, p. 180–185. (in Russ.)
- Gilmanov V. H.** Germenevtika «obraza» I. G. Gamana i Prosveschenie [Hermeneutic of the «type» of J. G. Hamann and the Enlightenment]. Kaliningrad: Izdatelstvo Kaliningradskogo gos. universiteta, 2003. (in Russ.)
- Goethe J. W.** Werke. 2. Bd. Weimar: Sophienausgabe, 1887.
- Goethe-Handbuch.** Hrsgb. Zeitler J. III. Band. Stuttgart: J. B. Metzler, 1918.
- Hamann J. G.** Sämtliche Werke. 2. Bd. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien: Herder Verlag, 1950.
- Hamann J. G.** Londoner Schriften. Historisch-kritische Neuedition von Oswald Bayer und Bernd Weissenborn. München: Verlag C. H. Beck, 1993.
- Hankins J.** Socrates in the Italian Renaissance //
- Hay S. K.** Hamann: Sharing Style and Thesis: Kierkegaard's Appropriation of Hamann's Work // Stewart J. B. (ed.). *Kierkegaard and His German Contemporaries: Literature and aesthetics*. Ashgate Publishing, Ltd., 2008.
- Hegel G. W. F.** Hamanns Schriften / Werke 11. Frankfurt am Mein: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1986. S. 275–352.
- Kierkegaard S., Dru A.** The Journals of Kierkegaard. Harper Torchbooks, Tb 52. N. Y.: Harper & Row, 1959.
- Kierkegaard S.** Strakh i trepet [Frygt og Bæven]. M.: Respublika, 1993. (In Russ.)
- Milbank J.** Knowledge: The Theological Critique of Philosophy in Hamann and Jacobi // Milbank J., Pickstock C., Ward G. (eds.). *Radical Orthodoxy: A New Theology*. L.: Routledge, 1999. P. 21–37.
- Nietzsche F. W.** Works in Two Volumes. Tom 1 [Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1]. M.: 1996. (In Russ.)
- O'Flaherty J. C.** Hamann's Socratic Memorabilia: A Translation and Commentary. Baltimore: The John Hopkins Press, 1967.
- O'Flaherty J. C.** Hamann and Nietzsche's Conception of Socrates: A Comparison // Lange V., Roloff H.–G. (eds.). *Dichtung, Sprache, Gesellschaft: Akten des IV. internationalen Germanisten-Kongresses 1970 in Princeton*. Frankfurt, 1971. P. 553–561.
- O'Flaherty J. C.** Socrates in Hamann's Socratic Memorabilia and Nietzsche's Birth of Tragedy: A Comparison // Palmer R. B., Hamerton–Kelly R. (eds.). *Philomates*;

- Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlan. Hague: Nijhoff, 1971. P. 306–329.
- Possen D.** Soren Kierkegaard and the Very Idea of Advance Beyond Socrates. Dissertation. Chicago: The University of Chicago, 2007.
- Pupi A.** Johann Georg Hamann. III. Pelicanus colitudinis 1763–1773. Milano: Vita e pensiero, 1998.
- Richter S. J.** Goethe Yearbook 14. Harvard: Harvard University Press, 2007.
- Sacchi D.** Le ragioni di Abramo. Kierkegaard e la paradossalità del logos. Franco Angeli, 2011.
- Scaer P. J.** The Lucan Passion and the Praiseworthy Death. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2005.
- Streltsov A. M.** Aksiologicheskaya problematika prizvaniya filosofa v «Sokraticheskikh dostoprimechatel'nostyakh» I. G. Gama [Axiological Problems of the Philosopher's Calling in Hamann's Socratic Memorabilia] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, no. 43 (3), p. 111–116. (in Russ.)
- Streltsov A. M.** Gegelevskii Gaman: popytka rekonstrutsii [Hegelian Hamann: Attempt at Reconstruction] // *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 104–112. (in Russ.)
- Svetlov R. V.** Socrat v prostranstve antichnogo voobrazheniya [Socrates in the Space of Ancient Imagination] // *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2015, Vol. 9, no. 1, p. 169–184. (in Russ.)
- Thomasius C.** Das Ebenbild eines wahren und ohnpedantischen Philosophi, oder Das Leben Socratis, aus dem Frantzösischen des Herrn Charpentier ins Teutsche übersetzt von Christian Thomas. Halle, 1693.
- Thouard D.** Hamann and the History of Philosophy // Ligota C. R., Quantin J.–L. (eds.). History of Scholarship. A Selecton of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 413–436.
- Thulstrup N.** Kierkegaard's Relation to Hegel. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Vlastos G.** The Philosophy of Socrates: A Collection of Critical Essays. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1971.

Информация об авторе

Стрельцов Алексей Михайлович, кандидат философских наук
Научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Information about the Author

Alexey M. Streltsov, Candidate of Sciences (Philosophy)

Fellow, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev St., Novosibirsk,
630090, Russian Federation)

*Статья поступила в редколлегию 05.09.2022;
одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.*

*The article was submitted 05.09.2022;
approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.*

УДК 929

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-114-122

Дмитрий Викторович Ушаков: доброта в действии (к 50-летию друга и наставника)

Владислав Игоревич Терентьев

Улан-Батор, Монголия

vlad33@bk.ru

Аннотация

Эссе представляет собой авторский взгляд на творческую деятельность историка, философа и этно-социолога, кандидата философских наук Дмитрия Викторовича Ушакова в связи с его 50-летием. На фоне анкетных биографических сведений представлен словесный портрет сибирского учёного, описаны его личные характеристики, раскрыто содержание научной и общественной жизни, прослежены корни и истоки авторского исследовательского подхода юбиляра. Особое внимание уделено педагогической натуре Д. В. Ушакова, роли научной школы и передачи исследовательского опыта в процессе подготовки кадров.

Ключевые слова

Д. В. Ушаков, НГПУ, Институт философии и права СО РАН, научная школа, народная дипломатия, Монголия, Республика Алтай, Республика Тыва

Для цитирования

Терентьев В. И. Дмитрий Викторович Ушаков: доброта в действии (к 50-летию друга и наставника) // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 3. С. 114–122. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-114-122

Dmitry V. Ushakov: kindness in action (on the 50th anniversary of a friend and mentor)

Vladislav I. Terentyev

Ulaanbaatar, Mongolia

vlad33@bk.ru

Abstract

This essay examines the inspiring career of the historian, philosopher and ethno-sociologist, candidate of philosophical sciences Dmitry Viktorovich Ushakov in connection with his 50th birthday. Besides the personal biographical information as a background, the article presents a verbal portrait of the Siberian scientist, his personal characteristics, the content of scientific and social life, and the origins of his research approach. Particular attention is paid to the pedagogical nature of D. V. Ushakov, the role of the research school and the transfer of research experience in training would-be colleagues.

© Терентьев В. И. , 2022

Keywords

D. V. Ushakov, NSPU, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, research school, public diplomacy, Mongolia, Republic of Altai, Republic of Tuva.

For citation

Terentyev V. I. Dmitry V. Ushakov: Kindness in Action (on the 50th Anniversary of a Friend and Mentor). *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 114–122. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-114-122

Двенадцатого сентября 2022 года исполняется 50 лет кандидату философских наук Дмитрию Викторовичу Ушакову – другу и моему надёжному наставнику в нашем совместном научном поиске на бескрайних просторах России и Монголии. В этом небольшом эссе, написанном в смешанном стиле, на фоне биографии юбиляра попытаюсь представить авторский словесный портрет человека, который всей своей научной и общественной жизнью через доброту и общение связывает людей воедино, дарит всем радость совместного времяпрепровождения и тепло незабываемых встреч.

Дмитрий Викторович родился 12 сентября 1972 года в Новосибирске в семье государственных служащих. Основные ценности, морально-нравственные установки и ключевые характеристики Дмитрия как личности были заложены и сформировались в семейном окружении. О своих родителях и трагически ушедшем старшем брате Андрее (1963–1988), окончившем «Сибстрин» и работавшем в ООО «Сибстальконструкция», он всегда говорит с нескрываемым теплом и любовью. Про отца, Виктора Ивановича (1939–2008), кандидата технических наук, работавшего заместителем генерального директора машиностроительного завода «Сибсельмаш» по капитальному строительству, а после выхода на пенсию – начальником отдела капитального строительства «Концерн СБС – 308», Дмитрий Викторович неизменно вспоминает с почтением и уважением. Мать – Лариса Николаевна (1938 г.р.), трудившаяся инженером-сметчиком в Строительно-монтажном управлении № 3 и в «Концерне СБС – 308» – называет не иначе как «мачочка».

В 1989 г. Дмитрий окончил среднюю общеобразовательную школу № 101 Ленинского района Новосибирска и поступил на исторический факультет Новосибирского государственного педагогического института (НГПИ, с 1991 года – НГПУ). В 1994 г. успешно защитил две дипломные работы по темам «Психическая саморегуляция личности» под руководством кандидата психологических наук Нелли Петровны Аникеевой и «Философия истории Э. Фромма» под началом Евгения Васильевича Суховерхова. С отличием окончив университет по специальности «учитель истории и обществоведения», остался работать в НГПУ на кафедре социологии и политологии, сначала в должности ассистента, затем – старшего преподавателя. Спустя некоторое время перешел на кафедру изобразительного искусства и художественного творчества на должность доцента. С 1995 по 2005 гг. в НГПУ на указанных кафедрах Д. В. Ушаков преподавал учебные дисциплины «Этнология» и «Этнокультурные ценности в системе образования (Этнопедагогическая аксиология)», руководил педагогической практикой студентов на базе

средних школ Новосибирска¹. Именно в стенах НГПУ сформировалась и продолжала развиваться в других учебных заведениях педагогическая натура Дмитрия Викторовича – исключительная способность с любовью и добротой к своему предмету и собеседнику объяснять и разъяснять любую, даже очень сложную научную тему или проблему, доносить ключевые смыслы до самых, казалось бы, далеких от науки индивидуумов, к числу которых в студенческие годы (и не только) можно было отнести каждого из нас. Да и ему самому в жизни и научной карьере помогали многие видные сибирские ученые.

Практически с первых минут общения с Дмитрием Викторовичем мне удалось проникнуться атмосферой нетяжеловесной, неформальной и одновременно глубоко научной, структурированной и информативной беседы. Познакомились мы 1 июля 2011 года во время конференции «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая», проводимой ТувГУ на оз. Чагатай в Республике Тыва, и обсуждали с ним вопросы этноэкологии и этнопедагогики. В разговоре он по-доброму вспоминал конференцию, проходившую на Телецком озере в Республике Алтай и имевшую довольно поэтическое название «Педагогика любви». Как мне показалось спустя некоторое время знакомства с Дмитрием Викторовичем, эта фраза обязана стать девизом его жизни. В те июльские вечера меня сразу удивила легкая, перемежающаяся афоризмами, искренняя манера общения Дмитрия Викторовича, его обширная эрудиция в истории, социологии, философии, этнологии, реальные практические навыки полевой работы во многих регионах Сибири (Тува, Алтай, Эвенкийский и Туруханский район Красноярского края, Новосибирск, Искитим) и Монголии (Баян-Ульгийский, Увс и Ховд аймаки, Улан-Батор). Кроме научных знаний, Дмитрий Викторович оказался настоящим ходячим сборником анекдотов, фольклора и великолепным живым цитатником поэзии, среди которой особенно выделялись произведения В. С. Высоцкого и А. Н. Башлачева. Уважение, испытываемое в отношении творчества Сашбаша и способность цитировать его произведения часами, возможно, стали наиболее тяжеловесными аргументами в пользу нашей дружбы с Дмитрием Викторовичем. Так, безудержная и, зачастую, разрушительная энергия А. Н. Башлачева преломилась в нашем общении и вылилась в дальнейшем в созидательное коллективное научное творчество.

Тогда, в 2011 г., мы с моим учителем и наставником Валерием Макаровичем Кимеевым (1952–2021) активно работали над написанием первого тома коллективной монографии «Очерки Западной Монголии» [Кимеев и др., 2012] и составляли библиографию работ, касающихся нашей темы. Мимо нас не могла пройти фамилия «Ушаков» и несколько его работ по монгольской тематике, опубликованные на тот момент. Готовясь в Кемерово к поездке в Тыву и увидев его фами-

¹ В 2005–2007 гг. Дмитрий Викторович также преподавал в Новосибирском государственном техническом университете (до 1992 года – Новосибирский электротехнический институт), работал в должности доцента кафедры социологии гуманитарного факультета НГТУ. Кроме этого, в разные годы он преподавал социологию и политологию в Томском высшем юридическо-экономическом колледже и в Сибирской академии управления массовых коммуникаций (САУМК). Свой педагогический опыт Дмитрий Викторович продолжает транслировать, работая по совместительству с 2021 г. доцентом кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества СИУ РАНХиГС, преподает философию.

лию в программе участников конференции на оз. Чагатай, а также тему доклада «Природные и этнокультурные факторы в формировании межэтнических установок молодёжи Северо-Западной Монголии» [Ушаков, 2011], мы с Валерием Макаровичем очень обрадовались возможности познакомиться с одним из немногочисленных на тот момент авторов, пишущих оригинальные и дельные тексты о современной Западной Монголии. Особенно интересным нам представилось то, что докладчик-монголовед имел фамилию, созвучную с фамилией основоположника научной педагогики в России К. Д. Ушинского. Невозможно представить, каково было наше удивление, когда про этнопедагогические ценности монгольской молодёжи и ее межэтнические установки вышел докладывать не скромный «учитель в двубортном костюмчике и очочках» (выражение В. М. Кимеева), но абсолютная его противоположность: облачённый в восточный халат немалых размеров физически крепкий мужчина, руки которого были усеяны перстнями, несущими в себе определённую монгольскую символику, с лицом, исполненным серьезности и строгости. Последующее знакомство развеяло все стереотипы нашего первичного восприятия, открыв максимально веселого, общительного и дружелюбного человека.

Тем же летом, в августе, Дмитрий Викторович отправился с нами в этнографическую экспедицию к шорцам в п. Усть-Анзас Таштагольского района Кемеровской области, по приглашению В.М. Кимеева, с которым на оз. Чагатай у них завязались теплые, дружеские отношения. В полевых условиях мне было интересно не только новое видение уже частично знакомых шорцев, которое привнёс Дмитрий Викторович, но также любопытно сравнивать и наблюдать несколько разноплановые методы экспедиционной работы двух учёных – представителей двух поколений (разница в возрасте Д. В. Ушакова и В. М. Кимеева – ровно 20 лет) и различных научных школ: новосибирской этносоциологической и ленинградской этнографической. Именно сочетание этносоциологического подхода с классическими методами этнографических исследований и подведением под всем этим итоговой линии в виде серьёзного философского осмысления² позволяет говорить о комплексном характере социогуманитарного исследования в 2011 г. шорцев и в 2011–2012 гг. западных монголов. Собственно, специфику указанного многокомпонентного подхода Дмитрий Викторович и раскрывал в наших последующих беседах и оживлённых дискуссиях, которые нередко воплощались в научные публикации. Логично, что Д. В. Ушаков принял участие и в заключительной экспедиции КемГУ в Западную Монголию в 2012 г. В результате этого свет увидел второй том «Очерков Западной Монголии», соавтором которого также стал Дмитрий Викторович [Кимеев и др., 2013].

Острый и не исчезающий до сих пор интерес к изучению этнических общностей Сибири и Монголии, их культуры и ценностей начал развиваться у Д. В. Ушакова в процессе преподавания в НГПУ дисциплины «Этнология». Особенно увлекает нашего юбиляра тема, связанная с механизмами воспроизводства эт-

² Рассуждая о философии, Дмитрий Викторович обращает моё внимание на неизменную фундаментальность ее положения в основании научного знания. После очередной подобной лекции в качестве закрепляющего вопроса он поинтересовался у меня: «Теперь-то ты понимаешь, зачем люди при поступлении в аспирантуру сдают философию науки? Что было равно другой его формулировке: «Теперь ты понял, зачем в сыре дырочки?».

ничности и способами межпоколенной передачи своей этнической идентичности у представителей различных народов. Не понимая тогда, но отчасти догадываясь сейчас, что именно процесс передачи исследовательского опыта как активное действие связало нас тогда на оз. Чагатай и в полной мере проявилось, во-первых, в шорской экспедиции, а во-вторых, в последовавшей за этим совместной научной работе. Трансляция исследовательского опыта и методов работы есть трансляция идентичности учёного (от старшего к младшему), что закладывает основы формирования новой научной школы. Современность размывает и дискредитирует многие базовые понятия, без которых немислимо человеческое существование. Одним из таких является «учительство» или «наставничество». В российской науке становится пока не совсем заметной, некой новой нормой написание квалификационных диссертационных исследований от первого лица единственного числа («я»). В связи с этим ФИО научного руководителя / консультанта на титульном листе выглядит как-то неуместно. Нами не проводился специальный контент-анализ текстов диссертаций, но случайная выборка по нашей специальности «5.6.4 – Этнология, антропология и этнография» позволяет делать эти выводы. При данной подаче мысли складывается впечатление, что автор исследования возник в вакууме, а все его умозаключения – плод монологического рассуждения с самим собой в глухих стенах одиночной камеры, что в действительности, конечно, не является таковым.

Мы по-прежнему стоим на плечах гигантов, но эти гиганты также впитывают опыт предшествующих поколений, усиленный академичностью традиции и генеалогией научной школы. Личность учёного складывается в научном коллективе, которым для Дмитрия Викторовича стал сначала НГПУ, в дальнейшем дополнившийся Институтом философии и права (ИФПР) СО РАН, в котором Д. В. Ушаков трудится уже ровно четверть века, с 1997 года. В то время его наставник Сергей Николаевич Ерёмин, кандидат философских наук, профессор и ученый секретарь диссертационного совета, говорил: «Настоящая наука делается при беседах в курилке и после банкетов, а не в придумывании скоропалительных формулировок во время отчетов по грантам». Пройдя должности от младшего до старшего научного сотрудника, Д. В. Ушаков на протяжении всего времени занимается комплексом проблем, связанных напрямую с темой его кандидатской диссертации «Концепции социального взаимодействия в теоретической социологии: теоретико-методологический анализ», защищенной под руководством тогда кандидата, а ныне – доктора философских наук Юрия Владимировича Попкова. В эти годы (с 2000 по 2005) Дмитрий Викторович с идеями (концептами) социального взаимодействия переходил от теории к практике, начал заниматься исследованием межнациональных и межконфессиональных отношений в родном Новосибирске, изучать профессиональное образование, специфику трудоустройства и проблемы занятости молодёжи в России и Монголии, положение семьи, воспроизводство этничности у населения Саяно-Алтая, роль музейных экспозиций в национальной политике. Чем бы ни занимался Дмитрий Викторович, каждая его тема связана с жизнью людей в проекции их социального взаимодействия, поэтому нередко он отходит от методов социологических анкетирования, опроса и интервьюирования, все больше и шире практикуя этнографический метод включенного наблюдения.

Особая сфера жизни Дмитрия Викторовича – его общественная деятельность. Так, в 2016 году он выступил в Новосибирске в качестве одного из организаторов круглого стола «Научно-образовательное сотрудничество Сибири и Монголии: проблемы и перспективы профессиональной подготовки кадров» в рамках форума «Россия – Монголия, сотрудничество 2016», а на следующий год принял активное участие в аналогичном форуме уже в столице Монголии – Улан-Баторе. Организаторские способности Дмитрия Викторовича были им отточены в ходе исполнения обязанностей учёного секретаря сектора этносоциальных исследований (2000–2002, 2004–2005), при руководстве социологическим исследованием проблем занятости и трудоустройства молодёжи Новосибирска (2002–2003), в процессе разработки анкет, участии в работе по организации школы молодых этносоциологов (2010, 2012, 2013) и регулярного международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», а также при проведении им многочисленных экспедиций и массовых этносоциологических опросов в разных регионах Сибири. Опыт работы Дмитрия Викторовича с научной документацией, его навыки, полученные в ИФПР СО РАН при предварительном рассмотрении и оппонировании диссертаций, помогли во время нашего совместного обсуждения проекта моей кандидатской, посвященной проблемам формирования и развития этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XXI в. Дмитрий Викторович был настойчив в ходе выработки структуры квалификационной работы и отпустил меня только после того, как были дописаны названия всех глав и параграфов. В целом в моей научной работе Дмитрий Викторович остается тем, кто всегда помогает в работе с текстами: он не только первым вычитывает многое из написанного, но и при возникновении затруднений подсказывает конкретные формулировки, воплощая в слова и предложения отдельные невербализируемые мысли.

Став на поприще народной дипломатии настоящим экспертом, Дмитрий Викторович, как мне видится, обретает внутренний мир и целостность в вечном движении. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть его недавнюю статью, посвященную научно-педагогической деятельности доктора исторических наук Зои Юрьевны Доржу. В этом тексте по ходу повествования, в том числе, обрисовываются и его экспедиции и поездки на различные научные конференции, количество которых можно кратко обозначить прилагательным «многочисленные» [Ушаков, 2022б. С. 206, 211], а темп – фразой «я быстро прибежал» [Ушаков, 2022б. С. 210]. Конечно, быт и научная стезя этносоциолога обязывает его не сидеть на месте, а, по собственному выражению Дмитрия Викторовича, «бегать с анкетами» и «допрашивать людей»³.

³ Регулярно связываясь с ним в последние годы по телефону (вживую мы не виделись с сентября 2017 года – без малого 5 лет), редко мы можем пообщаться в спокойной, ничего не предвещающей обстановке: он либо кого-то встречает, либо провожает, либо готовится встретить. Думаю, что в квартире и (что немаловажно!) на даче Дмитрия Викторовича давно уже можно завести «Книгу гостей и благодарностей» или вывесить памятную табличку «На этой кровати возлежали...» / «В этой бане мыслились...», на которой будут отмечены имена большого количества видных и не очень настоящих академиков и просто искателей, посвятивших себя исследованию культурного многообразия и этносоциальной проблематики Монголии, республик Тува, Хакасия и Алтай.

Возможно, в том числе и с целью институционализации процесса развития народной дипломатии, юридического упорядочивания и придания официального статуса своей общественной деятельности по приему и сопровождению гостей из Монголии и возникла идея создания в 2018 г. Новосибирской региональной общественной организации «Монгольский национально-культурный центр “Найрамдал (Дружба)”», в которой Д. В. Ушаков является первым вице-президентом. Как отмечается в уставе организации, «общество создано в целях... содействия обеспечению условий и возможностей реальной реализации прав ...граждан Монголии, постоянно или временно проживающих в г. Новосибирск и Новосибирской области, ...оказания помощи представителям Монголии... в создании необходимых условий для сохранения и развития их национальных традиций». В позитивной деятельности центра «Найрамдал (Дружба)», в частности, в оказании поддержки монгольским студентам, обучающимся в новосибирских вузах (в 2022 году таковых насчитывалось порядка 350 человек [Ушаков, 2022a]) играет большую роль участливость, внимательность, сердечность, отзывчивость и доброта Дмитрия Викторовича. Даже его, возможно, внешне противоречащие друг другу одновременные увлечения единоборствами, холодным оружием, изобразительным искусством и поэзией являются, по сути, доказательством прописной истины: «Добро должно быть с кулаками», но, по возможности, без их применения.

Педагогика, философия, этносоциология, этнография – науки, существующие в жизни Дмитрия Викторовича не изолированно, книжно, а реально взаимодействуя и дополняя друг друга, принося свои плоды в процессе его широкой общественной деятельности, способствуя развитию побратимских отношений между Новосибирском и Улан-Батором, установленных в октябре 2015 г. Дмитрий Викторович поддерживает теплые отношения с коллегами и друзьями из Улаангома, Говь-Алтайского и Сухэ-Баторского аймаков Монголии, удостоен наград и почетных знаков г. Ховда и Ховдского аймака. В заключение хочу пожелать дорогому Дмитрию Викторовичу сил в дальнейшей научной, педагогической и общественной деятельности. Сил, которые позволят написать все то, что диктуют сердце и душа, а не пламенеющий сквозь ночной экран монитора индекс Хирша, организовать и провести запланированные мероприятия как в России, так и в Монголии и осуществить все задуманные экспедиции по бескрайним просторам Саяно-Алтая, знакомясь с новыми людьми и радуя своим присутствием старых друзей и товарищей.

Список литературы

- Кимеев В. М., Терентьев В. И., Акулова А. С. и др.** Очерки Западной Монголии. Кемерово: Примула, 2012. Т. 1: Традиции и современность. 206 с.
- Кимеев В. М., Акулова А. С., Ушаков Д. В. и др.** Очерки Западной Монголии. Кемерово: Офсет, 2013. Т. 2: Этнокультурные взаимодействия народов Западной Монголии и российского Саяно-Алтая. 199 с.
- Ушаков Д. В.** Природные и этнокультурные факторы в формировании межэтнических установок молодежи Северо-Западной Монголии // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций на-

родов Саяно-Алтая: материалы III Межрегион. конф. с междунар. участием. Кызыл, 28 июня – 2 июля 2011 г. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2011. С. 6–12.

Ушаков Д. В. Деятельность национально-культурной организации по социальной поддержке монгольских студентов // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 23–24 июня 2022 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022а (в печати).

Ушаков Д. В. Зоя Юрьевна Доржу и ее ученики // V Центральнoазиатские исторические чтения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл, 9–10 июня 2022 г. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2022б. С. 204–214.

References

Kimeev V. M., Terentyev V. I., Akulova A. S., Shirin Yu. V., Batsuur L. Ocherki Zapadnoi Mongolii. T. 1: Traditsii i sovremennost' [Essays on Western Mongolia. Vol. 1: Traditions and Modernity]. Kemerovo, Primula, 2012, 206 p. (In Russ.)

Kimeev V. M., Akulova A. S., Ushakov D. V., Terentyev V. I., Batsuur L. Ocherki Zapadnoi Mongolii. T. 2: Etnokul'turnye vzaimodeistviya narodov Zapadnoi Mongolii i rossiiskogo Sayano-Altaya [Essays on Western Mongolia. Vol. 2: Ethno-cultural interactions between the peoples of Western Mongolia and the Russian Altai-Sayan]. Kemerovo, Ofset, 2013, 199 p. (In Russ.)

Ushakov D. V. Prirodnye i etnokul'turnye faktory v formirovanii mezhetnicheskikh ustanovok molodezhi Severo-Zapadnoi Mongolii [Natural and ethnocultural factors in the formation of interethnic attitudes of the youth of Northwestern Mongolia]. In: Aktual'nye problemy issledovaniya etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Sayano-Altaya: materialy III Mezhregional'noi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Materials of III Interregional conference with international participation «Actual problems of the study of ethno-ecological and ethno-cultural traditions of the peoples of the Sayan-Altai»], Kyzyl, June 28 – July 2 2011. Kyzyl, TuvSU, pp. 6–12. (In Russ.)

Ushakov D. V. Deyatel'nost' natsional'no-kul'turnoi organizatsii po sotsial'noi podderzhke mongol'skikh studentov [Activities of the national cultural organization for the social support of Mongolian students]. In: Evraziistvo: teoreticheskii potentsial i prakticheskie prilozheniya: materialy XI Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii [Materials of XI Russian (with international participation) scientific and practical conference «Eurasianism: theoretical potential and practical applications»], Barnaul, June 23–24 2022. Barnaul, AltSU, 2022a. (In Russ.)

Ushakov D. V. Zoya Yur'evna Dorzhu i ee ucheniki [Zoya Yurievna Dorzhu and her students]. In: V Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [International scientific and practical conference «The Fifth Central Asian Historical Readings»], Kyzyl, June 9–10 2022. Kyzyl, TuvSU, pp. 204–214. (In Russ.)

Информация об авторе

Владислав Игоревич Терентьев, кандидат исторических наук
г. Улан-Батор, Монголия

Information about the Author

Vladislav I. Terentyev, Candidate of Historical Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

*Статья поступила в редколлегию 24.09.2022;
одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.*

*The article was submitted 24.09.2022;
approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 17.11.2022.*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

5.4 – Социология.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнаружение, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела: «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; ORCID; название статьи

на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы, город, страна на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, а также контактный телефон, электронный адрес автора, коды автора в Scopus, Web of Science (если есть)). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .rtf, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Интернет кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

При оформлении ссылки на документы из сети Интернет обязательно указываются: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора (см. образец ниже).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии). Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law

of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

Информация об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006, p. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример ². В качестве подстрочных

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002, с. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

сносок оформляются ссылки на источники в Интернете ³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

NB! Принятая система оформления списка литературы является адаптированной и переработанной версией оформления библиографии в соответствии со стандартом *The Chicago Manual of Style*. Просим учитывать различия в указании на русскоязычные и иностранные источники.

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетей, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н.э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility*. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. *Patristicism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations*. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

References

Aristid. *Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]*. In: *Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]*. In 25 vols. Ed. by A.G. Dunaev. St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, vol. 1. *Afinskie gosudarstvennyye deyateli V v. do n. e. [Athenian statesmen of the 5th century BC.]*, pp. 290–336. (In Russ.)

Lee J. Y. *God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Possibility*. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. *Patristicism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations*. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, no. 2, pp. 363–375.

Tselishchev V. V. *Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalist Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]*. *Voprosy filosofii*, 2013, no 8, pp. 12–23. (In Russ.)

³ См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Информация об авторе**Иванов Иван Иванович**

Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Института философии и права СО РАН

Information about the Author**Ivan I. Ivanov**

Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS